

84(2=411.2)6
Т93

ТЫСЯЧИ ЗНАКОВ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копич. пред. выдач.

--	--

Муниципальное учреждение

культуры и досуга Ювени

«Централизованная городская
библиотечная система»

ИНН 7204037383

Центральная городская библиотека

Служба комплектования

и хранения литературы, документов

ул. Советская, 76

ТЫСЯЧИ ЗНАКОВ

Сборник
рассказов и стихов
учеников Школы
литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском государственном
университете

175936/2

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2018

УДК 821.161.1(082)
ББК Ш44(2=411.2)6-5я43
Т936

Составители:

Михаил Булатов, Сергей Козлов

Иллюстрации и обложка:

Михаил Булатов

Тысячи знаков : сборник рассказов и стихов учеников Школы литературного мастерства имени Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете / сост. М. П. Булатов, С. С. Козлов. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 402 с.

ISBN 978-5-400-01533-5

У вас в руках сборник мистических историй, а также стихов тюменских авторов.

Мелочи могут повернуть жизнь человека на 180°. Взгляд, брошенный из-за плеча, старинная монета или случайный поцелуй на перроне... Каждый день нас окружают знаки, которых мы обычно не замечаем. Но стоит взглянуть на мир под другим углом, и увидим — их тысячи.

Сборник адресован широкому кругу читателей, а также издателям, заинтересованным в поиске новых писательских имён.

Большинство произведений публикуются впервые.

Книга издана при финансовой поддержке Тюменского государственного университета

УДК 821.161.1(082)

ББК Ш44(2=411.2)6-5я43

ISBN 978-5-400-01533-5 © Булатов М. П., иллюстрации, 2018
© Тюменский государственный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
-----------------	---

ПРОЗА

Михаил Булатов

В одной комнате	8
Другие.....	48

Мария Гилина

Лавочка.....	112
--------------	-----

Антон Комаров

Три капли	134
-----------------	-----

Алексей Крутов

Баюшки-баю.....	137
Четвёртый.....	145

Алексей Лаптандер

Колобок в полыни	163
------------------------	-----

Вероника Малиновская

Клад.....	167
-----------	-----

Юлия Некрасова

Барсанофий.....	179
-----------------	-----

Ольга Мухамедьярова

Желание	185
---------------	-----

Надежда Поплавская

Перепутье.....	193
----------------	-----

Сергей Потёмкин

Судьба	200
--------------	-----

Михаил Ринский	
Лунная гора.....	233
Илья Рысев	
Девушка с Уэлшем.....	279
Фотография (из цикла «Легенды Тихого»)	291
Артём Соколов	
Шанс для каждого.....	305
Наталья Софронова	
Чёрный зонтик.....	342
Дарья Сыромолот	
Недостаток.....	349
Анна Целуйко	
На улицах продавали мимозу	363

СТИХИ

Алина Агаева.....	374
Юлия Евстигнеева	377
Мария Кремлёва.....	379
Дарья Матюхина.....	386
Анна Моисеева.....	387
Юлия Некрасова.....	396
Артём Пономарёв	399

Вступление

Чёрной-чёрной ночью в чёрном-чёрном городе... Знакомо, правда? Не удивлюсь, если каждый из вас припомнит пару-тройку страшилок, которые рассказывали в пионерском лагере после отбоя. Мы с детства любим щекотать нервы жуткими историями. Бука под кроватью, маньяк с топором или пиковая дама — расхожие герои, кочующие из одного поколения в другое.

Жанр хоррора по душе не только детям, но и взрослым. Кто знает, почему? Быть может, мы больше сопереживаем героям, которые столкнулись с монстрами. Быть может, втайне радуемся тому, что это случилось не с нами. Так или иначе, ужастики востребованы читателями всех возрастов.

Вы держите в руках сборник мистических и таинственных историй тюменских авторов.

Мелочи могут повернуть жизнь человека на 180°. Взгляд, брошенный из-за плеча, старинная монета или случайный поцелуй на перроне... Каждый день нас окружают знаки и символы, которых мы не замечаем. Но стоит взглянуть на мир под другим углом, и увидим — их тысячи.

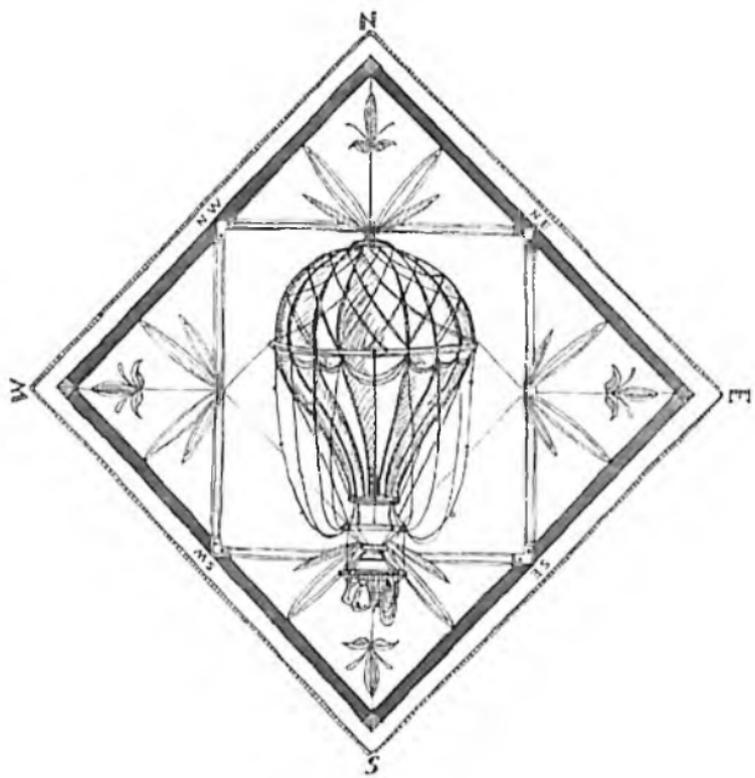
Из символьного кода сплетено повествование Михаила Ринского в «Лунной горе». Знаки судьбы тут

и там встречаются в произведении Сергея Потёмкина. Знаковой становится поездка для двух студентов-филологов в Богом забытую деревню в моём рассказе «Другие».

Если вы подумали, что сборник состоит исключительно из ужастиков, то ошиблись — в нём есть и лирические рассказы, ироническая повесть Марии Гилиной «Лавочка», сказка Ольги Мухамедьяровой «Желание», а ещё проникновенные стихи, наверняка способные растрогать ваше сердце.

Когда я смотрю со стороны на проект, на создание которого ушёл не один год, мне представляется небесный свод с зажжёнными фонариками звёзд. Какие-то из них сияют ярче, какие-то чуть бледнее, но я не сомневаюсь, что их талант разгорится.

*Михаил Булатов,
руководитель Школы
литературного мастерства
им. В. Крапивина*

ПРОЗА

Михаил Булатов

В одной комнате

Глава 1. Заманчивое предложение

— Чел, мне реально нужна твоя помощь! Выручи меня этим вечером. Я в долгу не останусь! — Паган, получивший прозвище из-за любви к древнеславянской культуре, которую, правда, понимал по-своему: любовь к Руси для него выражалась в рисовании коловратов на стенах общественного туалета — смотрел на Вика, прищурив глаз от сигаретного дыма. Парни стояли на крыльце университета прямо под надписью «Курение запрещено! Штраф 1000 рублей».

Вик покосился на листок, а Паган усмехнулся:

— Не ссы в компот, там повар ноги моет! Даже охранник выходит сюда покурить, — и снова вернулся к обсуждаемой теме: — Так что?

— Ты не врубаешься! — продолжал упорствовать Вик. — Я же ничего не понимаю в звукозаписывающем оборудовании. Там аппаратуры на целый миллион!

— Чел, только на одну смену! Я тебе покажу, где что настраивается. Ты же играешь на гитаре, должен разобраться. У меня сегодня свидание с одной тёл-

кой. И если всё пойдёт, как надо, я пристрою свой мотоцикл в её гараже. Сечёшь?

— Если хочешь её поиметь, так и скажи, — Вик немного побаивался Пагана. Тот был крупнее, брил голову и носил ботинки с металлическим носком. Но сейчас Вик чувствовал, что сможет поставить его на место. Паган насупился.

— Не перегибай. Может, это любовь?!

Вик пожал плечами, представив, какая любовь может быть у Пагана с какой-нибудь панкушкой.

— Ладно. Допустим, я согласен. Что мне с этого будет?

— Шестьдесят процентов от выручки забираешь себе, остальное кладёшь в ящик.

— А шестьдесят процентов — это сколько в рублях? — Вик посмотрел на Пагана.

Тот сморщил лоб и принялся загибать пальцы, бормоча под нос:

— Сначала «Слейпнир», за ними ещё одна команда, как-то не по-русски... — Паган презрительно скривился. — И ещё одна с нерусским названием. И вроде бы на вечер кто-то бронировал, из новеньких. Должно получиться... — и тут Паган надолго замолчал. Вик понимал, что сейчас он пытается высчитать шестьдесят процентов от вечерней выручки репетиционной базы. Наконец, Паган ответил:

— Около трёх косарей. Может, чуть больше. Мне сложно считать в уме.

Три тысячи за вечер были заманчивым предложением. Но Вик решил поторговаться:

— Не пойдёт! Семьдесят пять процентов и не меньше, — сказал он. Рот Пагана превратился в букву «о», а Вик посоветовал:

— Челюсть подбери! Это всего на пятнадцать процентов больше, чем шестьдесят. У меня тоже были планы...

Паган вздохнул. Он только что предпринял мыслительный подвиг, высчитывая шестьдесят процентов из общей выручки. Повторить его, высчитав семьдесят пять, уже не сумел бы.

— Хорошо. Спасибо, брат!

— Коловрат тебе брат, — передразнил его Вик. Никаких особых планов на вечер у него, конечно, не было. Разве что покурить кальян да посмотреть порнушку. Но Пагану об этом знать было не обязательно.

— Ещё раз увижу здесь с сигаретой, засуну тебе в жопу! — проревел кто-то у них за спинами.

Вик обернулся и увидел разгневанного охранника, который быстро приближался. Паган кинул и растоптал окурочек.

— Никаких проблем! Мы тут к зачёту готовимся.

— Проваливайте отсюда, — крикнул охранник. — Иначе я вас так к зачёту подготовлю, родная мать не узнает.

Парни отошли, и Вик увидел, как охранник достаёт и раскуривает сигарету, не обращая внимания на объявление.

— Я же говорил, он сам здесь курит! — Паган подбородком указал на охранника. — Поехали на базу, проведу инструктаж.

И Вик, не представляя, что ждёт его впереди, согласился.

Глава 2. В подвале «Замка»

Доехали до репетиционной базы на ржавом тонированном тазике, который водил Паган. Как оказалось, точка находилась всего в квартале от дома, где Вик снимал квартиру. Пока были в пути, казалось, что отвалится одно из колёс или отпадёт подвеска. Но рухлядь, произведённая больше тридцати лет назад, как-то работала. Из магнитолы звучала какофония. Вик смог разобрать только, что Сварог — отец всех русичей, а всем нерусичам он «изрядно надаёт по щам». Паган начал подпевать, покачивая в такт бритой головой: «Дети Сварога, могучего Бога, встаньте плечом к плечууу...!»

Припарковались рядом с двумя кирпичными зданиями, стоявшими по отношению друг к другу под прямым углом. База, как уже рассказал Паган, находилась на цокольном этаже одного из них. Внутренний двор был закрыт, и попасть в него можно было лишь через сводчатую арку, которую перегораживала кованая решётка. В решётке находилась калитка с магнитным замком.

— Тут рва с крокодилами не хватает и подвесного моста в придачу! — высказался Вик.

— Потому база и называется «Зáмок», — отозвался Паган.

Вик ожидал, что Паган откроет калитку с помощью ключа, но этого не произошло.

— Гляди, фокус покажу! — и парень просунул руку между прутьев, надавив указательным пальцем на спрятанную с другой стороны кнопку. Калитка открылась.

— Чудеса техники! Зачем тогда магнитный замок? — спросил Вик, не надеясь услышать ответ. Его и не последовало.

Двор оказался небольшим. В нескольких десятках шагов была рифлёная стена ангара, рядом высилась пескоструйка. В дальнем конце двора ветер раскачивал качели. Недалеко от них стояла на спущенных колёсах «Волга» образца 56-го года. Как она здесь

оказалась, для Вика было загадкой. Круглые фары и решётка радиатора машины напоминали морду доисторического зверя. А там, где два здания сходились под углом, была массивная дверь, больше похожая на вход в бомбоубежище. К ней Вик с Паганом и пошли.

— Есть три ключа, — напутствовал Паган. — Этот, круглый, открывает внешнюю дверь на цокольный этаж. Три оборота против часовой стрелки. Только на дверь нужно поднажать, чтобы она открылась. Закрываешь так же, только в другую сторону. На, попробуй!

Вик попытался, и у него получилось. Правда, не с первого раза. Замок был тугим, а стальная пластина двери слишком тяжёлой. Вошли внутрь и оказались в помещении с высоким потолком. Воздух был спёртым и пыльным. Паган протянул руку влево, нащупал выключатель. С треском загорелись лампы дневного света. Тогда Вик увидел лестницу, уходившую вниз на два пролёта.

— Пойдём! Времени у нас в обрез, а мне надо тебе про оборудование рассказать, — поторапливал Паган. Спустились и вышли в подземный холл. По потолку и стенам тянулись трубы. Где-то капала вода. Больше разглядеть ничего было нельзя. Паган снова нашёл выключатель, и две лампочки загорелись сре-

ди переплетения труб. Вик увидел, как мокрица юркнула прямо из-под ног, и скривил губы.

— Есть ещё один выключатель — в подсобке. И лучше держи свет включённым, а когда будешь уходить, отключай по очереди. И не задерживайся! Выключил — и ходу дальше, к следующему освещённому помещению. Понял?

— Да ты, похоже, темноты боишься! — ответил Вик. Паган нехорошо улыбнулся.

— Я бы на твоём месте тоже боялся. Как-то раз я здесь увидел паука размером с куриное яйцо. Поверь мне на слово.

Вик был уверен, что Паган его разыгрывает, но спорить не стал. Из холла, где они оказались, влево уходил тёмный коридор. И шёл он, похоже, под всем зданием. В стене напротив было две двери. Справа железная с надписью В-4/П-2А и молнией в жёлтом треугольнике. Электрощитовая.

Левее, ближе к тёмному коридору, дверь подсобки, где находился «кабинет» администратора. Паган показал, каким ключом она открывается. За ней была комната, всё пространство которой занимали стол и деревянный стеллаж. За ширмой Вик обнаружил унитаз.

— Если кто-нибудь из этих волосатых ублюдков вздумает отлить в подвале, я с тебя шкуру спущу! —

пообещал Паган. — Объясняй им, и объясняй как следует, что ссать можно только здесь. И нигде больше.

На стене в комнате был нарисован гигантский фиолетовый кот с ядовито-жёлтыми глазами, который восседал на черепахе с разноцветным панцирем.

— Святой псилоцибин! Это ты нарисовал? — спросил Виктор у Пагана. Тот отрицательно мотнул головой:

— Тут до меня какой-то укурочка работал. Он и нарисовал. Если побродишь по подвалу, сможешь на его настенную живопись посмотреть.

Но у Вика не было желания бродить там, где, по словам Пагана, водятся пауки размером с куриное яйцо.

— Братишка, с лёгкой частью экскурсии мы справились. А теперь перейдём к основной, — Паган повёл приятеля в тёмный коридор.

Репетиционная база находилась в одном из помещений, расходившихся в стороны от узкого коридора. Нужно было пройти примерно три десятка шагов в темноте. Вик шёл за широкой спиной Пагана, стараясь ступать туда же, куда и он, и его не оставляла мысль, что во время смены придётся ходить этим путём одному.

— Смотри, ещё фокус! — сказал Паган и громко хлопнул в ладоши. Над ними зажглась лампочка. — Эта, в отличие от остальных, реагирует на звук, поэтому всё надо делать быстро, — он выбрал из связки

третий ключ и вставил в замочную скважину. Лампочка погасла.

— Вот дерьмо! — воскликнул Паган и опять хлопнул в ладоши. Свет загорелся снова. Паган быстро повернул ключ и открыл дверь с двойной коробкой для лучшей звукоизоляции. Они вошли в студию.

— Проверь после каждой команды, чтобы всё оставалось на местах и было целым! Многие из этих волосатых ублюдков насмотрелись выступлений Курта Кобейна, где он расхерачивает свои гитары.

Вик уже сомневался в том, что это будет лёгкая работа. Что-то заметив в его лице, Паган дружески хлопнул парня по плечу и сказал:

— Не переживай, всё будет в порядке! Многие команды были здесь не раз. Я хорошо знаю этих ребят, и от них не приходится ждать неприятностей. Дай им понять, кто тут хозяин.

Вик издал нервный смешок:

— Постараюсь, чувак. А что это за штуковина?

— Это микшерный пульт, к нему подключаются микрофоны. А вот это стеки, к ним подключаются гитары. А это басовый кабинет — самая дорогая хреновина в этой дыре... Паган в нескольких словах объяснил, как сбрасывать настройки к исходным параметрам: это и впрямь оказалось не сложно.

На прощание он передал Вику связку ключей и крепко пожал руку:

— Ты меня выручаешь. Не дрейфь, помни, о чём я тебе рассказывал! Следи за музыкантами, выключай свет по очереди! На углу есть магазин. Купи пивка, чтобы тебе было не так скучно. Смена пролетит — ты и не заметишь.

— Удачи с парковкой мотоцикла! — Вик усмехнулся.

Сверху раздались оживлённые голоса, и Паган ответил:

— Смотри-ка, первая команда припёрлась! Раньше, чем положено, но с этими ублюдками никогда не угадаешь. Пойдём наверх, познакомлю тебя с ними.

Глава 3. В должности привратника

«Волосатые ублюдки» оказались отличными парнями. Их было четверо: мускулистый фронтмен; толстый ударник, причёска которого взорвалась копной кудрей; ничем не примечательный басист, похожий на Кенни из «Южного парка»; и покрытый татуировками соло-гитарист, единственный из всей компании носивший длинные волосы. Музыканты спустились в подвал, будто в бабушкин погреб. Было заметно, что они здесь знают каждую ступень.

— Как тебе «Замок»? — спросил фронтмен у Вика.

— Как в третьесортном фильме ужасов, только монстров не хватает, — отозвался тот.

— Если не хватает, то вот и мы! Настоящие монстры хеви-метал! — заржал парень, и Вик тоже улыбнулся.

Час музыканты были в репетиционной, а Вик сидел в подсобке на продавленном диване и листал старые комиксы про Бэтмена, оставшиеся здесь с допаганских времен. Фиолетовый кот будто смотрел на него, и это нервировало. На полках стеллажа нашлось немало журналов, и Вик залепил жёлтые глаза обложкой «Плейбоя», закрепив её на стене полоской скотча. Теперь на него, кокетливо прикрыв груди локтями, смотрела Шерон Стоун, и это нравилось Вику куда больше.

Глядя на Шерон, Вик вспомнил свою подругу, и губы растянулись в мечтательной улыбке. Сосед по квартире собирался уехать к родителям в эти выходные, и Вик не мог не воспользоваться такой возможностью. Пока он представлял все позы, в которых будет помогать подруге готовиться к экзаменам, в подвал спустилась очередная партия музыкантов. Эти были желторотыми — старшему парнишке с косой чёлкой едва исполнилось шестнадцать.

— Добро пожаловать в «Замок», «Свиная отрыжка»! — поприветствовал их Вик, сверившись с жур-

налом, в котором корявым почерком Пагана были записаны названия групп. — Эй, вы серьёзно? «Свиная отрыжка»? — С тем же успехом они могли бы назваться «Трясущийся жирок».

— Мы играем панк-рок. Что-то среднее между «Гражданской обороной» и «Королём и Шутом», — отозвался подросток с косой чёлкой.

Вику было насрать, что они играют. Главное, чтобы платили за время. На языке так и вертелось, что между «Гробом» и «КиШом» лежит пропасть, усеянная телами спившихся мальчиков и девочек, но он вовремя заткнулся. В самом деле, зачем пугать детей?

Если «Слейпниры» не создали проблем, то того же нельзя было сказать про «Свиную отрыжку». Сначала дети навернули громкость так, что Вик в подсобке услышал, как они лажают мимо нот, а когда зашёл открутить им уши, то увидел, что девочка-вокалистка в драных джинсах покуривает «козью ножку», пока Косая Чёлка насилует свою «Ямаху». Мальчишка с таким остервенением лупил по струнам, что Вик всерьёз испугался за его пальцы. Вероятно, подросток в тот момент представлял себя Сидом Вишесом. Но продолжалось это недолго. Вик трижды громко хлопнул в ладоши, потом подошёл к прибалдевшей вокалистке и отобрал косяк.

— Совсем охренели?! Решили спалить аппаратуру? Если во время репетиции сгорит басовый кабинет, я лично зашибу вас вашими же паршивыми гитарами! А за травку вас могут так вздрючить, что вы месяц не присядете на свои грёбаные жопы!

Тирада Вика имела успех. Дети выглядели растерянными. В студии воцарилась тишина, нарушаемая гудением аппаратуры. Вик притушил косяк и спрятал за ухо.

— А теперь вы смотаете шнуры, заплатите деньги и пойдёте нюхать клей... или чем вы там занимаетесь в свободное время.

— Эй, у нас ещё есть пятнадцать минут! — не слишком уверенно возразил Косая Чёлка.

Вик вздохнул. Он не мог сказать, что его собственное детство сильно отличалось от детства этих ребят, а потому почувствовал стыд, как Гулливер, который обижает лилипутов.

— Ладно, доигрывайте своё дерьмо и проваливайте!

— Вы никому не скажете про травку? — срывающимся голосом спросила школьница. Похоже, до неё только дошло, что её застукали.

— Станцуй мне стриптиз после уроков, и я подумаю над твоими словами, — пошутил Вик. Обста-

новку удалось разрядить, и горе-музыканты вновь взялись за инструменты.

После «Свиной отрыжки» всё пошло, как по маслу. Пришли ещё две группы и отыграли положенное время.

Вик расслабился. В перерыве сходил в ближайший магазин. Купил там пять бутылок «Козла». Вернувшись на базу, достал и докурил отобранный у подростков косяк. Травка оказалась паршивая, но с пивом потянет.

Когда музыканты заканчивали репетировать, Вик сбрасывал настройки микшерного пульта, принимал плату, жал руки и желал в ближайшем будущем чёрные лимузины и многотысячные толпы грудастых фанаток. Кажется, он немного захмелел.

Глава 4. Поздние гости

Когда Вик в очередной раз взглянул на часы, то не поверил глазам — без пятнадцати полночь. Он допил остатки пива из третьей по счету бутылки и собирался пойти отлить, когда услышал тяжёлые шаги. Кто-то спускался в подвал. А Вик думал, что с репетициями на сегодня покончено.

— Эй, парни, лавочка закрыта! Приходите завтра! — крикнул Вик, поднимаясь с дивана. Но никто из музыкантов на это не отреагировал. Если уж они притащили сюда задницы, то просто так не уйдут.

Их было пятеро: четверо парней и девушка. Взглянув на неё, Вик понял, что она не в группе — слишком уж обособленно держалась. «Вероятно, девица кого-нибудь из этих парней», — подумал он.

— Мы бронировали время у Пагана, — к Вику подошёл худой парень с крашеными чёрными патлами. На его футболке было изображено расчленённое женское тело.

— Мне плевать. Уже поздно. Никаких репетиций после полуночи! Извините, ребята, но я тут проторчал весь вечер и теперь хочу спать.

— Я сюда с Восточного ехал! — встрял парень, похожий на Горлума из «Властелина колец». Вика так и подмывало попросить его сказать: «Маааайааа прееееелесь!», но он сдержался.

Внезапно в сумке Горлума мякнуло, и Вик изумился:

— У тебя там что, кот?

— Это наш талисман. Мы его берём на все репетиции, — сказал обычный ботан в очках с тонкой оправой. Он произнёс это с таким видом, будто брать кота на репетицию было нормально.

— Если ваш талисман здесь что-нибудь помтит, вы заплатите за химчистку! — предупредил его Вик. — А лучше сразу берите кота и ступайте! Вы знаете, где дверь.

Повисло молчание. Похоже, на ночную репетицию пожаловали сатанюги, и следующий час они будут истерично визжать: «Приди, Люцифер, и трахни меня в зад!» под кашеобразные гитарные запилы.

Девушка стояла в стороне и теребила край клетчатой юбки. Вперёд выступил широкий дядька в чёрной футболке, старше и серьёзней остальных:

— Не знаю, как тебя зовут... но мы не хотим ругаться. У нас послезавтра выступление, поэтому репетиция необходима. И мы даже готовы заплатить тройную цену.

Остальные участники команды возмущённо загудели, но Чёрный поднял руку, показывая, что спорить бесполезно. Тем временем Вику всё сильнее хотелось в туалет. И требовалось решить прямо сейчас, препираться дальше или пропустить музыкантов в студию. Кроме того, внутренний еврей, который всё время подсчитывал выручку в голове у Вика, радостно захлопал в ладоши.

— Валяйте! — он пропустил их. — Аве сатанус, или как там у вас говорится?

— *Ave domini Inferi!* — ответил Чёрный вполне серьёзно, и Вику стало не по себе.

* *Ave domini Inferi!* — Да здравствует господин Преисподней!

Уже в удаляющиеся спины он крикнул:

— Как называется ваша группа? Мне надо записать в журнал.

— «Ифрит», — ответил очкарик. — Демон, который обращивает желания человека против него самого.

Интересно, почему вы не назвались «Дьявольские содомиты»? — подумал Вик. Размышлял он на эту тему недолго. Едва за сатанюгами закрылась дверь репетиционной, Вик быстро направился за ширму. И чувство было такое, будто он отлил целый океан.

Потом Вик прихватил бутылку и вышел покурить. Воздух на поверхности показался необычайно сладким. Над квадратом двора повис контур Большой Медведицы. Вик стоял и смотрел на звёзды.

Внезапно ему захотелось бросить всё и уйти из этого места. Наплевать на выручку, дорогую аппаратуру, Пагана с его тяжёлыми ботинками... Всё это было не так уж важно, потому что назад возвращаться не хотелось.

Вик вновь вспомнил о своей подруге, её пухлых губах и круглой попке. На вырученные деньги можно устроить для неё небольшой праздник.

За спиной Вика, как жадный рот, была распахнута дверь в подвал. Ему вдруг вспомнилось, что в Средние века при строительстве в фундамент закладывали жертву — ребёнка или молодую женщину. Эти

мысли не придали бодрости. «Ты ведёшь себя, как маленький мальчик, — услышал Вик в голове голос старшего брата, часто насмежавшегося над ним. — Как маленький мальчик, которому нельзя доверять даже собственный конец».

Вик вздохнул и начал спускаться вниз. Когда он шёл по лестнице, то случайно подслушал разговор между Горлумом и Чёрным. Они спорили, не подозревая, что их могут слышать:

— Что, если с котом не прокатит?

— На этот случай у нас есть... другой вариант.

— Ты пошутил? Скажи, твою мать, что пошутил?

— Привет, парни! — Вик дружелюбно взмахнул рукой, и оба замерли. На лицах сатанюг на несколько мгновений застыло выражение испуга.

— Привет! — скривившись, ответил Чёрный, и оба музыканта поднялись, чтобы перекурить. А Вик так и остался гадать, что же у них не прокатит с котом. Не собираются же эти придурки устроить прямо у него под носом чёрную мессу?

В подсобке Вика ждал сюрприз. На шатком столе, скрестив длинные ноги, сидела девица, которая пришла с музыкантами. Вид её стройных икр в белых гольфах напомнил про недочитанную «Лолиту». Девица задумчиво разглядывала ногти.

— У них там так громко! Голова разболелась. Нет аспирина?

Вик сомневался, что в этом гадюшнике можно найти аспирин.

— Есть бутылка пива. Это, конечно, не аспирин, но может помочь. Если не сделает хуже.

Вик пожал плечами, показывая, что больше предложить ему нечего. На удивление, девица согласилась, и он подал ей последнюю бутылку.

— Ваше здоровье, мадме... мадму... мадмазель. Как тебя угораздило попасть в такую компанию? — спросил Вик, и Лола (он решил называть девушку так) ответила:

— Я знаю Лёшу. Это клавишник. Встретилась с ребятами на Плахе, потом они предложили поехать на репетицию. Всё равно мне дома сегодня лучше не появляться.

Вик решил не задавать вопросов. Даже четыре бутылки пива не лишили его такта. Он сел на диван, закинул ноги на стол и начал разглядывать девушку, размышляя, о чём бы ещё спросить.

Она была хорошенькая, в белой майке с тонкими бретельками. Вик увидел, что лифчика под майкой нет. Торчащие под тонкой тканью соски заворожили парня, и он не сразу обратил внимание на руки девушки. А было, на что посмотреть — от локтя и до

запястья по левой руке извивался змеей длинный уродливый шрам.

— Что-то интересное увидел? — спросила Лола, и Вик сказал первое, что пришло в голову:

— У тебя отличные сиськи! Глаз не оторвать.

Вик не был мастером по части комплиментов. Обычно он выдавал что-то вроде: «Мне нравится твоя форма черепа» или «У тебя красивые глаза: один лучше другого!». «Отличные сиськи» тоже нельзя было назвать удачным комплиментом, но девушка улыбнулась и даже немного покраснела:

— Да? Я всегда считала, что у меня такая маленькая грудь, что даже лифчик не нужен. Видимо, мало капусты ела в детстве.

Её «маленькая грудь» третьего, если не больше, размера, как магнит, продолжала притягивать взгляд. С большим трудом Вик заставил себя поднять глаза и посмотреть девушке в лицо.

— И где ты, в таком случае, собираешься ночевать?

— Планировала попроситься к Лёше. Если у тебя нет других вариантов, — добавила она.

Добрый ангел на одном плече шепнул Вику — «Эй, у тебя есть девушка! Лучше забудь об этом». Но в это время дьявол уже трепал языком:

— Можешь переночевать у меня. Я живу в квартале отсюда. У меня есть тёплый спальник.

Поглядев на Лолу, Вик понял, что если пустит её в комнату, то вряд ли придётся спать одному. «Я выдам ей отдельное одеяло», — сказал ангел, которого Вик успел загнать шваброй в дальний угол сознания. «И прочитаешь сказку на ночь. Сразу после того, как дашь ей полизать свои яйца», — парировал дьявол.

— Тебе не страшно одному? — спросила девушка.

— Я не один, — ответил Вик. — Здесь постоянно музыканты.

Он смотрел на бледное лицо девушки, на губы, которые она то и дело облизывала, и подумал, что хочет увидеть это лицо, когда Лола будет стоять на коленях. Попытался отогнать видение, которое становилось всё более красочным и желанным. Лола будто прочла его мысли и широко улыбнулась. Её улыбка говорила: «Я всё понимаю, большой мальчик, и хочу того же». В горле пересохло, и Вик спросил с хрипотцой:

— Ты какую музыку слушаешь? — один из пустых вопросов, которые нередко приводят собеседников из бара в одну постель.

И только Лола раскрыла рот, чтобы поведать о своих музыкальных предпочтениях, как Вик услы-

шал мощный хлопок. Вспомнилось, как в школе с пацанами украли из кабинета химии образец калия и бросили в унитаз.

— Твою мать! — позабыв о девушке, Вик метнулся в коридор. Сердце билось в гнев. Эти придурки спалили что-то из аппаратуры — иначе просто быть не могло! Быть может, Вик немного преувеличил стоимость, но расплатиться за испорченное оборудование всё равно бы не смог.

Дверь репетиционной была распахнута настежь. Вик увидел, как музыканты спешно собирают инструменты.

— А ну стоять! — закричал он. — Что произошло? Сатанюги замерли. Первым опомнился Чёрный:

— Эй, придержи коней! Это Санёк, — он указал на барабанщика, похожего на Горлума, — решил устроить сюрприз и в конце репетиции взорвал хлопушку.

Санёк подтвердил, что так всё и было. Конфетти остались, он сейчас приберёт. Вик подумал: «Как же, хлопушка! А я Джимми Хендрикс верхом на трицера-топсе». Никаких конфетти он не заметил, хотя Санёк добросовестно ползал по полу и делал вид, будто их собирает.

— Никто не уйдёт, пока я не проверю оборудование! — сказал Вик.

— Нет проблем, — ответил Чёрный, хотя видел, что другие музыканты хотели убраться как можно быстрее.

Пятнадцать минут у Вика ушло на то, чтобы всё протестировать. Оборудование, от микшерного пульта до басового кабинета, было в полной исправности. Придраться не к чему.

В дверях показалось испуганное лицо Лолы. Она поинтересовалась, всё ли в порядке.

— Иди в подсобку и подожди меня там, — ответил ей Вик.

Ему показалось, что он услышал из коридора странный звук, похожий на стрёкот цикады, но списал это на усталость и нервное напряжение.

— Парни, с вас полторы тысячи. Тройная цена, как и договаривались. С аппаратурой вроде бы всё в порядке, но если что-то выяснится завтра или на следующей неделе...

«То ничего доказать ты не сможешь», — закончил фразу голос старшего брата в голове Вика. С тех пор как в 2000 году парня привезли в цинковом гробу с Северного Кавказа, звучать он мог только там.

Вик повёл носом. Пахло палёной шерстью, но запах был едва уловимым, и парень не придавал этому значения. Чёрный молча протянул две измусоленные бумажки — тысячу и пятьсот рублей. Вик запихнул

их в задний карман джинсов. Его не покидало дурное предчувствие. Захотелось напроситься в компанию к этим «волосатым ублюдкам», только бы не оставаться здесь.

«Впрочем, я не останусь один, — возразил Вик сам себе. — Есть же ещё та девица».

— На твоём месте, я бы тут не задерживался, — очкастый клавишник выходил из репетиционной последним. Говорил он спокойно, но Вик заметил, как дрожат его губы.

Вик хотел ответить, что ночевать тут и не собирается, но музыкант уже покинул звукоизолированную комнату. Надо было свернуть шнуры, отключить аппаратуру, подмести пол и пересчитать выручку. Делать это в одиночку Вику было скучно, потому он решил позвать Лолу. Если она, конечно, не сбежала.

За дверью была тьма. Вик подумал, что вполне может понять ужас первобытных людей перед потухшим костром. Пока ты читаешь очередную книгу ужасов при дневном свете, монстры кажутся резиновыми куклами. Но они перестают быть таковыми, когда ты оказываешься в тёмном подвале. Здесь страхи становятся реальными.

«Лучше держи свет включённым, а когда будешь уходить, отключай по очереди. И не задерживайся! Выключил — и ходу дальше, к следующему освещён-

ному помещению», — вспомнил Вик. «Пауки с куриное яйцо», — тут же следом прозвучал голос Пагана. Вику пришла в голову неприятная мысль: он вдруг понял, что Паган не шутил.

— Эй! — позвал Вик. — Эй, детка, иди сюда!

Вик помолчал. Прошло несколько томительных секунд. Ответа не последовало. «Она оглохла, что ли?» — разозлился Вик и шагнул за порог.

Коридор уходил в даль, как глубокий колодец. «Не смотри туда! — приказал Вик себе. — Не смотри, и всё будет в порядке». Но страх постепенно наполнял его, как жидкий воск заливает свечную форму.

Когда Витюшке было пять лет, родители взяли их с братом собирать грибы, и он вляпался в паутину. Жирная паучиха, с белым яйцом под брюхом, упала мальчику прямо на лоб. Яйцо лопнуло, и во все стороны побежали крохотные паучки. Ещё две недели после этого Вите казалось, что они копошатся у него в ушах. Старший брат подлил масла в огонь, сказав, что так и есть — паучки скоро прогрызут дорожку к его мозгу.

Вик хлопнул в ладоши, ожидая, что над ним загорится свет. Электричество — страж всего логичного и рационального. Там, где есть электричество, монстрам не место.

Ничего не произошло.

Когда Вите было девять, они с братом забрались в здание заброшенной больницы. Сразу за ней начинался городской парк, настолько замусоренный, что уместнее было бы назвать его городской свалкой. Разрушающееся здание было форпостом на границе между привычным миром и пространством тёмных фантазий.

Брат рассказал историю про Шкуру — бомжа, который живёт в развалинах и ест бездомных собак. Из их шкур он сделал себе шубу и носит её в любое время года. И, уж конечно, если ему под руку подвернётся маленький мальчик, Шкура не станет сомневаться. Маленькие мальчики намного вкуснее бездомных собак...

В тот раз в больнице братья услышали шум, и оба с воём побежали к выходу. Вику и теперь казалось, что тогда он был готов обогнать реактивный самолёт. И в то же время был счастлив, что брат был с ним заодно.

Когда они, покрасневшие и запыхавшиеся, выскочили в летний полдень, Витя зачем-то обернулся. Не стоило ему тогда этого делать. Быть может, если бы его голова не повернулась, то и жизнь сложилась бы иначе... Он не превратился бы из победителя Виктора в неудачника Вика: не подхватил бы стафи-

лококк, раздвинув ноги одной малолетней шлюхе; не обкурился бы спайсом на сомнительной вписке; его брат не погиб бы в Чечне. Чёрт! Быть может, он избежал бы целого Эвереста из дерьма!

Но Витя обернулся... и увидел, что в дверном проёме заброшенной больницы кто-то стоит. Скорее всего, мальчишки потревожили бездомного. Но тогда для Вити это был не безымянный бездомный. Это был Шкура, который любит есть маленьких мальчиков. Шкура, который, по милости старшего брата, будет приходить к Вите во снах.

Вик вновь хлопнул в ладоши, ожидая, что теперь-то свет точно загорится. И снова — ничего. Он выругался. Всего каких-то тридцать шагов, которые нужно пройти навстречу темноте.

Если разобраться, тридцать шагов это не так уж и много: расстояние можно преодолеть в несколько прыжков. Но Вик уговорил себя этого не делать. Если он побежит, то поддастся панике, не сумеет остановиться, пока не добежит до квартиры... пока не закроет дверь на все засовы... пока не заберётся под одеяло... пока не услышит голос мёртвого брата, который прошепчет: «Маленький ссыкун снова обмочил штанишки! Где ты был, когда наш отряд угодил в засаду?».

Вик ещё раз хлопнул в ладоши, не слишком громко. Лампочка под потолком мигнула, на какую-то секунду осветив подвал. Вот тогда Вик и увидел, что он в коридоре не один.

Кто-то был в темноте. Стоял, чуть ссутулившись, вытянув вперёд узкое безбровое лицо с перекошенным ртом. Из провала рта шёл дым, будто внутри тлели угли. Существо наблюдало за Виком. Лампочка тут же потухла и коридор вновь погрузился во мрак. Паника захлестнула мозг, сметая барьеры здравомыслия. Дверь репетиционной комнаты была ближе, чем выход на поверхность. Надёжная сейф-дверь, которая закрывается изнутри...

Глава 5. В одной комнате

Однажды в аквапарке Витя забрался на самую высокую горку. Она была почти вертикальной. Кажется, аттракцион назывался «Камикадзе». Перед спуском нужно было встать в капсулу, на дне которой находился прозрачный люк. Пока бесстрастный голос, каким в аэропорту объявляют о начале посадки, считал (One... Two... Three...), мальчишка успел трижды пожалеть о своей затее. А потом люк резко открылся, и Витя закричал...

Тот крик Вик запомнил на всю жизнь. Казалось, кричало всё тело, внезапно осознавшее свою смертность.

Вик закричал, как в тот день, но внутри головы, а из гортани вырвался лишь слабый свист. В эту секунду он не просто догадывался — знал наверняка, — что в темноте его ждёт существо, которое любит мясо маленьких мальчиков. Вик заскочил в репетиционную, судорожно повернул защёлку, привалился спиной к двери. Разом на него навалилась тишина, усиленная тремя слоями звукоизолятора... Вику снова было девять лет, и он был напуган до смерти.

— Отче наш, ежи еси, да пребудет царствие твое... (гулкий удар сердца прямо в горле) ... Да будет воля твоя (кровь стучит в висках) ... На земле, как и на небе (в животе будто растворяется кусок льда).

Паника понемногу отступила, Вик снова смог нормально дышать. За дверью было тихо. Вик проверил защёлку. До головокружения хотелось курить.

«Чёрт! Да я чуть не обосрался, — сказал он вслух и начал смеяться. Сначала тихо, потом громче. — Чуть не обосрался, как младенец!»

Всё очень просто! Кто-то из ублюдков решил подшутить над ним: напялил маску и спрятался в коридоре, пуская сигаретный дым. Всё ещё посмеива-

ясь, Вик потянулся к защёлке. Надо задать шутнику трёпку, если он ещё там. Вик почти открыл, когда...

Кто-то с другой стороны резко дёрнул дверь на себя. От неожиданности Вик отпрянул, споткнулся о шнур и упал. С той стороны уже колотили изо всех сил:

— Впусти меня! Впуууусти, твою мать,пусти! Быстрее! Впусти, пожалуйста!

Это была Лола. Она не ушла с музыкантами, как сперва подумал Вик. На мгновение он замешкался. Что, если это не она? Что, если существо из тьмы дурачит его?

— Открой грёбаную дверь! Открой сейчас же! — Лола перешла на визг и принялась дёргать ручку.

Больше медлить Вик не стал, сдвинул защёлку и впустил девушку. Лола едва не сбила его с ног. Она ввалилась в репетиционную, упала на пол и разрыдалась. Короткая юбка задралась, и Вик увидел розовые трусики с зайчиком. Минут пять девушка размазывала по лицу сопли и слёзы и лишь тогда смогла сказать:

— Он... Оно... Там... В подвале... Не человек...

От этих слов у Вика онемели пальцы. «Не человек!». Похоже, малышка тронулась умом.

«Но ты знаешь, что она права! Оно любит человеческое мясо. Возможно, сначала откусит твою ма-

ленькую пипиську. Некоторые боевики так поступали с военнопленными... Брали армейский нож и приказывали спустить штаны», — произнёс в голове старший брат и засмеялся икающим смехом.

— Нет, нет! Заткнись, ты! — крикнул Вик, обращаясь к голосу, который слышал только он. Но Лола приняла это на свой счет.

— Я буду молчать, буду хорошей, только не бей меня! — губы у неё задрожали, и Вик понял, что если сейчас не успокоит девушку, то она утопит обоих в соплях.

Он присел рядом, прижал её голову к своей груди.

— Детка, всё в порядке! Не волнуйся! Тебе что-то привиделось. Я уверен, что кто-то из парней решил подшутить. Надел дурацкую маску.

— Я видела, как они ушли. Как они все (!!!) ушли. Как оставили нас здесь одних, — всхлипывая, сказала Лола.

«А что, если это часть розыгрыша? Сатанюги подговорили девчонку, и она сейчас навешивает мне лапшу на уши», — подумал Вик и тут же решил, что вряд ли. Или Лола — чертовски хорошая актриса, или снаружи творится что-то неладное.

Машинально он потянулся к карману за мобильником и понял, что оставил его на столе в подсобке.

— У тебя есть с собой телефон? — спросил Вик девушку. Она протянула ему «Nokia» со стёртыми кнопками.

— Зарядка осталось десять процентов, — извиняющимся тоном пояснила Лола.

Зарядка могла быть и полной, но это бы им не помогло. Под землёй, внутри звукоизолированной комнаты телефон отказывался ловить сеть. Вик несколько раз безрезультатно набрал 112. Над ними около трёх метров бетона.

Вик представил, что бы он сказал, если бы дозвонился до местного отделения полиции. Трубку снимает дежурный. «Что там у вас?» — спрашивает он, и Вик отвечает — «Мы сидим в подвале и боимся выйти наружу, потому что за дверью нас караулит монстр». Бред собачий!

Пока Вик пытался дозвониться, Лола сидела в углу, прижав голые колени к груди. Она походила на маленького перепуганного ребёнка, и Вик понял, что сам сейчас выглядит не лучше.

— Это всё бред! — озвучил Вик собственную мысль, и ухватился за неё, как утопающий. — Мы сидим тут, вместо того, чтобы открыть дверь и спокойно подняться наверх.

Он сделал несколько шагов, намереваясь отодвинуть защёлку и выйти. Вик не считал себя суперме-

ном, но действовать всегда лучше, чем сидеть сложа руки. Казалось, Лола только и ждала этого момента. Быстро, как кошка, она подпрыгнула и вцепилась Вику в руку тонкими, но необычайно сильными пальцами.

— Даже не думай, даже не думай, даже не... — она захлёбывалась словами. — Здесь мы в безопасности, здесь нам ничего не угрожает.

Вик попытался оттолкнуть её, но Лола прицепилась, как пиявка.

— Это не шуба, — неожиданно сказала она. Вик внутренне похолодел. В конце концов, не могла же она прочесть его мысли.

— Что ты сказала?

— Это не шуба из шкур, — ответила Лола, и лицо её перекосило от злой радости. — И ты это всегда знал. Да, это совсем не шуба... Это его собственная шкура.

Помещение репетиционной освещали три люминесцентные лампы. Одна из них мигнула, и свет стал более тусклым. Или Вику это показалось?

— Откуда ты знаешь про шубу? — спросил он девушку.

Она непонимающе посмотрела на Вика.

— Что? О чём ты? Какая шуба? Я ни о чём таком не говорила.

Вик открыл было рот, но увидел, что Лола не шутит. Она смотрела на него, как на психопата. «Быть может, ты и есть психопат? Те паучки всё-таки добрались до твоего мозга, братишка», — услышал Вик знакомый гнусавый голос.

Вика не оставляло ощущение, будто что-то важное он упустил. Забыл о том, о чём забывать не следовало.

— Ладно, малышка! Будь по-твоему. Если ты считаешь, что здесь безопаснее, мы можем остаться внутри на некоторое время.

Лола кивнула. У Вика возникло ощущение, что ничего другого она не ожидала. Вновь мигнула лампа, потом погасла. Теперь репетиционную освещали две оставшиеся. Лола никак не отреагировала. Она продолжала сидеть, привалившись спиной к запертой двери и подтянув колени к груди. Голова её слегка раскачивалась вперёд и назад.

— Надо подождать. Снаружи небезопасно. Надо подождать. Снаружи небезопасно. Здесь хорошая дверь? — Лола разговаривала как бы сама с собой, поэтому Вик не стал отвечать. Огляделся в поисках того, что могло сойти за оружие.

Половину репетиционной занимала барабанная установка. В басовой бочке было навалено разное

тряпье, чтобы приглушить звук, когда ударник колотит по педали. Приглядевшись, Вик увидел, что куча тряпок как будто увеличилась, словно что-то в них завернули. Он подошёл ближе, ощущая, как предательски подгибаются колени. Откинул старые джинсы.

— Вот срань! Как они могли такое сделать?

«Конфетти... это была обычная хлопушка», — перед его внутренним взором встало лицо барабанщика-Горлума. Если бы Вик тогда знал, чем они тут занимались... Если, хотя бы на секунду, мог в это поверить...

В бас-бочке на клетчатой рубашке, которая насквозь пропиталась кровью, лежал чёрный кот. Его пасть была оскалена. Вик и раньше видел мёртвых животных на обочинах дорог или рядом с мусорными контейнерами. Но от вида этого дохлого кота его замутило.

— Что там? — спросила Лола из своего угла.

— Эти гамадрилы убили кота. Лучше тебе на это не смотреть!

Лола снова удивила его. С выражением пытливого любопытства, какое порой бывает на лицах маленьких детей, она подошла, чтобы посмотреть на мёртвое животное.

— Кошмар! — сказала девушка.

Но ни страха, ни отвращения в её голосе Вик не уловил. Так можно прокомментировать новость о теракте, которую услышал по радио: «Да, кошмар, что столько людей погибло, ещё больше получили ранения. Но ничего страшного, жизнь продолжается, а теперь, дорогие радиослушатели, перейдём к прогнозу погоды!»

Наконец, Вику удалось сконцентрироваться. Парень подошёл к одной из микрофонных стоек, открутил головку и подставку. В его руках остался металлический стержень. Не световой меч Люка Скайуокера, но выбирать не приходилось.

— Мой не настоящий папа говорит, что я должна быть хорошей девочкой, иначе он меня накажет, — кукольным голосом заговорила Лола. — Он часто наказывает меня. Ты не станешь бить меня этой штукой?

Вик посмотрел на девушку и снова испытал странное ощущение, будто что-то ускользает от его внимания. Тем не менее, нужно было действовать, пока не пропал запал. Он крепче сжал в руках металлический стержень. Ладони стали потными.

— Детка, не говори ерунды! Мы не станем поддаваться панике, верно? Снаружи нет никакого монстра, а если он там есть, то я засуну ему эту микрофонную стойку глубоко в задницу.

Прозвучало не слишком уверенно. За грубостью Вик прятал чувство страха. Он сделал несколько шагов в сторону двери.

— Засунешь в задницу... Мой не настоящий папа не наказывает меня, если я позволяю ему засунуть в задницу, — Лола улыбнулась. — Хочешь, покажу, как я это делаю?

— Малышка, я признателен тебе за симпатию, но у меня уже есть подружка. Почему бы тебе не отойти в сторону?

Лола растянула губы в плотоядной улыбке, обнажив крупные зубы, и сняла майку. Груды и вправду были что надо: тяжёлые и упругие. «Настоящие дыни!» — восхитился бы старший брат Вика.

— Можно я немного побуду твоей подружкой? — вкрадчиво спросила Лола. Всё так же улыбаясь, она подошла к Вику. — Никто не узнает — я обещаю. Здесь нас никто не услышит. Я буду хорошей подружкой.

Вик почувствовал, как член налился кровью. Кровь прилила и к щекам — этой сучке удалось выбить его из колеи. Мигнула одна из двух оставшихся ламп. Лола, прекрасно зная, на что уставился парень, стиснула груди ладонями:

— Хочешь просунуть между них свой член? Мне это понравится, — сказала она. — Здесь такие тол-

стые стены. Можем кричать, сколько угодно. Я вполне всё, что ты пожелаешь. Любую твою похоть.

— Ты хотела сказать, любую прихоть? — голова от происходящего шла кругом. И Вик знал (пожалуй, слишком хорошо), что стоит ему сделать один крошечный шаг, и остановиться уже не получится.

На какой-то миг Вик ясно представил, как отталкивает эту бесстыдную девицу, отпирает дверь и поднимается наверх... Как вдыхает полной грудью воздух... Звонит подруге и говорит: «Не представляешь, какая история случилась со мной этим вечером! Кстати, как насчёт того, чтобы на выходных вместе подготовиться к экзаменам?».

...А ему так хотелось сделать это: сжать упругую грудь, затем сорвать с девушки юбку и со всей силы врезать по ягодицам. Да, Лола, ты плохая девочка! И я должен наказать тебя.

Вик крепко зажмурился, словно это были не его мысли. Будто кто-то шептал в самое ухо: «Давай, трахни её, схвати за волосы и поставь на колени, дай в рот, а потом разверни раком, и трахни её, снова и снова».

— Малышка, давай-ка оставим всё на потом! Сейчас нам надо выйти отсюда. Так что давай, прикрой (трахни её!) сиськи и держись за мной.

Вторая лампа не просто погасла. Она взорвалась под потолком и осыпалась вниз водопадом искр. «Как

бы не начался пожар!» — подумал Вик. Но гораздо громче звучала другая мысль, и она повторялась, как заевшая пластинка: «Отшлёпай эту сучку по белому заду, отшлёпай как следует!»

— Ты такой нервный! Я знаю, как тебе помочь. Мой не настоящий папа научил меня, — сказала Лола и встала на колени. Тёмная, порочная часть сознания Вика возликовала. Именно этого ему хотелось: увидеть лицо Лолы, пухлые губы и большие глаза, смотрящие на него снизу вверх. Хотелось почувствовать, какой тёплый и влажный у неё рот.

Оставшаяся лампа давала слишком мало света, и Вику показалось, что он уловил какое-то шевеление в бас-бочке. Там, где завернутый в тряпье лежал кот. «Но ведь он мёртвый! — подумал Вик. — Мёртвый, как полено».

— Ну что же, покажи, что умеешь! — поддался он похоти и почувствовал, как возликовала Лола. Слово игрок, у которого в руках Фулл Хаус.

— Покорми меня сладким молоком, большой мальчик. И мы уйдём... да, выйдем наружу, — Лола упёрлась языком в щёку и поводила им взад вперёд. Глаза её блеснули, а руки уже расстёгивали пряжку ремня на джинсах Вика.

И только тут Вик понял, что именно ускользало от него. У этой девушки на левой руке не было шра-

ма, который он заметил раньше, а изо рта при каждом слове вырывался вонючий дым, будто тлели прогнившие внутренности.

Последняя лампа, освещавшая репетиционную комнату, понемногу тускнела. И в этом умирающем свете Вик успел хорошенько разглядеть, что шевелилось в бас-бочке. Около дюжины огромных чёрных пауков выбрались из брюха мёртвого кота и устремились к нему.

Перед тем как лампа погасла окончательно, Вик увидел брата. Тот стоял возле запертой двери. Ваххабиты отрезали ему нос, и нижняя часть лица была залита кровью.

— В аду холодно, братишка! — вот и всё, что сказал призрак.

Потом свет померк. Вик смахнул с шеи что-то мохнатое, с ужасом поняв, что это паук. В наступившей тьме прозвучал сладкий кукольный голос:

— Мой не настоящий папа говорит, что если аборт — это убийство, то минет — людоедство. Как насчёт небольшого людоедства?

...Крики Вика, заглушенные тройным слоем звукоизолирующего материала, действительно никто не услышал.

Томень, 11.03.2018

Другие

Глава 1. Сибирская ссылка

Я перекачивал игральный кубик из одной руки в другую и отрешённо смотрел на столбы и покосившиеся деревянные хибары, мелькающие за окном электрички. Привычка повсюду таскать с собой дайс появилась полгода назад, когда я всерьёз увлёкся словесными ролевыми играми.

Вовка похрапывал, развалившись на деревянной скамье. «Ещё бы он не похрапывал», — подумал я. Перед тем, как сесть в вагон, парень высосал две бутылки «Будвайзера», а третью выпил уже после того, как проводник проверил билеты.

Людей в вагоне было немного, и от нечего делать я стал их разглядывать. Ближе к проходу сидел угрюмый тип в надвинутой на глаза кепке, с грубой синей наколкой на правой руке. Тип поймал мой взгляд и зыркнул в ответ, сопроводив это характерным коротким движением подбородка, как бы говоря: «Чего уставился, урод? Топтал я таких, как ты, на зоне, да и на свободе не преминул бы задать хорошей порки такой сладкой заднице». Я поспешно отвёл глаза и переключился на старушенцию с клетчатými баулами. Их содержимое являлось для меня загадкой. Ста-

руха сидела, крепко вцепившись костлявыми руками в ручки сумок, и неотрывно смотрела в одну точку. Я вздохнул и вновь вдавил кнопку плеера. Напрасно, чуда не произошло — аккумулятор разрядился окончательно в первые полчаса поездки, как раз на середине песни «Дорога в ад» Криса Ри.

Вовка проснулся, мотнул курчавой рыжей головой, развернулся ко мне:

— Михалыч, как насчёт покурить?

Я спрятал кубик в карман поношенных джинсов, пожал плечами. Курить не хотелось, даже за компанию. Но заняться всё равно было нечем, поэтому мы прошли в тамбур электрички, где Вовка достал мятую пачку красной «Явы». Протянул мне, но я отрицательно качнул головой. Под нами стучали колёса, унося нас всё дальше от обжитого и привычного мира.

Мы с Вовкой не были даже приятелями — можно сказать, на практику вместе нас отправили случайно. Желая прервать неловкое молчание, рыжий здоровяк спросил меня:

— Ну как, Михалыч, подёргаем за вымя местных доярок? — это, по его мнению, чертовски смешная шутка.

Окно в тамбуре было открыто, и горячий летний ветер врвался внутрь. Я старался находиться на свежем воздухе.

— Закончим по-быстрому с практикой и рванём обратно в город, — ответил я. — У меня там ещё полно дел.

— Нехорошо заканчивать по-быстрому, — усмехнулся Вовка. — За это тебе ни одна девка спасибо не скажет, — и загоготал над своей «искромётной» шуткой.

Я бы, может, и ответил что-нибудь, но в этот момент электричка дёрнулась, проводник, который шёл по вагону, произнёс: «Бобыльск! Стоим пять минут. Бобыльск!». Мы с Вовкой переглянулись, он торопливо затушил окурок. Похоже, что мы прибыли к месту назначения.

«Натурально сибирская ссылка», — сказал я и то скливо посмотрел на пасмурное небо над станцией. Мы с Вовкой прыгнули на перрон. На одноэтажной кирпичной коробке я увидел выцветшую вывеску, половину букв на которой было уже не различить. В Бобыльске нам предстояло пробыть не меньше недели, общаясь с местными жителями, — собирать и конспектировать местные байки, частушки и другие образчики словесного народного творчества. Обычное дело для филологов на практике.

Пару слов о том, как я попал сюда в компании этого здоровенного пивного клоуна. Обоих собирались отчислить за неуспеваемость, и практика для

нас была последним шансом. В деканате дали понять, что если мы немного не потрудимся, то осенью нам двоим придётся примерить кирзачи и научиться ходить строем. Быть может, мы с Вовкой и были разными, но ходить строем не хотели одинаково.

Вовка вновь вставил в пожелтевшие зубы сигарету. Я потянулся, накинул на длинные волосы капюшон ветровки.

— Знаешь, куда нам идти? — спросил у меня однокурсник. Я вытащил из кармана мятый листок с записью — «Авдотья Никитична Обукова, улица Сошная, дом 5». Показал его Вовке:

— Судя по всему, сюда. Не думаю, что нам придётся долго искать дом, — зачем-то добавил я, и мы прошли здание станции насквозь. В небольшом зале на металлических стульях дремал пожилой мужчина в спортивном костюме. Я почуял идущий от него запах перегара и крепко сжал в руке листок с адресом. «Ну и дыра! Грёбаная выгребная яма!»

Когда мы миновали станцию, Вовка нашёл где-то в траве жестяную банку и теперь лениво пинал её перед собой. Это меня жутко раздражало.

— Эй, волосатые! Мелочь есть? — рядом прозвучал наглый голосок. Такими могут быть только голоса мелкой и совершенно безмозглой шпаны. Мальчишка лет двенадцати, коротко стриженный,

со злым загорелым лицом стоял возле наполовину разобранныго жигуля.

— Пошел нахер! — добродушно, почти беззаботно отозвался Вовка. Он полной грудью вдыхал деревенский воздух и на мальчишку внимания обратил не больше, чем на комара. Я же инстинктивно вжал голову в плечи.

— Эй, куда пошёл! Ты! Я с тобой разговариваю! — на манер брехливой собаки кричал нам вслед пацанёнок. Когда мы отошли шагов на сто, я расслабился. Такие, особенно поодиночке, только и могут лаять. Клыки, чтобы кусать, у них ещё не отросли.

Деревня больше походила на разросшийся дачный посёлок, на окраине прижатый стеной дремучего леса. Была рядом и река, довольно широкая, судя по всему — один из притоков Иртыша. На другом берегу виднелись какие-то ангары и корпуса, судя по запущенному внешнему виду, давно покинутые.

Вовка оставил в покое жестянку и отобрал у меня листок с адресом. Моё предположение о том, что мы легко найдём нужный дом, оказалось ошибочным — вот уже более получаса мы вглядывались в заборы, стараясь увидеть хоть какие-то обозначения улиц. Заборы, как я отметил, были достаточно высокие и крепкие.

— Подскажите, как пройти на улицу Сосновую, — обратился я к мужичку, который шёл нам навстречу. Я отметил, что с ним что-то не так, но не мог сказать, что именно. Он был в пиджаке — вот в чём всё дело — в отглаженном пиджаке и лаковых туфлях, которые светились на солнце. «Должно быть, полировал их перед выходом», — подумал я.

— Вы не должны здесь находиться! — мужчина строго посмотрел на нас, вставая на пути. — Это запретная территория!

Присмотревшись, я заметил, что выбрит он плохо, будто руки дрожали, а к щеке прилипла засохшая еда. Пиджак висел на нём, как на вешалке.

Мы обошли встречного по широкой дуге.

— Вот и деревенский дурачок! — подал голос Вовка, и я, соглашаясь, кивнул.

Дурачок заголосил, уже не обращая на нас внимания:

— Чрезвычайная ситуация! Чрезвычайная ситуация! Чрезвычайная ситуация! — он повторил это раз двадцать, и, быть может, продолжал выкрикивать после того, как мы ушли. У меня в ушах звенели его слова.

Таким образом, нельзя сказать, что нам оказали тёплый прием. Впрочем, никто и не обещал, что едва мы сойдём с вагона, нам под ноги постеляют красную ковровую дорожку, а репортёры выстроятся в ряд.

— Смотри! — Вовка хлопнул меня по плечу, показывая на кривую надпись синей краской на заборе. Надпись гласила — улица Сосновая. «Самое время», — подумал я, потому что лямки рюкзака уже начали болезненно врезаться в мои тощие плечи. Я улыбнулся и поправил очки. Быть может, практика будет даже похожа на отдых. И, где-то в глубине сознания, мелькнула надежда, что за эту неделю, возможно, мне удастся свести знакомство с какой-нибудь девушкой.

По прошествии долгого времени я не раз спрашивал себя: если бы я знал наперёд о тех событиях, которые случатся с нами в ближайшие дни, побежал бы я, не оглядываясь, обратно на железнодорожную станцию? Скорее всего, да.

Интермедия. Неудачливый браконьер

Этот участок леса был не знаком, или он уже ничего не понимал. «Не паникуй, как баба, чёрт возьми!» — твердил себе, но всё равно паниковал. Дыхание вырывалось из груди с хрипом, едкий пот заливал глаза. По бедру при беге колотил тяжёлый карабин, подаренный отцом.

Леонид сбавил шаг, оглянулся на заросли, взял в руки оружие, приложил приклад к плечу. Раздался выстрел, и где-то в чаще вспорхнули птицы. «Это должно помочь, — подумал охотник. — Хотя бы не-

надолго, но должно помочь». Леонид побежал дальше. Видит Бог, он лучше соображал даже тогда, когда полтора года назад его едва не взяли за яйца за браконьерство. Сумерки делали лес обманчивым, очертания предметов размывались. Леонид клял себя за то, что вот уже полгода игнорировал необходимость обратиться к окулисту. Зрение начинало подводить.

Большую часть снаряжения он бросил, иначе просто не смог бы бежать. Интуитивно мужчина понимал, что, двигаясь на запад, рано или поздно должен выйти к трассе. Это всё, на что он мог надеяться. Браконьер то и дело крутил головой на массивной шее, высматривая кого-то в зарослях.

Тут он зацепился сапогом за выступающий корень, взмахнул руками и не удержался на ногах. Из разбитого носа хлынула кровь, но браконьер даже не придал этому значения. У него были заботы поважнее — унести ноги, и как можно быстрее. «Ничего, — не без труда поднявшись, думал Леонид. — Дайте только время, и я вернусь! Вернусь сюда уже не один, и тогда мы посмотрим, кто обделается. Да, посмотрим!». Эти мысли немного приободрили его.

Внезапно мужчине показалось, что он услышал шум машин, и сердце радостно подпрыгнуло в груди. Значит, он почти спасён! Не разбирая дороги, Леонид начал продираться, как кабан, сквозь чащу на даль-

кий шум трассы, и в этот момент его правая нога попала в капкан, который поставил здесь какой-то другой любитель наживы.

Вначале Леонид услышал жуткий хруст, как будто сломалась толстая сухая ветка. Капкан схлопнул чудовищные челюсти. Леонид рухнул в заросли папоротника, ещё не сознавая всей злой иронии ситуации. Сколько раз он сам ставил такие вот капканы! Потом пришла боль, настолько сильная, что браконьер едва мог дышать. Думать он уже был не в состоянии. На его брюках цвета хаки расплзлось позорное мокрое пятно. Леонид начал кричать, и его надсадный вопль ничем не отличался от зова животного, пойманного в ловушку.

Андрей возвращался с вечернего обхода, когда услышал вдалеке крик. Вот уже семь лет он проработал лесничим в этом заповеднике. Андрей один присматривал за участком в десять гектаров. Лесничий знал о лесе всё. Даже больше, чем сам хотел бы. Браконьеры сюда забредали редко, но когда такое случалось, Андрей находил способы их выпроводить. Ветеран первой чеченской военной кампании в начале нулевых устроился на эту работу и делал её хорошо. Растяжки со световыми гранатами в качестве не-

большого сюрприза для любителей нарушить закон были только цветочками.

Андрею нравилось жить вдали от людей. Здесь, на природе, он знал наверняка, что не начнёт их убивать. В городе же у него был слишком большой соблазн.

Андрей не любил, когда кто-то нарушал спокойствие леса. Конечно, кричать мог и оленёнок, угодивший копытом в нору и сломавший ногу. Но чем ближе Андрей приближался к источнику звука, тем менее вероятной казалась эта версия. Слишком много подобных криков он слышал на войне. Лесничий снял винтовку с предохранителя и включил фонарь.

То, что он увидел, его не сильно удивило. В зарослях папоротника лежал мужчина, угодивший в капкан. Окровавленная кость торчала в открытом переломе. На лбу и щеках мужчины выступил пот, лицо сделалось бледным. Как глубоководная рыба, он жадно ловил ртом воздух. Когда мужчина увидел Андрея (точнее, увидел он только чёрный силуэт с яркой звездой фонаря), то попытался отползти. Попытался, даже не смотря на то, что его правая нога была практически перерублена капканом. «Да, козлик, не скакать тебе больше по зелёной лужайке», — подумал Андрей. Но прежде чем он успел что-либо сказать, говорить начал браконьер. Тонким голосом, срывающимся на рыдание, он спросил:

— Человек? Ты человек? Пресвятая Троица, скажи, что ты человек! — слова давались ему с большим трудом. Услышав вопрос, Андрей понял, что мужчина знает чуть больше, чем ему следовало бы знать об этих лесах.

— Да, я человек, — ответил лесничий и задумчиво продолжил разглядывать браконьера. В его глазах не было ни жалости, ни сочувствия.

— Вытащи, вытащи меня! Вытащи, пока они не вернулись! Я заплачууууууу! — на последнем слове мужчина снова перешёл на вой.

Андрей слушал его вполуха и водил фонариком туда-сюда, осматривая место, где бедолага совершил свой неудачный шаг: быть может, капкан здесь не один, а лесничему меньше всего хотелось бы присоединиться к мужчине с перерубленной ногой. На некоторое время Андрей остановил свой взгляд на карабине, валявшемся неподалёку. На цевье была вырезана сентиментальная надпись: «Удачи на охоте, сынок». Андрей вздохнул, а потом вскинул свою винтовку.

«Да, удача сегодня явно не на твоей стороне», — и лесничий одним точным выстрелом прекратил мучения браконьера.

Глава 2. Магнит для неприятностей

Авдотья Никитична оказалась рослой и крепкой бабкой. По хозяйству она управлялась одна. Мы с Вовкой расположились в дальней комнате, которая пустовала. Там стояли панцирная кровать и раскладушка. Угадайте, кто сразу занял кровать? Конечно же, не я.

— Почему это ты будешь спать на кровати, а я на раскладушке? — бесполезно возмущился я.

— Потому что мир жесток. Это джунгли, в которых выживает сильнейший, — ответил рыжий здорвяк и расхохотался. Хотелось его придушить, но, конечно, я никогда бы на это не решился.

Раздосадованный, оставив вещи в доме, я взял книгу «Пролетая над гнездом кукушки» и отправился размять ноги. Этот чёртов мир всегда был настроен против меня. Я был тем человеком, которого во время дождя проезжающий мимо автомобиль окатывал грязной водой. Вовка был сильнее и выше, он имел успех у девушек. «Это всё потому, что он играет на гитаре», — думал я, хотя в глубине души знал, что гитара здесь ни при чём. Не хотелось себе в этом признаваться, но на самом деле я злился не на Вовку. Просто он, как и многие другие, не способен был меня понять.

Мне становилось легче, когда я читал книги. Часто я ставил себя на место Фродо Беггинса или

Гарри Поттера, и собственные проблемы отдалялись, переставали быть значимыми. Мне хотелось найти уединённое место, где можно было бы немного почитать и успокоиться.

Казалось, этот день уже не может стать хуже. Но я ошибался.

— Тебе волосы в глаза не лезут? — услышал я голос. Это не был уже высокий нагловатый фальцет того пацана, которого мы встретили по приезде в Бобльск.

Я ускорил шаг, но угроза оказалась слишком близко. Занятый своими мыслями я совершенно утратил бдительность. Чья-то сильная рука схватила меня за волосы. Я дёрнулся, пытаюсь вырваться. Книга упала в дорожную пыль.

Это был парень, примерно моего возраста, с побычьими широко расставленными глазами на большом плоском лице. Он отпустил мои волосы и брезгливо вытер руку о штаны, будто чём-то её замарал. Я почувствовал, как сердце быстро-быстро забилось, а колени стали ватными.

— Что тебе надо? — сказал я, и сам не узнал свой голос. Подумал, что если сейчас метнусь в сторону и побегу, то, возможно, сумею скрыться. Но бросить книгу я не мог.

Парень спросил меня:

— Есть телефон? Позвонить надо.

Я отрицательно замотал головой и сделал шаг назад.

— Нет у меня телефона, — хотя в моём кармане лежал новенький «Самсунг», купленный мамой на день рождения. И, конечно, по закону подлости, именно в тот момент мобильник и зазвонил. Если что-то плохое может случиться, то случится непременно — будьте уверены.

Глаза парня сузились, а губы хищно растянулись. Он вытянул руку, а я уже приготовился бежать, когда в наш разговор вмешался третий.

— Тебе, наверное, завидно, что у тебя волосы не растут? Это ничего, я знаю одно отличное средство, — за моей спиной вырос Вовка, и в этот момент у меня камень свалился с души. Вовка был куда крупнее парня с бычьими глазами. К тому же, теперь нас было двое.

— Какого хера тебе надо? Это что, дружок твой? Дружок-голубок? — парень гадливо засмеялся, и Вовка тоже захохотал. Такого недалёкий деревенский увалень от него явно не ожидал.

— Чё ты ржёшь, мудила? — парень со злостью сплюнул себе под ноги, случайно попал на собственный ботинок и попытался носком второго незаметно стереть плевки. Вовка засмеялся ещё сильнее:

— Так вот, про чудесное средство. Называется пи-здию-лин, — произнёс он по слогам. — Я, как доктор филологических наук, тебе бы его прописал, — Вовка принялся разминать руки. Кулаки у него были большие, покрытые мелкими шрамами.

— Ну, давай, давай! Тебя потом наши пацаны когда найдут, знаешь что сделают? — парень ещё хорохорился, но уже было понятно, что этот поединок он проиграл.

Вовка сказал:

— Сейчас мы уйдём, и ты нам ни хрена не сделаешь. Пошли, Михей! — обратился он ко мне. И парень действительно ничего не смог сделать. Я молча поднял книгу, и мы ушли. Парень обиженно крикнул нам вслед:

— Только покажитесь ещё, пидоры волосатые! Мы вас побреем, скальп нахрен снимем!

Я подумал, что Вовка не такой уж придурок, каким казался мне раньше, и через некоторое время сказал ему:

— Спасибо, что выручил! Мне следовало быть осторожнее.

— Следовало дать этому говнюку отжать твой мобильник, чтобы ты приобрёл полезный жизненный опыт, — ответил он. — У тебя, похоже, куда-то

в задницу встроено магнит, который притягивает неприятности.

— Я просто разозлился, что ты занял кровать, — оправдывался я. Чёрт возьми! Этот рыжий детина сначала вытащил меня из неприятностей, а потом заставил почувствовать, будто это я сам в них виноват!

Вовка внимательно на меня посмотрел, потом усмехнулся и предложил:

— Ну что же, давай тогда спать на ней по очереди. Имей в виду — нам здесь предстоит прожить ещё как минимум неделю. И нельзя сказать, что это меня очень радует.

...За ужином я попробовал расспросить Авдотью про местные легенды и поверья. В конце концов, материал для практики, судя по всему, предстояло собирать в боевых условиях, а в такой ситуации не следовало упускать ни одной возможности.

— Да... это... Ничего у нас тут интересного. Всё как у всех, — замялась бабка.

— Ну, может, припомните хоть что-нибудь? — подключился и Вовка. Он без особого энтузиазма ел бабкины щи.

— Ну, вот лес наш, — потихоньку разговорилась Авдотья, — дурное место. В него на лесоповал при Сталине заключённых отправляли, выше по течению

раньше колония была. Там же, в лесу, эков расстреливали и хоронили. Тех, которые работать больше не могли. Деревенские в этот лес сейчас не ходят, и вы не ходите.

История никак не тянула на фольклорное творчество. Мне почему-то даже стало неприятно, будто я увидел большого жирного паука. И тут Вовка задал нашей бабке бестактный, на мой взгляд, вопрос:

— А муж-то ваш где? Сложно, наверное, самой всё по дому делать?

Бабка посерьёзнала. Лицо её захлопнулось, как дверь. Вот только что перед нами сидел человек, готовый немножко поболтать, мгновение — и нет его.

— В лес он ушёл, — ответила с неохотой. — Ушёл и не вернулся.

На том наш вечерний разговор с Авдотьей Никитичной и закончился.

Глава 3. *Истории про мясокомбинат*

Когда я, наконец, вспомнил про мобильник, а случилось это только на следующее утро, выяснилось, что звонила мама. Она интересовалась, хорошо ли я доехал, удобно ли устроился, доволен ли едой. Впечатление складывалось такое, будто я отправился на отдых в санаторий.

— Мама, всё в порядке... Да, природа... Очень красиво... Конечно, буду звонить... Да, просто не слышал твоего звонка... Нет, буду звонить сам, по вечерам. Мне пора. Пока! — я с облегчением провёл пальцем по экрану, завершая звонок.

Перед тем, как отправиться собирать материал для практики, Вовка залез в рюкзак и извлёк оттуда кастет.

— Талисман на удачу, — пояснил он мне. — Думаю, лишним не будет.

— Неожиданный «талисман» для парня, который учится на филологии, — заметил я.

Вовка только фыркнул:

— А как же Маяковский, который говорил... как там... «Сегодня надо кастетом миру кроиться в черепе». Классика! — пояснил он и положил увесистый «талисман» в карман.

Кастет, впрочем, нам в тот день так и не пригодился. Не знаю, чем были заняты местные пацаны, которые не жаловали приезжих, но наши с ними пути не пересеклись.

Я не очень хорошо представлял себе, как нам следует собирать материал для практики. Всё, что касается общения с другими людьми, у меня получается не лучшим образом. Однако у рыжего однокурсника таких проблем не возникало. Едва мы вышли, он

приметил мужика, который тащил на спине тяжёлый на вид рюкзак, в руке у него была телескопическая удочка, на ногах — резиновые сапоги до колена.

— Добрый день! — Вовка лучезарно улыбнулся. — Давайте так — мы поможем вам, а вы нам!

— Это как? — насторожился рыбак.

— Мы с другом филологи. Собираем материал для практики. Вы нам расскажете пару-тройку местных баек, а мы донесём всё ваше снаряжение, куда скажете!

Я отметил речевой оборот: «Мы с другом». Это было неожиданно. Впрочем, Вовка мог сказать это и просто так, для того, чтобы у рыбака не возникло лишних вопросов. Вряд ли бы он стал говорить: «Мы с этим очкастым парнем, которого я едва знаю, были сосланы в вашу деревню, чтобы слушать и записывать разные бредни».

Рыбак согласился на Вовкино предложение. Мы помогли ему донести рюкзак до реки. Я взгляделся в очертания на другом берегу, которые ещё вчера привлекли моё внимание:

— А что там?

— Там-то? — мужчина наморщил нос. — Скотобойня тама. Раньше то есть была, теперь ничего нет. А раньше это было... Производство.

— Свинина-говядина? — любопытствовал Вовка.

— И свинина, и говядина, и... кое-что ещё, — рыбак усмехнулся и начал возиться с удочкой. Возле реки нас уже стали донимать комары. Я незаметно вытащил и включил диктофон.

— Рассказывали мне про этот завод вот что. После войны, в пятидесятых годах, со всей страны собирали мясо и другие продукты... Голод был страшный, скотины не хватало. И мяса надо было много... А откуда взять-то? Вот и придумал тогдашний начальник мясокомбината интересную штуку. У всех, значит, показатели на нуле, а он, молодец, мясо в столицу поставляет. Потом только выяснилось, что из районного морга покойнички пропадать стали. Вот оно откуда, мясо. А что такого? Говорю же, голод был. О, смотри-ка! Ключёт!

Мужчина начал подсекать, дёрнул удилице и серебряная монета подъязка взметнулась в воздух, но рыбка не удержалась на крючке и с плеском упала обратно. Рыбак выругался и вновь закинул удочку.

— Сейчас там, наверное, территория охраняется? — спросил я.

Рыбак усмехнулся в усы.

— Может, и не охраняется, но ходить туда я бы на вашем месте всё равно не стал. Мало ли что можно подцепить на бывшей скотобойне.

Мы ещё немного поговорили с рыбаком, пока Вовка не вспомнил, что по дороге к речке приметил заросли конопли, которые хотел бы изучить более подробно.

...Рыбак сразу посерьёзnel, когда двое городских парней оставили его в покое. Ведь о заброшенном мясокомбинате он знал намного больше.

Интермедия. Деревенский дурачок

Вечером того же дня Николай Анатольевич шёл, обхватив тощие плечи в клетчатом пиджаке, будто ему стало холодно. На самом же деле он испытывал страх, потому что должен был кое-что сделать.

Его сознание прояснялось редко, но каждый раз к нему в голову приходила одна и та же навязчивая мысль. Он должен попросить прощения. Чувство вины грызло изнутри, как болезнь, все эти годы. Местные знали Николая под другим именем. Они называли его Коляша.

Некоторые из прежних привычек Николая Анатольевича сохранились и в жизни деревенского дурачка Коляши. Так, например, он никогда не выходил из дома в грязной обуви и спину всегда держал прямо. Правда, костюм, который когда-то был сшит на заказ, сейчас истёрся и сидел на Коляше, как на скелете.

Глаза его временами вспыхивали и он начинал выкрикивать: «Чрезвычайная ситуация!». Иногда такие приступы проходили сами. Иногда — нет. Отчего они возникали, никто вспомнить не мог.

Коляша жил со взрослой дочерью, Натальей, которая некоторое время назад развелась и перебралась в деревню, чтобы присматривать за отцом.

Николай хватался, точно пловец в бурном море, за мысль об искуплении. Порой, он забывал, куда идёт, и останавливался посреди улицы. На дурачка не обращали внимания. Он и сам ещё не знал, что на следующий день все будут говорить только о нём.

Коляша шёл в лес.

Глава 4. Необычное происшествие

Дичка, которую Вовка заметил возле реки, ни на что не годилась. Не смотря на это, мы нарвали спелых шишек, растёрли их между ладоней и нюхали приятный травяной запах. День клонился к вечеру.

Я заметил ковыляющего дурачка, но не придал этому никакого значения. На сей раз он не пытался перегородить нам дорогу.

Вовка вытер ладони о джинсы и спросил:

— Ну и что ты обо всём этом думаешь? Тянет тот материал, который мы собираем, на фольклор?

Я отрицательно покачал головой:

— Больше похоже на байки из склепа. Бред какой-то!

У нас в запасе, впрочем, ещё было время. Мы спокойно вернулись в дом Авдотьи Никитичны, поужинали и легли спать. Засыпая, я думал о Маше, кудрявой черноволосой однокласснице. У неё были смешливые глаза и полные губы, которые она облизывала, когда начинала волноваться. А ещё её объёмная грудь едва не разрывала облегающую блузку. Когда я уже провалился в сон, в котором Маша начала раздеваться, чья-то грубая рука выдернула меня в реальность.

— Эй, Михалыч, просыпайся! Вставай, а то пропустим всё самое интересное!

Надо мной нависло бородатое Вовкино лицо.

— Какого чёрта? Зачем ты меня разбудил? — я начал злиться. Голова была тяжёлой и ничего не соображала.

— Наша старушка куда-то собралась. Я не мог уснуть, а потом услышал, как хлопнула дверь. Как ты думаешь, какие дела могут быть у пожилой женщины в три часа ночи?

В тот момент мне было наплевать, какие могут быть дела у Авдотьи Никитичны. Мне не терпелось вновь обнять подушку и уснуть. И, чего уж греха та-

ить, досмотреть продолжение сна. Но рыжий дьявол был беспощаден. Он стянул с меня одеяло, кинул футболку и сказал:

— Пошли. Это может быть интересно!

Я тяжело вздохнул и быстро оделся.

От речки поднялся туман. На улице было темно, тихо и холодно. Я пожалел, что оставил ветровку в доме, но возвращаться за ней было уже поздно.

— Кажется, мы её упустили... — начал было я, но Вовка прижал палец к губам и указал вперёд. Зрение, в отличие от моего, у него было хорошим. Приглядевшись, я тоже заметил крадущуюся тёмную фигуру. И мы пошли следом.

Долго идти не пришлось. Вскоре мы поняли, куда направляется Авдотья Никитична. Старушка шла в направлении тёмной стены деревьев. Мы с Вовкой притаились в кустах и наблюдали. Я не знал, откуда у однокурсника страсть к детективным расследованиям, но меня тоже всё больше разбирало любопытство.

Приходилось держаться в отдалении, чтобы нас не заметили. Туман мешал наблюдать, а когда над головой крикнула птица, я едва не заорал сам. Сонливость как ветром сдуло.

— Смотри, там ещё кто-то есть! — шепнул Вовка мне в ухо. Я пригляделся и, действительно, увидел человека. Мужчина стоял на опушке, Авдотья Ники-

тична напротив. Они о чём-то разговаривали. Может быть, даже спорили. В руках у старушки, кажется, был какой-то свёрток.

— Это же дурачок! Тот самый, которого мы встретили! — изумился Вовка. Я поверил ему на слово и пожалел, что мы не можем услышать разговора.

Старушка махала свободной рукой, будто прогоняя дурачка, и тот в самом деле развернулся и пошёл прочь, притом прямо в нашу сторону. Авдотья Никитична тем временем растворилась во мгле между деревьев.

— Твою мать! — выругался Вовка шёпотом, и мы быстро попятились, надеясь, что нас не заметят.

Дурачок едва волочил ноги. Мне показалось, что он чем-то очень расстроен.

...Не прошло и получаса, как мы добрались до нашего временного жилища. Но сон ко мне долго не возвращался. В голове крутились два вопроса, причём один следовал из другого, — почему Авдотья Никитична советовала нам держаться подальше от леса, и зачем старушка отправилась туда сама, притом ночью?

Впрочем, утро следующего дня породило новые вопросы. Куда более значительные, чем мы могли ожидать.

Интермедия. По кускам

Андрей вытер пот со лба. Пришлось напряжённо работать несколько часов. Он смотрел на любопытного браконьера, сейчас аккуратно упакованного в восемь пластиковых мешков, пополам со щебёнкой и битым кирпичом. Андрей мог сколько угодно раз повторить, что *был вынужден* убить браконьера, иначе тот мог бы вернуться и создать неприятности, привести других людей. На самом же деле бывший военный знал, что ему *хотелось* убить сукина сына. И если бы время вернулось обратно, он всё равно разнёс бы ему голову. «Конечно, человека начнут искать, — размышлял Андрей, — но пройдёт ещё немало времени, прежде чем здесь объявятся поисковые отряды с собаками. Три-четыре дня... может быть, даже неделя. Тогда они уже не смогут взять след».

Андрей погрузил пластиковые мешки в свой УАЗик. Потом, как мог, отёр от крови руки. Бензопилу и топор кинул в тот же мешок, где находилась голова мужчины. «Жаль! — подумал лесничий. — Хорошие инструменты». Но осторожность для него была выше всего. Бережёного Бог бережёт! Андрей, уходя, окурил заросли дымовой шашкой, чтобы наверняка отвести ищеек от этого места.

Лесничий выехал на берег реки, где перегрузил мешки с останками в свою моторную лодку. До рассвета оставалось от силы часа полтора, а дел предстояло сделать немало.

На середине реки заглушил мотор и выкинул за борт первый мешок, который тут же пошёл ко дну. Вероятно, издалека Андрей напоминал рыбака, забрасывающего сеть. Завёл мотор и начал спускаться по течению, стараясь держаться фарватера, и через несколько километров избавился от следующего мешка. Ветеран первой чеченской кампании Андрей Рубцов как никто другой знал, насколько часто в этих лесах пропадают люди.

Глава 5. Самоубийство

Пробуждение было не из приятных. Проснулся я с головной болью и в первые несколько мгновений не понимал, где нахожусь. Однако, как только услышал Вовкин храп, так память ко мне быстро вернулась. Мы были в каком-то Бобруйске... то есть, простите, Бобыльске. И, похоже, что сами вполне могли стать частью местного фольклора.

Я вышел во двор (все удобства находились именно там) и увидел странную картину. Деревенская улочка была оживлённой, не смотря на ранний час. Мимо калитки в одну сторону быстро прошли не-

сколько мужчин, потом женщина, которая утирала глаза и распухший нос кончиком платка.

— Эй, что-то случилось? — спросил я её, но женщина не ответила. Она расплакалась ещё сильнее. Вместо неё ответил шедший следом мужчина, в котором я узнал рыбака, рассказавшего нам историю про каннибализм:

— Случилось кое-что... Коляшка повесился.

Я не имел никакого понятия, кто такой Коляшка, да и расспрашивать было уже некого — все ушли. Вспомнив, по какому делу вышел во двор, я прошёл к деревянной будке туалета. «Должно быть, чьё-то самоубийство в такой глуши настоящее событие, — подумал я. — Вероятно, обсуждать его будут не один месяц».

Вовка, заспанный и лохматый, спустился с крыльца. Казалось, он ещё не успел разлепить глаза, а во рту уже дымилась сигарета.

— Что за шум, а драки нету? — спросил он хриплым голосом. Я пожал плечами и ответил:

— Повесился кто-то. Какой-то Коляша.

Вовка почесал бороду, затаился и прокомментировал:

— Какое-то дерьмовое у меня предчувствие.

И в этом я с ним был совершенно согласен.

Мы вышли со двора узнать подробнее, что стряслось. Гадать, куда тянется народ, долго не пришлось. Люди шли к тому месту, где ночью мы видели Авдотью Никитичну и деревенского дурачка.

— Вот срань! — не выдержал я и порадовался тому, что не успел позавтракать, иначе не уверен, что завтрак удалось бы удержать.

Вовка, как и я, смотрел вверх, а кроме нас туда же уставились человек двадцать — небольшая толпа, которая успела собраться на границе леса. Вовкино лицо побелело, а губы плотно сжались. Там, наверху, на крепкой верёвке покачивалось тело деревенского дурачка. Приглядевшись, я отметил про себя, что его ботинки были всё так же безукоризненно начищены.

На груди дурачка висела табличка, на которой неряшливыми, крупными буквами было выведено: «Простите меня». Его выпученные остекленевшие глаза смотрели в лес.

— Эй, все, разойдитесь! Что вам тут, цирк что ли? — услышал я крик и вновь увидел женщину с заплаканными глазами. Сейчас она сняла платок и под ним обнаружилась копна непослушных каштановых кудрей. Лицо женщины, пусть немолодое, было ещё довольно привлекательным. И в данный момент очень злым.

— Кто-нибудь, помогите мне снять его! Ну же, люди! — женщина всплеснула руками и подошла к

покойнику. Я заметил, как на зарёванном лице промелькнуло что-то, похожее на растерянность. Внезапно мне стало её жаль.

— Боюсь, что мы должны оставить всё, как есть, пока не приедет полиция, — рассудительно заметил Вовка.

— В задницу полицию! Небось, по-другому бы запели, пока он не стал... Вот таким! — и женщина рыдалась. Кто-то тут же принялся её успокаивать, и я спросил у бабки, что стояла рядом:

— Кто это? — и указал на плачущую женщину. Бабка ответила с готовностью:

— Наталья это, дочка нашего Коляши. Царствие ему небесное!

Я не стал уточнять, что, если верить священному писанию, Царствие небесное самоубийце Коляше не светит.

Вспомнил, как мы выслеживали здесь ночью Авдотью Никитичну. Впутываться во всё это очень не хотелось. Я уже видел себя сидящим перед следователем, который пристально смотрит на меня сверху вниз и спрашивает: «А вы-то, собственно, что там делали?». И тут мне в голову пришла одна смелая идея, которая могла пролить свет на происходящее.

Я подошёл к Наталье, взял её под локоть и отвёл в сторону. Она была так потрясена, что позволила мне это сделать:

— Послушайте! — быстро начал я. — Дело в том, что мы с другом видели вашего отца здесь живым прошлой ночью. И, пока не приехала полиция, хотели бы расспросить вас.

Глаза Натальи начали округляться. К нам подошёл Вовка, доброжелательно улыбнулся и незаметно пнул меня по лодыжке. Было видно, что ему не нравилось, когда инициативу на себя берёт кто-то, кроме него.

— О чём вы хотели меня расспросить? — Наталья, увидев Вовкину улыбку, немного успокоилась.

— Пойдёмте куда-нибудь, где меньше ушей, — как можно тише сказал он. — На нас уже люди таращатся, а копы будут здесь самое меньшее через полчаса.

Я усмехнулся, услышав от Вовки слово «копы» и всё больше начиная чувствовать себя героем повести Стивена Кинга.

— Пойдёмте ко мне, — сказала женщина. — Здесь недалеко.

Втроём мы дошли до довольно добротного двухэтажного дома с широкой мансардой. То, о чём подумал я, озвучил Вовка:

— Нифига себе хоромы! — присвистнул он.

Мы уселись на скамейке в саду. В дом Наталья нас приглашать не спешила.

Мой рыжий приятель решил рассказать обо всём сам, раз уж я затронул эту тему:

— Мы тут на практике. Живём у Авдотьи Никитичны, а прошлой ночью услышали, как она тайком вышла из дома. Решили проследить за ней и увидели её у леса с вашим отцом. Было похоже, что они о чём-то спорили.

— Как вы думаете, могла она желать зла вашему отцу? — спросил я, всё больше чувствуя себя в дурацком детективе. На самом деле, я страшно нервничал.

Наталья усмехнулась:

— Авдотья? Это вряд ли. Она сама из ума почти выжила, с тех пор как её муж пропал. Так и ходит порой в лес. Не вы одни её за этим застукали. А вот что там папаша делал... И табличка эта у него на груди... Странно очень.

— Как он вёл себя в последнее время? Было что-нибудь необычное? — спросил Вовка.

Наталья откинулась назад и внезапно расхохоталась сквозь слёзы:

— Я за папашей присматриваю уже несколько лет и всё в его поведении странно. Но так было не всегда.

Мы с Вовкой переглянулись, а Наталья продолжила, обведя рукой полукруг:

— Вот это — его дом. Отец на мясокомбинате занимал ответственную должность. Был начальником

цеха. Потом произошла авария, вроде даже погиб человек. Отца сразу же вызвали в столицу для разбирательства. Сама я об этом только понаслышке знаю. Маленькая тогда была. А вернулся из Москвы он уже... вот такой. То есть не совсем, конечно. С ума он сходил потихоньку. А когда уже не смог справляться с хозяйством, пришлось мне приехать.

Когда мы решили, что Наталья закончила, она обернулась, будто кто-то мог её услышать, и прошептала:

— Знаете, я думаю, что в Москве что-то сделали с ним... Я почти в этом уверена.

В этот момент на улице взвыл мотор полицейского УАЗика, и следом тяжёлая рука участкового ударила в калитку.

Интермедия. Время обеда

Андрею, как лесничему, разрешалось отстреливать определённое количество дичи для собственных нужд, и он никогда не брал у леса слишком много.

Растяпа-браконьер заставил его потрудиться, однако на следующий день Андрей проснулся бодрым и отдохнувшим. Лесничий вышел на охоту рано утром. Сегодня он намеревался отнять жизнь оленя. Убивать животное, чтобы ему не пришлось мучиться, нужно было одним выстрелом. Андрей хранил одеж-

ду, в которой выходил на охоту, вместе с словыми ветками, чтобы звери не учуяли человеческий запах. Обоняние у них гораздо лучше зрения.

Мягко ступая по хвойнику, Андрей подобрался к небольшому ручейку, возле которого было немало оленьих следов. Лесничий остановился метрах в пятидесяти, где устроил засаду и достал манок. Громкий звук разнёсся по лесу, и где-то в отдалении, как показалось Андрею, прозвучал ответ. Теперь оставалось только ждать.

Бывший военный легко мог находиться в засаде долгое время, ведь прежде ему приходилось охотиться на двуногих зверей. Через час Андрей увидел, как к ручью подошёл совсем юный олень. Лесничий положил указательный палец на спусковой крючок. Именно этот краткий миг нравился Андрею больше всего. Миг перед тем, как живое станет мёртвым. В этот момент он чувствовал настоящую власть. Олень начал растерянно оглядываться в поисках источника звука. И тогда Андрей выстрелил.

Пуля вошла животному в шею. Олень захрипел, захлёбываясь собственной кровью, машинально бросился обратно, под спасительные кроны деревьев, но Андрей знал, что далеко убежать он не сумеет. Поэтому можно было не торопиться.

Лесничий подошёл к умирающему животному. В глазах оленя застыл ужас, на чёрных губах клочьями висела кровавая пена. Андрей покачал головой и достал длинный армейский нож. Старый верный друг не даёт осечек. Какой-то краткий миг Андрей смотрел на животное, а затем присел на корточки и коротким выверенным движением перерезал ему шею. Кровь волной выплеснулась на руки, и бывший военный почувствовал возбуждение. Глаза оленя остекленели.

Андрей не смог бы ответить в тот миг на вопрос, почему не сделал контрольный выстрел. Однако, взваливая на широкие плечи тяжёлую тушу, ответ он уже знал, и этот ответ пугал его самого. Просто Андрею нравилось убивать.

...Едкий пот заливал глаза, когда лесничий вышел на место, приметное ему по древнему раскидистому кедру. Под тяжёлыми ветками дерева всегда было темно, как ночью.

— Эй, кушать подано! — прокричал Андрей и сбросил тушу животного на землю, после чего сразу пошёл прочь. Нет, он не боялся. Просто лесничему не нравилось смотреть на тех, кто выходит из леса.

Глава 6. Драка

Денис Авдеев вернулся из колонии для несовершеннолетних не так давно. Загремел он, как считал сам, по глупости. Срок ему пришили за групповое изнасилование, и сколько он не оправдывался на суде, что девка сама пришла к ним на хату, Дениса никто не слушал. Там, в колонии, у его задницы появилось множество близких друзей. Дениса насиловали, а надзиратели, которые на своей службе насмотрелись вещей и похуже, предпочитали этого не замечать.

Больше всего Денис боялся, что слухи о его жизни за решёткой потянутся за ним и на волю.

Через полтора года малолетний преступник Авдеев вернулся в Бобыльск — деревню, где вырос. Страхи оказались напрасными — местные пацаны зачислили Дениса в авторитеты из-за его криминального прошлого.

У Авдеева были наколки, он умел, что называется, «грузить базаром» и щедро врал о своей тюремной жизни. Больше всего ему хотелось отыграться за все те малоприятные воспоминания, которые останутся с ним до конца.

— Ну и чё? Бакланы какие-то из города? Вот мы их и прижарим, — прищурившись, заявил Денис, выслу-

шав быкомордого Вадика, того самого, который пытался отжать мобильник у одного из «волосатых». — Только подождём чуток, пока шнырялы обратно в округ умчатся, — Денис мало заботился о том, чтобы использовать тюремный жаргон правильно. Главное, чтобы речь звучала убедительно.

— Нагнём их по полной, — нехорошо усмехнулся Вадик и сплюнул в пыль. Дениса при этих словах передёрнуло. Там, в колонии, его не раз «нагибали по полной».

Полиция пробыла в деревне недолго. Было видно, что слуги закона не слишком-то горят желанием разбираться в самоубийстве местного сумасшедшего.

Нас с Вовкой расспрашивали по отдельности. Потом, когда у нас появилась возможность обменяться парой слов, мы выяснили, что вопросы задавали одни и те же, и даже примерно в той же последовательности: откуда приехали, зачем, почему пошли в лес ночью и тому подобное.

Поговорил участковый и с бабкой Авдотьей. Она не стала отпираться, призналась, что повстречала дурочка Коляшу и посоветовала ему ступать в деревню.

Ближе к вечеру страсти улеглись, тело самоубийцы увезли в районный морг. Наталья уехала следом, для того чтобы «начать улаживать дела». Но мне

отчего-то показалось, что ей просто не захотелось оставаться одной в огромном доме, который принадлежал её безумному отцу.

— Как ты думаешь, у кого он просил прощения? — спросил я у Вовки.

— Не знаю, быть может, у своей дочери. А может, и нет. Мутная какая-то история, честное слово, — отозвался Вовка. Было видно, что и его вымотали события прошедшего дня и расспросы полиции.

Мы возвращались к дому Авдотьи, когда я услышал окрик:

— Эй, подружки! Почему такие красотки вечером гуляют одни?

Я оглянулся и увидел, как к нам быстро приближается компания — минимум человек пять. Сердце предательски принялось метаться во все стороны.

— Ты кастет взял? — спросил я у Вовки. Он отрицательно мотнул головой. Впрочем, я уже не был уверен в том, что кастет бы помог нам справиться с пятью крепкими парнями.

Бежать было бесполезно. Нас тут же бы догнали и повалили. Мы развернулись лицом к хулиганам. Среди них я увидел высокого парня, стриженного под машинку. По всей видимости, это был их предводитель. Узнал я и парня, который пытался отобрать

у меня мобильник. Непроизвольно нащупал телефон в кармане и сжал его.

Мне было очень страшно. Мочевой пузырь, казалось, переполнился, а колени подогнулись. Я видел, как сжались кулаки у Вовки, и постарался ничем не выказывать своего ужаса.

Они ненавидели нас только за то, что мы были не похожи на них. За серёжку в ухе. За длинные волосы. За то, что любим слушать тяжёлый рок. «Неужели, — думал я, — это есть у каждого человека в крови, с самого начала времен — ненавидеть тех, кто не похож на других?»

Я смотрел на самодовольное лицо бритого, которого про себя уже успел окрестить Глистом.

— Чё, обоссались уже небось? Да не бойтесь, мы только так — побазарим, и всё, — начал Глист, приблизившись к нам вплотную. От него пахло чем-то кислым. Этот парень вызывал во мне страх, смешанный с отвращением.

Остальные, не теряя времени, взяли нас в полукруг. Глист же оглядел нас с ног до головы:

— Вы только посмотрите на себя! Вырядились, как бабы. Волосы отрасли. Не по понятиям это, слышь? Вот ты мне ответь, зачем ты эти патлы отпустил? А? Я тебя спрашиваю, — обратился он ко мне и толкнул меня в грудь.

Я будто язык проглотил. Вовка быстрее нашёлся с ответом:

— А ты зачем волосы сбрил? Или, может, они у тебя вообще не растут? — усмехнулся он. Высказывание это было не очень остроумным, но в сложившихся обстоятельствах любое проявление юмора выглядело как подвиг.

Глист осклабился и вытащил нож. Я дёрнулся, и чьи-то руки тут же схватили меня за плечи.

— Чё задёргались-то сразу, а? Я же вам услугу делаю. В парикмахерскую ходить не придётся, — и он заржал мерзким, клокочущим смехом, точно в горле у него застряло что-то склизкое.

Тут произошло сразу несколько событий. Глист двинулся ко мне, и парень, который меня держал, схватил и натянул мои волосы.

Тем временем Вовка выжидал удачный момент. И он наступил, когда Глист оказался на расстоянии полусага. Коротким движением мой друг вытащил руку из кармана, с зажатым в ней перцовым баллончиком, и выпустил в лицо предводителю жгучую струю. Нож выпал у того из рук, а парень, державший меня, от неожиданности ослабил хватку. Объяснять, как нужно действовать, мне не пришлось. Я прекрасно понимал, что иного шанса унести ноги у нас уже не будет. И мы с Вовкой побежали.

...Я тяжело дышал, в боку что-то кололо. Казалось, воздух стал тягучим и густым: он проталкивался в мои лёгкие с трудом. Дальше бежать не было сил. Вовка встал рядом, широко расставив ноги.

Я взглянул на наших преследователей и с ужасом понял одно — на этот раз они не удовлетворятся оскорблениями. Им недостаточно будет даже ограбить нас. Их было пятеро, и они жаждали нашей крови. По крайней мере, именно так обстояло дело в те мгновения: лица деревенских пацанов были перекошены злостью и азартом, они хотели одного — разорвать нас за дерзкую выходку с баллончиком.

Пути к отступлению не было — за нашими спинами в некотором отдалении блестела речная гладь. Даже если бы мы смогли бежать, то скрыться у нас бы не получилось.

Я тоскливо подумал о том, что никогда за свою жизнь ничего себе не ломал. Самая крупная неприятность, которая случилась со мной, произошла в пятом классе — я отбил ноготь на большом пальце правой ноги.

Вовка будто впал в ступор: он тупо наблюдал за тем, как пацаны приближаются. Они уже не бежали — видели, что мы никуда не денемся. Тот, что был зачинщиком, бритый шакал с раздвоенным подбород-

ком, гадливо улыбнулся и сплюнул. Расстояние между нами сокращалось.

Внезапно мне вспомнилась присказка про мышь, которая может стать смертельно опасной, если её загонят в угол. Я ещё раз взглянул на Вовку и удивился. Впервые на лице здоровяка читалась какая-то детская растерянность. Я соображал лихорадочно. Иногда ситуацию может разрешить одна фраза, произнесённая в нужное время. Я представил себе солдат, встающих из окопов и кидающихся в атаку, чтобы тут же попасть под пули. Одна-единственная фраза. То, что в крови у каждого человека. Я набрал в грудь как можно больше воздуха и заорал:

— Беееей их! Бей гопов!

И будто армия встала за нами. Вовка очнулся и с рёвом бросился вперёд, но я оказался проворнее. Мы выиграли несколько секунд.

Мы боимся и ненавидим тех, кто не похож на нас. Бей их за право носить чёрную футболку с логотипом любимой группы! Бей их за всех униженных и оскорблённых! Бей их за всех убитых подростков!

До сих пор я думаю, что эта безрассудная атака спасла наши с Вовкой жизни.

Я чувствовал, будто вся кровь прилила к моей голове и ударила молотом в мозг. В два прыжка подскочил к предводителю и с размаху пнул его пяткой

в пах. Это был единственный мой удачный удар в той драке, но какой! Ноги у меня всегда были сильнее рук. Бритый завопил тонким голосом и согнулся пополам.

В следующий миг другой парень заехал мне кулаком в висок. Очки слетели, и больше я их не видел. Весь мир расплылся, я упал.

Но тут уже подоспел Вовка. С сочным хрустом он сломал кому-то из неприятелей нос и ударил по рёбрам предводителя, который начал подниматься.

Кто-то схватил меня за ворот футболки, и я попытался вырваться. Во рту чувствовался солоноватый вкус крови. «Как всё это неправильно, — стучала мысль у меня в голове. — Бить друг друга, калечить и убивать. Глупо и неправильно. Нелепо».

Вся потасовка не заняла минуты и наверняка выглядела со стороны, как куча-мала. Никаких красивых киношных эффектов, никаких ударов в стиле Джеки Чана или Брюса Ли. Хватка парня, который тащил меня за футболку, исчезла.

Вовка поднял меня и буквально поволок прочь. Мы бежали к реке. Что дальше? Мы забежим в воду, а эти ублюдки утопят нас, как котят? Кровь из расчённого виска заливала правый глаз. И тут я заметил кое-что. Лодка! Конечно же, мы не могли видеть её

раньше. Кто-то будто решил спрятать её здесь. Вовка схватился за узел крепкой пеньковой верёвки, которой лодка была привязана к прибрежной коряге.

— Нет! Так ты только затянешь его крепче! — крикнул я, оттеснил друга и взял в руки узел. Голова уже начала наливаться свинцовой болью. У нас получится, мы успеем. Мы должны успеть.

Пацаны, разозлённые, как черти, неслись к нам по берегу. Впрочем, я был убеждён, что без предводителя уверенности у них поубавилось. Оставалось только надеяться, что его удалось надолго вывести из строя.

Узел никак не поддавался. Ну же! Я вспомнил дедушку. Совместные походы на рыбалку. «Смотри, — говорил он. — Этот узел называется рыбацкий штык»...

— Быстрее! Быстрее, твою мать! — орал Вовка у меня над ухом. Думаю, он уже приготовился к последней битве, потому что не верил, что мы сумеем спастись.

Но мы сумели. Скользящее двойное крепление... Я резко потянул один конец и почувствовал, как узел распустился. В следующую секунду мы столкнули лодку и, уже по колена в воде, сумели забраться внутрь. Нам помогло течение, которое подхватило судёнышко и понесло прочь. Мы были спасены.

По крайней мере, на какое-то время.

Интермедия. Подземная лаборатория

— Образцы недостаточно чистые, — недовольно сказал Николай.

Вот уже семь месяцев он вместе с командой лучших учёных-биологов торчал в этой тесной лаборатории, тайно созданной под прикрытием мясоперерабатывающего комбината.

Шёл 1957 год, международная обстановка немного разрядилась, но о завершении холодной войны не было и речи. Распоряжения, которые приходили сверху, часто были противоречивыми. Всё шло вкривь и вкось, и у Николая было такое чувство, что скоро вся их работа перестанет быть кому-то нужной. Он не сомневался в том, что по всей огромной стране было разбросано немало заводов и комбинатов, в недрах которых велись секретные разработки оружия массового уничтожения.

Им не хватало финансирования. Николай не мог поручиться за то, что скотомогильники с трупами животных, на которых испытывали разработки, были в достаточной мере надёжными. Многие из учёных неделями не выходили на солнечный свет. Все работали в условиях повышенного напряжения и секретности.

Уже прошли успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты, которая сумела бы

доставить ядерный заряд прямым к Белому дому. Но здесь, в глубине подвалов комбината, Николай с командой разрабатывал кое-что другое — значительно хуже.

Интермедия. Охота продолжается

С Андреем что-то происходило, будто убийство браконьера сдвинуло в его мозгу тяжёлую, обитую заржавевшим железом дверь, за которой томился всё это время зверь. И сейчас этот зверь жаждал новой крови.

Андрей вспомнил девяносто шестой год, грязный кишлак, куда вошёл в составе отряда спецназа. Вспомнил он и чеченского мальчика, который был обвинён в причастности к террористической группировке. «Мы тогда применили водяную пытку, — подумал Андрей, — пытку, которую не способны выдержать и взрослые мужчины. Но мальчик, ему едва миновало пятнадцать лет, каким-то образом держался».

Тогда Андрей взял свой нож и отрезал мальчику уши. Он хорошо помнил, с каким сочным хрустом клинок врезался в плоть, как кричал и вырывался маленький засранец. Помнил Андрей и другое — как вздыбился его член, когда он проделывал всё это. Но несчастный мальчик и тогда ничего не рассказал

военным, которые в итоге запытали его до смерти. Просто нечего было рассказывать. Теперь лесничий понимал, что ему нравятся эти воспоминания. И ему хотелось всё повторить снова, пусть он пока и не признавался себе в этом открыто.

Когда Андрей обнаружил пропажу лодки, это очень ему не понравилось. Кто-то из грёбаных деревенских выроdkов украл её, — с изумлением понял он. Кто-то украл его лодку и отправился кататься. Андрей решил, что найдёт негодников. Найдёт и прочит как следует.

Лесничий снова выходил на охоту, и это доставляло ему невероятное удовольствие. Ведь охотиться он собирался на двуногую дичь. Он поднёс к глазам бинокль и в сгущающихся сумерках увидел вдалеке, ниже по течению, огонёк. Конечно же, он мог и ошибаться, но интуиция подсказывала, что именно там, возле костра, сидят эти вонючие маленькие воришки. То-то они удивятся, когда он придёт к ним в гости. И Андрей, улыбаясь во весь рот, неторопливо зашагал к месту, где виднелся костёр.

Глава 7. Незванный гость

Течение быстро относило нас от берега, и я благословил эту реку за то, что она текла с такой изрядной скоростью. Ещё немного и мы бы попали в руки

к нашим врагам. И тогда, а я был в этом абсолютно уверен, нас бы утопили. Я чувствовал себя счастливым, как и любой человек, которому удалось избежать верной смерти, и все неприятности на этом фоне блекли и переставали быть значительными. Похоже, что Вовка тоже испытывал нечто подобное.

— А ты, оказывается, хороший кулинар! — сказал он мне после длительного молчания.

— Это ещё почему? — не понял я.

— Вон какую яичницу приготовил, когда врезал тому ублюдку пониже пояса, — пояснил он.

Секунду я тупо смотрел на друга, а потом мы рассмеялись и не могли успокоиться ещё минут пять. Сказывалось нервное напряжение.

Потом Вовка решил оценить ситуацию. Лодка была моторная, но мотор мы завести не смогли бы. Для этого требовался специальный ключ. Зато внутри имелись вёсла. Друг, а после всего случившегося я не мог называть Вовку иначе, взял вёсла и выровнял движение лодки. Так мы плыли какое-то время и, когда решили, что уже удалились на безопасное расстояние, начали неумело подгрести к берегу. Сперва получалось плохо, но мы справились.

— Когда выберемся отсюда, с меня пиво, — сказал я. Мы загнали лодку в заросли камыша. Я уже мог почувствовать, как болит избитое тело, как саднят царапи-

ны, но расслабляться было ещё рано. Нам обоим стало понятно, что возвращаться сейчас в деревню опасно.

— Ненавижу приключения! — заявил Вовка. — Про них интересно читать в книгах, пока ты сидишь в безопасности на мягком диване. А на самом деле, приключения — это, как правило, когда у тебя избита морда и тебе хочется жрать. Вот так я бы охарактеризовал наши грёбаные приключения.

После этой речи я сразу почувствовал, как заурчал желудок. В самом деле, я только сейчас понял, как сильно проголодался.

Вовка по привычке вытащил из кармана пачку сигарет, увидел, что она размокла, и выругался.

— Вот гады! Фашисты! Из-за них ни одной сухой сигареты не осталось, — пожаловался он, и мы снова засмеялись.

Вовкина бензиновая зажигалка, впрочем, всё ещё работала, и вскоре нам удалось развести костёр. Очень вовремя, потому что сумерки начали сгущаться, и от реки ощутимо веяло холодом. Мы решили, что погреемся у костра, а наутро заберём свои вещи у Авдотьи и свалим из этой поганой дыры. Чёрт с ней, с практикой, местным фольклором, филологическим факультетом... И с армией, если уж на то пошло!

— Слушай, эти придурки, которые за нами гнались... Как ты думаешь, они такими и останутся? —

неожиданно сам для себя, спросил я. Меня тревожили вопросы — кто из них вырастет? чем они будут заниматься? и какие у них родятся дети?

Вовка подбросил в костёр пучок сухой травы, невесело улыбнулся и ответил:

— Знаешь, я думаю, в мире полно придурков, которые плодят придурков. От этого никуда не деться. Я думаю, что они, может быть, станут менее озлобленными, когда вырастут. Но сомневаюсь, что сильно поменяются внутри.

Я сидел, придвинувшись к огню почти вплотную, и сознавал то, что прежде жил в стеклянном мире, где со мной не могло случиться ничего плохого, где никто не пытался убить меня или изувечить. Да, я жаловался, что никто не понимает меня, но теперь осознал, насколько смехотворны были эти жалобы... И насколько хрупким оказался мой стеклянный мир.

Быть может, нам с Вовкой удалось бы поговорить ещё о чём-то в тот вечер, плавно перетекающий в ночь, — вспомнить детские страхи, рассказать пару анекдотов, посмеяться над нашими злоключениями. Но мы рано решили, что неприятности закончились.

Кусты раздвинулись, и к нашему костру вышел человек. Я вздрогнул, потому что подошёл он практически бесшумно.

— Привет, засранцы! Вот, значит, кто угнал мою лодку.

Мужчина был широкоплечим, но невысоким. Под курткой защитного цвета обозначился живот, а на висках проступила седина. Лицо мужчины, поросшее щетиной, не выглядело опасным. Таким могло бы быть лицо слесаря в шиномонтажной мастерской или кондуктора в автобусе. Зловеще выглядели лишь его глаза, которые бегали в глазницах. Безумные глаза.

— Мы можем всё объяснить, — начал Вовка, но мужчина наставил на него ствол винтовки.

— Нет, ничего ты объяснить не будешь! У тебя и твоего приятеля есть шестьдесят секунд. А если вы за это время не успеете унести свои задницы, то я сделаю в них пару новых дырок, — и он широко улыбнулся.

Я застыл соляным столбом. Мне не верилось, что, после того как мы едва спаслись от деревенских хулиганов, нас застрелит какой-то психопат, чью лодку нам пришлось угнать.

Мужчина тем временем начал считать.

— Раз, два, три, — медленно, с нескрываемым чувством собственной власти и превосходства, произносил он, — четыре, пять, шесть...

Челюсть у меня отвисла. Что за грёбаный день, который никак не может закончиться?! И, скорее все-

го, я бы так и стоял, если бы Вовка не понял, что мужчина не шутит. Он действительно хотел нас убить.

Вовка побежал первым, я последовал его примеру. От реки мы рванули в сторону леса. Когда мы стартовали, незваный гость уже успел досчитать до двенадцати.

Мне было холодно. Настолько, что казалось, будто моча в мочевом пузыре превращается в лёд. Пот градинами выступил на висках и на лбу, катился по лицу, попадал в глаза, и от этого я совсем не мог сообщать, куда бегу.

Охотник преследовал нас. Порой мне казалось, что я слышу его тяжёлое звериное дыхание. Вовка бежал где-то рядом, ломился через кусты, перепрыгивал валенки. Ему приходилось хуже, чем мне — Вовка курил с начальной школы, и это сказало на его лёгких. В голову прокралась маленькая грязная мыслишка, что шансов выйти живым из этой переделки у меня несколько больше, чем у него. На какой-то момент я потерял друга из виду — вероятно, он решил, что если мы разделимся, незнакомцу сложнее будет нас догнать. Что же, в этом была доля правды. Оставался только один вопрос — за кем из нас он последует в первую очередь?

Бока нестерпимо кололо, будто за рёбра меня держал невидимый монстр, и его когти всё глубже

входили в мою плоть. Я, задыхаясь, привалился к ближайшему дереву. Мне показалось, что охотник отстал. Грудь моя вздымалась и опадала, изо рта текла слюна. В жизни ещё никогда мне не было так страшно. Я прислушался. Он был где-то там, в темноте деревьев. Он подбирался всё ближе и ближе и тоже прислушивался.

Только я прерывисто вдохнул и изготовился бежать дальше, как в тот же миг ствол молодой берёзки в каких-то десяти шагах от меня буквально взорвался. Выстрел прогремел над чащей, как гром. Я едва не обмочился от неожиданности и побежал, стараясь петлять, как заяц. Очевидно было одно — в погоне за нами злодей предпочёл сначала расправиться со мной, а уже после — с моим другом. С трудом я верил в то, что происходило — всё казалось запутанным плохим сном, когда через воздух приходится проталкиваться, как через воду. Меня настигала смерть.

Теперь я слышал убийцу уже совсем близко: казалось, чтобы схватить меня за волосы, ему достаточно было протянуть руку. «Я не должен оборачиваться! — думал я. — Не должен, потому что тогда точно врежусь в дерево или споткнусь, зацепившись за какой-нибудь корень». Но этого не случилось. А произошло следующее — приклад винтовки обрушился мне ровно между лопаток. Мир разлетелся на тысячи острых

осколков. Я почувствовал, будто мой позвоночник разломился пополам, и угодил лицом в землю. Во рту сразу почувствовал вкус крови из разбитой губы. Я надеялся, что от боли потеряю сознание, и сумасшедший незнакомец просто убьёт меня выстрелом в затылок, прервав таким образом нашу безумную гонку по ночному лесу. Но сознание я не потерял.

Он схватил меня за куртку и перевернул. Без очков я почти ничего не видел. К тому же, мокрые от крови и пота волосы прилипли к лицу, и я не решался сдвинуть их. Сердце было готово выпрыгнуть из горла, и это не какая-то паршивая метафора. Мокрый кровавый ком бился совсем близко, и я понимал, что ещё немного, и меня стошнит.

— Допрыгался бельчонок! — услышал я хрипловатый голос. А потом безумец рассмеялся. Я лежал и не мог пошевелиться, а он стоял надо мной и хохотал. Нет, он не убьёт меня сразу — возникла в мозгу жуткая догадка. Сначала садист как следует помучает меня. Быть может, отрежет мне пару пальцев и заставит их съесть. А может, не ограничится и пальцами. «Тогда у Вовки будет больше времени. Возможно, ему удастся спастись», — подумал я. И внезапно почувствовал, как что-то тёплое льётся по моему лицу. Что-то тёплое и вонючее.

Этот ублюдок ссал на меня! Он вытащил свой член и отливал, будто какой-то поганый пёс. И тут я перешёл черту. Я устал настолько, что удивлялся тому, как ещё не умер от усталости. Страх, прежде стискивавший мне горло, уступил место отвращению и злости. Мне под руку подвернулась какая-то сучковатая ветка. Очень вовремя подвернулась. С воплем отчаяния я, что было сил, ткнул этой веткой туда, где, по моему мнению, должен был находиться чёртов кран этого монстра. И, судя по тому как он взвыл, я не промахнулся. «Ну всё, теперь я точно труп! — как-то отстранённо подумал я. — И, быть может, в порыве гнева он убьёт меня сразу».

Мучитель с размаху пнул меня по рёбрам, и я явственно услышал их треск. Стало вдруг нечем дышать. Я лежал, судорожно хватая ртом воздух, когда это случилось... Когда Они вышли из леса.

Я потерял очки и потому не могу сказать наверняка, как они выглядели. То, что я могу сказать точно — они мало походили на людей. В первые мгновения я не понял, что произошло. Нечто обхватило сумасшедшего поперёк тела, и я мог поклясться, что это походило на толстое бурое щупальце. Незнакомец заорал тонким, девичьим криком. Заорал так, что становилось понятно — случилось то, чего он боялся больше всего.

— Что вы делаете?! Я ведь всегда защищал вас! Я вас... кормил! — кричал он, надрывая голосовые связки.

Что-то потащило мужчину назад, к деревьям. Я старался не смотреть. Боль пульсировала в моей черепной коробке. И смерть от пули в те страшные для меня секунды казалась не самым худшим финалом. Человек кричал так, что я иногда до сих пор просыпаюсь в постели от этого крика. Никогда мне больше не доводилось слышать более отчаянного вопля.

Из темноты между деревьями выходили новые и новые существа. «Как же хорошо, — думал я, — что я потерял очки!». Вероятнее всего, если бы мне довелось увидеть их, а не расплывчатые силуэты в сумраке леса, я мог бы потерять рассудок.

А потом они заметили меня, столпились вокруг, нависли надо мной, и мой мочевой пузырь не выдержал. Я открыл рот, чтобы закричать, но из гортани раздавался только сиплый свист. И когда они коснулись меня, я потерял сознание.

Интермедия. Чрезвычайная ситуация

Это должно было произойти рано или поздно. И когда это произошло, Николай не удивился. И, что важнее, не растерялся. На такой случай у него была специальная директива руководства.

Красный индикатор на приборной панели мигал, и это могло означать только одно — что-то пошло не так. Они работали, послав ко всем чертям безопасность. Им нужно было показать результат, а когда сроки поджимают, слишком велика вероятность ошибки. И она произошла.

— Чрезвычайная ситуация! У нас чрезвычайная ситуация! — кричал какой-то молодой лаборант. Его голос был слышен в динамиках, выходящих в рубку, откуда осуществлялся контроль. «Как его зовут? — подумал Николай, наблюдая за всем из-за толстого трёхслойного стекла. — Впрочем, не важно. Уместнее было бы спросить — как его звали?». Потому что все они, согласно директиве партии, уже были мертвы, хотя ещё не знали об этом.

«Быть может, у партии и на мой счёт есть соображения определённого характера, — подумал Николай. Он вспомнил о своей маленькой дочери, которая осталась жить вместе с матерью. Потом, глубоко вдохнув, как пловец перед прыжком с вышки, Николай нажал неприметную серую клавишу на панели. Никаких скрещенных костей и черепов на этой клавише не было, и, тем не менее, он-то хорошо знал о её назначении.

На входе в лабораторный блок были установлены двери, которые ничуть не уступали атомным на

секретном объекте ГТС 825 в балаклавской бухте. Эти двери весили не менее пяти тонн и приводились в движение десятью мощными моторами. Для того, чтобы тяжеленные стальные створки полностью сомкнулись, требовалось около двух минут. И нажатием серой кнопки Николай привёл механизм в движение, закупоривая подземную лабораторию. Намертво.

— На помощь! Помогите нам! У нас чрезвычайная ситуация! — надрывался голос в динамиках. К нему прибавились и другие. В лабораторном блоке, нарастала паника, и Николай, матёрый атеист, мысленно поблагодарил Бога, что он здесь, а не там.

Моторы исправно работали, и двери, способные выдержать направленный удар крылатой ракеты, плавно и неотвратно смыкались, скользя по вмонтированным в укреплённый пол рельсам. Никто и ничто не смогло бы выбраться наружу. По крайней мере, именно так Николай думал в те секунды. После полной герметизации блока, повинувшись всё той же правительственной директиве, мужчина был обязан пустить в блок смертоносный газ. Он надеялся, что смерть оказавшихся в ловушке людей будет быстрой.

К выходу из лабораторного блока шёл длинный подземный коридор, освещённый лампами дневного света. Каждый раз, когда Николаю доводилось

проходить там, у него возникали ассоциации с угрюмыми больничными коридорами, по которым возят пациентов на каталках. «И иногда их везут ногами вперёд», — невесело усмехался начальник лаборатории. Вот что напоминал ему секретный подземный блок: большой склеп, где они играли со смертью. И доигрались.

На чёрно-белых мониторах Николай наблюдал, как люди из зала, где проводились исследования, метнулись в коридор. Изображение было не чётким, но даже так он видел, как они толкают друг друга, затаптывают упавших.

— Чрезвычайная ситуация! Помогите нам, здесь чрезвычайная ситуация! — рвался голос из динамиков. И никак не замолкал. Парень продолжал звать на помощь всё время. Даже когда двери полностью захлопнулись и пошёл газ.

Николай знал, что, вероятнее всего, никто не успеет добежать до выхода из отсека. Но на тот случай, если это всё-таки произойдёт, у него тоже имелось распоряжение. Николай по радиосвязи отдал приказ военным. Если бы кто-то из сотрудников лаборатории успел преодолеть коридор и попытался выйти наружу, его бы встретили автоматные очереди.

Этот крик — «Чрезвычайная ситуация!» — будет сводить Николая с ума многие годы. Крик молодого

лаборанта, чьего имени он не знал. И которого убил. Как и всех остальных.

Впрочем, Николай не мог поступить иначе. То новое биологическое оружие, которое они разрабатывали, могло натворить много бед во внешнем мире. Поэтому в случае, если в ходе исследований произойдёт сбой, оружие надо было запечатать в подземном саркофаге, не оставив ни малейшего шанса на то, что бактерии поднимутся на поверхность.

Но они поднялись.

Эпилог

Я чувствовал себя так, будто меня пережевал, а потом высрал питбуль, и в первые секунды пробуждения не мог думать ни о чём, кроме боли. Нет, она не была нестерпимой. Боль то усиливалась, то стихала, и я лежал, переводя дыхание. Только спустя несколько минут я понял, что жив, и испытал огромное облегчение.

Память восстановила последние события — безумную погоню в ночном лесу, где я был дичью, и что-то ещё... Что-то в самом конце этой погони. То, что вспоминать не хотелось.

Попытался пошевелиться, и позвоночник пронзила такая вспышка боли, что я вскрикнул. Надо мной был, кажется, потолок. Всё перед глазами расплывалось, что было не удивительно. Но, судя по все-

му, я находился в больничной палате. И это была лучшая новость, на какую я только мог рассчитывать.

Вскоре вошедшая медсестра заметила, что я очнулся, и позвала доктора. Лица его я не мог различить, но голос меня успокаивал. Оказывается в больнице не приходя в сознание я провёл уже три дня. Доктор рассказал, что дела мои, конечно, плохи, но могли бы быть значительно хуже.

Три сломанных ребра, компрессионный перелом позвоночника, сломанный нос, и, конечно же, многочисленные ссадины, синяки и ушибы. Внутренние органы, что удивительно, не пострадали, и я даже сумел пошутить, что при таком раскладе мог бы стать дорогостоящим товаром на чёрном рынке.

После обеда в тот же день приехал Вовка. Ему сообщили, что я пришёл в себя, и он примчался. Друг рассказал мне многое из того, что частично объясняло события, случившиеся с нами в Бобыльске.

Рассказ его начался с погони в лесу. Вовка, по его словам, решил отвлечь незнакомца (который, как потом выяснилось из газет, в которых писали о пропаже человека, оказался местным лесничим) на себя, чтобы у меня появился шанс. Я сомневался в столь благородных мотивах, но спорить не стал. Ему удалось сбежать и даже добраться до деревни, где он тут же всех поставил на уши. Не знаю, как это удалось, но,

по всей видимости, парень был слишком возбуждён и перепуган.

Искать меня отправились через несколько часов, с собаками, но нашли только под утро, и, что странно, — на самом краю леса, недалеко от того места, где повесился дурачок.

Сперва решили, что я мёртв, но Вовка, опять же по его словам, первым подбежал и проверил сердце. Я был жив, хотя и сильно избит.

Но наиболее интересная часть его рассказа была вовсе не о моём спасении. Вовке удалось кое-что вытянуть из Авдотьи Никитичны. И от услышанного кожа у меня покрылась мурашками.

Много лет назад на мясокомбинате случилась авария. Вроде бы, что-то взорвалось. Из района приехала комиссия.

Деревенские знали об этом мало. Но, когда всё улеглось, мужики, работавшие на комбинате, начали болеть. И одним из них был муж Авдотьи.

Это была не обычная болезнь. Всё начиналось с небольших язв. Они появлялись под мышками и на сгибе локтей. Потом поднималась температура, и люди буквально сгорали на глазах. Большинство умерли в течение первых трёх месяцев.

Авдотья Никитична обмолвилась, что жёны и родственники пытались жаловаться, и даже какой-

то журналист-правдолюбец приехал в деревню, чтобы написать об этом статью. Но вскоре тело этого журналиста, отёкшее и раздувшееся, нашли в речке, как предупреждение — держите рот на замке, если не хотите, чтобы с вами случилось то же самое.

Однако умерли не все. Некоторые начали меняться. Авдотья не могла или не хотела объяснять, что именно с ними происходило, но перемены эти были значительными. Настолько, что несчастные отказались оставаться в деревне среди других людей и однажды просто ушли в лес.

С тех пор прошло более пятидесяти лет, успело смениться не одно поколение. Кто помнил те события, иногда, на свой страх и риск, приносили в лес еду и тёплые вещи, как Авдотья. Но большинство жителей деревни чувствовали, что к чаще им приближаться не стоит.

Я рассказал Вовке без утайки, как именно погиб лесничий, и мы с другом договорились, что будем держать это в секрете. В каких бы существ не переродились бывшие работники мясокомбината, они спасли мне жизнь. И это, пожалуй, пугало меня больше всего.

Практику, конечно же, мы оба завалили, но мне каким-то чудом удалось удержаться на факультете, а Вовка ушёл сам. Пошёл служить в морфлот и вернул-

ся из армии ещё более нахальным и мускулистым, чем раньше. Я двумя годами позже перешёл на заочное обучение, потихоньку начав осваивать программирование сайтов, и со временем добился в этом деле неплохих результатов.

Упоминание о Бобыльске я встретил только однажды, когда искал в Интернете информацию. Случайно наткнулся на заметку о программе государственной поддержки, в которой название деревни упоминалось мельком. Там говорилось, что жителей переселяют в новые районы Тюмени.

А как же лес, спросите вы? Да, я и сам был удивлён таким «совпадением»: в другой заметке говорилось, что из-за неосторожного обращения с огнём лес, считающийся заповедным, выгорел дотла.

Мария Гилина

Лавочка

Утренний свет мягко падал на жёлтую кухонную стену, делая её оттенок почти яичным. Да и на завтрак были запланированы яйца. Конечно, лучше всмятку, чтобы обмакивать в текучий желток узкие полоски белого хлеба. Так вкуснее.

Утро задалось тёплым, и летний ветер ласково колыхал разноцветные занавески.

Из всего этого радостного зарождения нового дня выбивалась только одна деталь. Именно на неё Наташа неотрывно смотрела вот уже несколько минут, положив подбородок на высокую спинку поставленного задом наперёд стула. Взгляд выражал задумчивость. Создавалось впечатление, что девушка держала глаза открытыми только для галочки: смотрела рассеянно, и было ясно, что она ушла глубоко в свои мысли. Но, наконец, веки затрепетали и зрачки сфокусировались в одной точке, где взору открывалась грустная картина: по кухонному подоконнику сплошным унылым ковром расстилались маленькие пожухлые листья, а в центре этого безобразия стоял керамический горшок, из которого нерешительно торчали почти полностью голые сухие стебли единственного Наташиного соседа — Олега. Олег перио-

дически красиво цвёл белыми маленькими цветами, потом радовал глаз яркими оранжевыми ягодами, а всё остальное время капризничал и устраивал продолжительные листопады.

Кто подарил Олега Наташе на двадцать пятый день рождения, она уже и не помнила, но с тех самых пор тот стал её постоянной проблемой, которая последние два с половиной года никак не решалась. «От кошки шерсти было бы гораздо меньше! Да что там — будь ты уличным растением, дворники всего мира ненавидели бы тебя от души!» — возмущалась Наташа, сгребая с подоконника очередную кучу листьев. Обычно после такой тирады она грозила Олегу кулаком и, грозно раздувая ноздри, уходила в другую комнату.

Наташа прочитала уже кучу книг и статей по уходу за олегообразными, пробовала пересадку, удобрения, смену локации и тому подобное. Ничего не помогало. Но все же просто взять и выкинуть домохадца рука не поднималась.

— Нудист ты, вот ты кто! — злилась и одновременно расстраивалась Наташа, наблюдая, как Олег скидывает остатки листвы. — И что мне с тобой делать?

Что вообще за дурацкая была идея дать цветку человеческое имя?! За эти годы Наташа здорово к нему привязалась.

Она внезапно вспомнила, как пару лет назад, когда делила комнату с подругой Олесей, сама предложила разграничить жилплощадь на две условные части, чтобы у каждой было своё личное суверенное пространство. Комната была здоровенная, с двумя выходящими на проспект близко посаженными окнами. Голосованием было решено провести границу как раз между упирающимися друг в друга густо покрашенными в молочный цвет подоконниками. В тот же день на подоконники были водружены два пограничника из царства флоры, которые тут же вместе с трудоустройством получили имена: Наташин Олег и Олесин Эдуард. Правда, Эдуард с девушками прожил недолго: в какой-то момент его пост облюбовали мелкие букашки, которые поселились в корнях, а потом и вовсе ринулись изучать ближайшие окрестности, безнаказанно нарушая все границы. Каким-то чудом они не тронули Олега.

Девушки откровенно недолюбливали нелегальных эмигрантов и брезговали лишний раз приближаться к Эдику. В один прекрасный вечер Олеся не выдержала и вынесла его в подъезд, оставив на подоконнике листок бумаги с двумя красиво выведенными словами: «Эдуард Жуковский». «Так честнее», — пояснила подруга. Чудесный, раскидистый, но очень *жуковский* Эдуард исчез с подоконника через пару часов.

Девушки всей душой надеялись, что их зелёный друг попал в руки добрым и бесстрашным (в плане насекомых) соседям. В любом случае, Эдуарда они вспоминали с нежностью и лёгкой грустью.

А вот теперь Олег...

подавив тяжёлый вздох, Наташа, наконец, встала и, преодолев последние отголоски жалости и чувство вины, объявила: «Решено! Ты съезжаешь!»

Через пятнадцать минут в рабочем костюме и с цветочным горшком она вышла из квартиры. Выставить Олега на улицу она так и не решилась. «Может кто-то посчитает тебя перспективным малым и даст тебе ещё один шанс, м-м-м?» — уже более весёлым тоном спросила она, подмигивая стеблям с редкими скукоженными листьями и выбирая на подъездном подоконнике место поудобнее.

— Наталья, вы должны были работать над проектом совместно с Дмитрием — и опять двадцать пять! — шеф говорил нарочито громко. Слишком добродушный на вид мужчина с лучистыми глазами и чуть вздёрнутыми кверху уголками рта быть строгим не умел, поэтому, когда хотел донести свою позицию до строптивного сотрудника, пытался быть хотя бы звучным.

— Андрей Владимирович, ну вы же знаете, что я предпочитаю работать одна. Чего вы удивляетесь? И, между прочим, ваш Дмитрий пока думал, на какой день поставить обсуждение проекта, я уже сама произвела все расчеты, — Наташа с негодованием приподняла бровь. — Лучше бы премию дали за эффективность.

— А коллектив? А командная работа?! — попытался воззвать подчиненную к уму-разуму Андрей Владимирович. Стараясь при этом прозвучать ещё громче, он взял слишком высоко, и голос, предательски надломившись, перешёл в писк. Смутившись, начальник закашлялся, а потом быстро бросил: — Вы, Наталья, зря вот так с коллегами. Скоро выть на луну начнёте со своим сольным репертуаром.

— Как же... начну. Мне теперь волей-неволей ваш командный дух даже при всём желании не выветрить, — сделав большие глаза, она выразительно покосилась на Севу.

Сева совсем недавно переехал в кабинет. Тем самым Наташе пришлось капитулировать в борьбе за сингл-офис. Штат неумолимо расширялся, а «свободных кабинетов на всех не напасёшься», как сказал Андрей Владимирович, распределяя сотрудников по рабочим местам.

Севу Наташа не жаловала, а под «командным духом» подразумевала богатые ароматы, исходящие

от ланч-боксов, аккуратно и с любовью упакованных Севиной женой. Запахи первого, второго и десерта домашнего производства обволакивали пространство и не испарялись до вечера. Наташа молчала и громче включала радио, дабы заглушить урчание в животе. «Женатики! — ворчала она вполголоса. — Хоть бы раз в столовую на обед сходил».

Когда Андрей Владимирович закрыл за собой дверь, неодобрительно покачав головой и заверив, что лично подберёт Наталье проект, рассчитанный минимум на пятерых сотрудников, Наташа повернулась к Севе:

— Ты опять брал мой кофе?

— Я чуть-чуть, — Сева виновато опустил глаза. — Очень уж вкусный. Я даже название записал и искал вчера такой в магазине, но не нашёл.

— Вот и пей свой чай! А то сначала «кабинетов не напасёшься», а потом и кофе ищи-свищи! — Наташа тут же пожалела, что перешла на грубый тон, но отступить было слишком поздно. Настроение уже было испорчено.

Сева хмыкнул, но обижаться не стал. «Незамужние! — подумал он. — Вечно голодные, вечно злые».

— Слушай, Наташ, а ты только на работе одинокий рейнджер или вообще по жизни?

Откровенничать Наташа не любила и знала, что, если тему не закроет, впереди её ждёт ещё тысяча и один вопрос.

— Знаешь поговорку, — начала она издалека: — «Хочешь сделать хорошо — сделай сам»? Вот я с ней полностью согласна. Зачем от кого-то зависеть, когда гораздо проще...

— А как же: «Каждой твари по паре» и всё такое? — бесцеремонно перебил Сева, весело подмигнув.

— Ну знаешь... не такая уж я и тварь.

Коллеги молча посмотрели друг на друга и звонко рассмеялись.

Вечерний ветер трепал волосы, фонарный свет мягко падал на дворовые дорожки. Наташа с пакетом продуктов шла в сторону подъезда. Точнее не совсем шла, а шагала очень странным образом: то мелко перебирала ногами, становясь на цыпочки, то очень широко, как-будто ещё немного и сядет на шпагат. А причина была проста: ни за что нельзя было наступать на границы тротуарной плитки. Конечно, наступи она на тёмную полоску — ничего бы страшного и не произошло, но девушка давно пристрастилась к весёлому вечернему ритуалу и пользовалась тем, что двор вечером отличался

пустынностью и отсутствием посторонних глаз. Перескакивая с места на место, крепко прижав продуктовый пакет к груди, она забывала про всё, что её окружало или случилось в течение дня. Кто-то может посчитать это своеобразной медитацией — и что-то в том и правда есть.

Подойдя к подъезду, Наташа машинально подняла голову, отсчитала пять этажей и тут же себя одёрнула. Ещё одна привычка. Правда, эта уже не приносила особой радости и вообще была странной. Она заключалась в том, чтобы проверить, горит ли свет в квартире. Закрепилась эта традиция с подросткового возраста, когда юная Наташа возвращалась с вечерних прогулок с одноклассниками и по наличию или отсутствию света в окне определяла, спят ли родители. Но в контексте сегодняшней Наташиной рутины действие выглядело до предела глупым. Ещё бы! Она уже несколько лет жила одна, и отсутствие света в окне было на сто процентов предсказуемо. «А теперь, дорогие любители искусства, перед вами картина Казимира Малевича „Чёрный квадрат“!» — произнесла она тоном экскурсовода, поправляя свободной рукой невидимые очки на носу и делая жест в сторону своего окошка. — Нравится? Вот и мне нет».

Подавив вздох, девушка достала ключ от домофона и с досадой обнаружила в пластиковом кореш-

ке вместо магнита зияющую дыру. «Опять отклеился, вот невезуха!». Взглянув на часы, Наташа покачала головой. Довольно поздно. Единственным разумным решением было звонить соседу справа, так как у него постоянно до полуночи работал телевизор, и шансы случайно разбудить жильца были невелики. Так, набрав номер соседской квартиры, она стала ждать.

«Кого там принесло?», — хриплый мужской голос сердито вырвался из динамика.

Наташа от неожиданности вздрогнула и чуть было не ретировалась в ближайшие кусты, но взяла себя в руки и ответила: «Извините! Это ваша соседка Наталья из 54 квартиры. У меня магнит от ключа потерялся».

Дверь открылась. Наташа юркнула внутрь. Выйдя из лифта, девушка первым делом подбежала к подоконнику. Он был пуст — никаких следов её зелёного соседа. «Неужели забрали? — удивлённо выдохнула она. Внезапно на душе стало тоскливо.

На площадке дверь 53 квартиры приоткрылась, и косматая голова соседа просунулась в щель: «Я там это... не напугал хоть? Ты не серчай, если нагрубил. Не привык я к поздним гостям, — голова виновато улыбнулась. — Один живу». «Да всё в порядке! — заверила Наташа. — Я на днях новый ключ сделаю, не буду тревожить».

Закрывая за собой, Наташа недовольно зыркнула на дверь соседа. «Один живу», — передразнила она его низким голосом, но запнулась, встретившись глазами с отражением в зеркале.

Дома было тихо и темно. Наташа постояла в прихожей, прошла на кухню, быстро, не разбирая, засунула пакет с продуктами в холодильник и уже в комнате, одним движением скинув пальто, рухнула на диван.

На следующее утро Наташа не могла поверить своим глазам. На подъездном подоконнике снова стоял цветок. Но это был уже не Олег, а совершенно незнакомое зачухлое растение с крупными осунувшимися пыльными листьями. «Не может быть! — схватилась за голову девушка. — И что это получается — я ввела новую моду среди жильцов? Теперь все так и будут оставлять неуютные растения на этом подоконнике?» Покачав головой, Наташа ещё раз бросила взгляд на цветок. Прошептала: «Бедненький!» — и тут же замолчала. Ещё вчера она так же бездушно выставила за дверь Олега, а ведь тот был её полноценным соседом аж целых два с половиной года!

Отгоняя призывы совести, Наташа поплелась в сторону остановки. Долго хмурила брови, стоя под

козырьком, а потом, не успев войти в автобус, выскочила и ринулась обратно к дому.

Цветок всё ещё сиротливо крючился на подоконнике. «Ладно, пойдём!» — вздохнула Наташа. Она не понимала, зачем это делает и что именно ей руководит, но отнесла слишком тесный для растения пластиковый горшок домой, затем полила страдальца и протёрла листья от пыли тряпочкой с мягким ворсом.

Она уже знала, что опоздает на работу, что вечером кроме продуктов потащит домой новый горшок (обязательно керамический, чтобы «дышал»); знала, что придётся взять пачку грунта и удобрений. Но от мысли, что она это сделает, Наташе всё равно стало как-то спокойнее. Откинув со лба золотистую прядь волос, она произнесла уже более бодрым голосом: «Ну что ж, новый сосед, давай без имён. Просто чувствуй себя как дома».

С работы Наташа шла как всегда поздно. Провернув свой обычный ритуал с плиткой, она добралась до подъезда, так ни разу и не заступив за границы, и была чрезвычайно довольна собой. Не удержалась и отсчитала пять этажей, задрав голову. Немного расстроилась, увидев тёмное окно, но тут же подумала о том, что там на подоконнике стоит Безымянный.

Прошло всего три дня, а растение было не узнать. Зелёные листья дышали свежестью, переливались на свету и раскидисто возвышались над краем нового горшка. Наташа только диву давалась.

* * *

— Так, значит, вы тоже слышали сегодняшней удивительный прогноз погоды? — весёлый мужской голос прервал полёт мысли.

Наташа вздрогнула и рассеянно уставилась на парня, расположившегося на лавочке у подъезда. На вид он был примерно её возраста, может, чуть старше. Приятное лицо расплылось в улыбке, а во взгляде девушка уловила небольшой хитроватый прищур. Простая чёрная футболка, спортивные шорты, кроссовки и спортивная сумка с выглядывающим мячом говорили о том, что молодой человек только пришёл или ещё лишь собирался на вечернюю тренировку.

— В смысле? Какой ещё прогноз? — настороженно уточнила Наташа.

— Ну в смысле, что под ногами бурлит лава, — он сдерживался, как мог, но, увидев вытянувшееся Наташино лицо, невольно захихикал. В его смехе не было злобы, но Наташа почувствовала, что стремительно краснеет. «Мне придётся его убить!» — пронеслось в голове захваченной врасплох девушки.

— Кстати, если дадите мне свой номер телефона, обещаю не выкладывать на Youtube. И, кстати, имя у вас есть?

От такого подхода к знакомству девушка просто оторопела.

— Дешёвый шантаж! Это, во-первых. Во-вторых, лучше убери с дороги свою собаку.

На средней ступени подъездного крыльца, вытянувшись во всю длину, разлеглась немецкая овчарка. Наташа собак любила. Но только издалека. Вблизи они казались ей опасными и полными желаний неожиданно попробовать на вкус её ногу.

— Не прошло и минуты, а мы уже на ты! — Лавочка довольно потёр руки. — Ну тогда можно по этой же схеме проскочить все первые смс и телефонные разговоры, поскольку я их всё равно считаю подростковым пережитком. Так что, предлагаю сразу же начать со свидания и приглашаю завтра в театр. Это во-первых. А во-вторых, собака не моя.

— И как мне домой попасть? — игнорируя «во-первых», потребовала ответа Наташа, указывая пальцем в сторону двери.

Увидев палец, овчарка с готовностью села и облизнулась. Наташа инстинктивно согнула палец и осталась стоять в позе с вытянутым кулаком.

— Ты предпочитаешь серп или молот? — наклонив голову и поддерживая пальцами подбородок, спросил Лавочка. При этом он изо всех сил старался сохранить серьёзное выражение, но улыбка предательски растягивалась на лице.

— Предпочитаю поменьше тупых вопросов. И хоть какие-то действия!

Лавочка наклонился назад, быстрым движением сорвал с клумбы цветок календулы, так же быстро встал и вложил цветок в вытянутый Наташин кулак. Затем он подошёл к собаке, аккуратно взял за ошейник и оттянул за собой к скамье. Собака с готовностью подалась вперёд и заняла позицию у ног героя.

— Путь свободен! — объявил Лавочка. Говорил он немного напряжённо, чувствуя, что на этом их странный диалог скорее всего закончится и прекрасная незнакомка вот-вот исчезнет в сумерках подъезда.

Наташа молча поднялась по ступенькам и победно вытащила из сумки ключ, быстро приложила его к домофону и... ничего. Она отняла пластиковую форму от паза и внимательно осмотрела ключ, как будто видела его в первый раз. Магнита не было. Девушка растерянно заморгала.

— Опять?!

Лавочка с интересом наблюдал за сменой её эмоций.

— Подъездом ошиблись? Ничего это бывает. Давайте лучше познакомимся по-человечески.

Девушка ничего не ответила и даже не повернулась: не хотела, чтобы настойчивый собеседник увидел её смущение. Глянув на часы, набрала на панели «53». После непродолжительного сигнала в динамике послышался знакомый хриловатый голос: «Никак Наташа?» «Да, я! Простите, у меня опять...» Дверь открылась.

— Так, значит, Наташа? Очень приятно! А я...

— Мне неинтересно!

И прежде чем Лавочка вымолвил хоть слово, она скользнула в подъезд. В ушах стучало: «Ну почему? Почему я веду себя, как ребёнок?» Поднявшись к себе, Наташа не включая свет, подбежала к окну.

Он стоял внизу, напряжённо вглядываясь: было ощущение, что он старался охватить взглядом сразу все окна, выходящие во двор.

«Не дождёшься! — подумала Наташа. — Сегодня ты и так увидел слишком много». И она снова покраснела, представив, как он наблюдает за её вечерними перебежками по плитке.

В этот момент из подъезда вышел ещё один парень в спортивной форме.

— Джесси, ко мне! — скомандовал он овчарке. Та с готовностью вскочила. — Ты идёшь? — это уже Лавочке.

— Идите! Сейчас догоню.

«Долго придётся стоять», — с почти злорадной улыбкой Наташа резко отпрянула от подоконника и, не успев сделать шаг, услышала грохот. «Безымянный!» В порыве эмоций она нечаянно столкнула бедолагу на пол. Наташа молниеносно включила свет. Фух! Горшок цел, растение тоже выглядело неповреждённым, только небольшая горка земли высыпалась на пол. Облегчённо вздохнув, девушка аккуратно подняла цветок, вернула его на законное место и автоматически бросила взгляд в окно.

Лавочка стоял с довольным видом: закинув руки за голову, широко улыбался. Увидев в окне знакомую фигуру, он радостно замахал рукой. Наташа резко задёрнула шторы и, насупившись, отошла подальше от подоконника, снова выключила свет и тихонько прокралась обратно. Молодой человек всё ещё стоял там, только теперь мечтательно закрыв глаза. И улыбался. Широко. Как чеширский кот. Зубы ровные и белые, чёлка растрепалась и лежала немного набок, на щеках — задорные ямочки. Вся его поза была какой-то невероятно искренней, а выражение лица по-доброму задумчивым. Глядя на Лавочку, Наташа внезапно поняла, что и у неё на лице появилась широкая улыбка.

— Что это за прелесть у тебя на столе? — стоя в их общем кабинете, Сева рассматривал цветок в коричневом керамическом горшке.

— Это мой Безымянный. Решила, что если он будет жить в офисе, то ему не придётся умирать от жажды во время моих командировок. Ты ведь не дашь ему засохнуть?

— Звучит, как рекламный слоган! Ты же не поливаешь его газировочкой, а?

— Ну, конечно нет! — Наташа засмеялась. — Кстати, я тут подумала, что и о твоей жажде пора позаботиться. И она заговорщически подмигнула коллеге.

— Что? Ты разрешаешь пить мне свой кофе?! Не верю собственным ушам!

— Нет, мой кофе даже трогать забудь! — Наташа нарочно сделала сердитое лицо, а потом снова добродушно рассмеялась. — На вот. Теперь у тебя будет свой собственный.

Движением, напоминающим фокус с извлечением зайца из шляпы, она достала из сумки банку кофе и протянула Севе.

— Вуа-ля!

— Оноооо! — радостно завопил он, завидев яркую крышку.

— Не оно, а он! — Наташа поучительно подняла указательный палец.

— Ну, Наташа, ну удружила! — в глазах Севы читалась искренняя благодарность. — А давай-ка чайник поставим?! Мне Галя кексов напекла. Я угощаю!

Перерыв на перекус получился весёлым, а кексы оказались действительно вкусными. Наташа даже подумала, что стоит попросить у Севиной жены рецепт. И вообще уже начать готовить и тоже приносить обеды с собой, а не питаться сухомяткой в буфете. Но больше всего ей захотелось непременно собрать ланч-бокс с настоящим вкусным обедом для Него. Первое, второе и вкусные кексы на десерт. А может ещё какую-нибудь смешную записку?

Вспомнив о Нём, Наташа мечтательно прикрыла глаза и в блаженном мареве снова прокрутила в голове первое свидание, и второе, и третье... И последние пару месяцев, которые пульсировали в груди влюбленностью и неожиданным счастьем.

— Сееев, — протянула Наташа, не открывая глаза. — А ты бы мог высчитать номер квартиры по окну?

— Ну современные дома отличаются такими оригинальными, — тут он сделал движения указательными и средними пальцами, означающие ка-вычки, — планировками, что мне понадобилось бы...

ну не знаю... аж целых три или даже четыре минуты. А что?

— Да так, — Наташа наконец-то открыла глаза и скользнула ими по солнечному офису.

— Это про тот случай, когда ты нашла в почтовом ящике билеты в театр?

— Откуда ты знаешь?

— Ты же соседнему отделу раза четыре пересказывала. Меня, кстати, во всей этой ситуации удивило то, что ты вообще пошла. Ты же вся из себя такая *forever alone**.

— Ха! Подловил. Ну, если честно, там была очень хитрая система. Два билета и записка: «Встретимся в фойе в 18:30. Мой билет тоже у тебя. Не пойдёшь ты, не смогу и я, а я давно мечтал попасть на этот спектакль». Не могла же я так нехорошо поступить с человеком, который, можно сказать, спас меня от собаки, — защитила свою позицию девушка.

— Групповая ответственность, — приснул Сева. — Подловил на твоём любимом командном духе, — он снова сделал кавычки пальцами на слове «любимом». — Ну и как спектакль, действительно хорош?

— А я даже название не запомнила, — виновато улыбнулась Наташа. — Мы весь спектакль проболта-

* *Forever alone* — вечное одиночество.

ли, даже на галёрку пересесть пришлось, чтобы во-круг не шикали.

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

— Наталья, я по поводу вашего женского счастья, вы как: размножаться не планируете?

Наташа и Сева оба оторопело уставились на начальника.

— Андрей Владимирович, да как вам не стыдно?! — изо всех сил пытаюсь перебороть неистовое возмущение, подала наконец-то голос девушка. — Моя личная жизнь — моё личное дело, а эти сплетни по офису — они... они просто возмутительны! Да, встретила человека! Да, влюбилась! Но что сразу так переживать-то?! Если я в декрет и соберусь, то вы первый об этом узнаете. И лично от меня!

Почувствовав, что всё-таки перешла на крик, Наташа осеклась. Андрей Владимирович долго молча смотрел на раскрасневшуюся подчиненную, пытающуюся не терять визуального контакта с собеседником и одновременно сдуть падающую на глаза непослушную прядь. Потом его удивление сменилось широкой улыбкой. Шеф крикнул и парировал:

— Я, Наташенька, про цветок ваш вообще-то говорил. Спатифиллум. В простонародье «женским счастьем» называется. У нас с женой был, да дочка выпросила в надежде суженого своего обрести ско-

рее, — тут Андрей Владимирович многозначительно закатил глаза. — Приметы. В общем, она его к себе в Москву увезла, а мы привыкли уже к нему: в уходе прост да и цветёт красиво. Как раз ищем, у кого отсадить можно росточек. Я чего и спрашиваю, значит...

К концу этой объяснительной речи Наташа сидела, прижимая к лицу носовой платок, чтобы хоть как-то скрыть густой пунцовый цвет, разлившийся по щекам. Сева (как бы случайно) скинул локтем ручку со стола, и вот уже минуту из-под столешницы раздавались какие-то сдавленные всхлипы.

— Вот так Безымянный! — наконец-то обрела дар речи Наташа. — Простите, Андрей Владимирович! Мне очень неловко. Я всё хотела поискать, что за цветок, да забывала. Конечно, я с вами поделюсь! — и она снова уткнулась в платок, слыша новую порцию Севиных подстольных сотрясений и тоже с трудом сдерживая смех.

— Ну ладно! — удовлетворился ответом начальник. Слегка помедлив у двери, он ещё раз повернулся к Наташе. — А примета-то работает!

— Ну Андрей Владимирович!

— А что? Мы вот в выходные в Москву к дочке летим. На свадьбу, между прочим! — и он заговорщически подмигнул.

Сева наконец-то вылез из-под стола и, отдуваясь, тоже подмигнул Наташе.

— Выгодная покупка.

— Не покупка, а находка!

— Её ценности это не уменьшает, — Сева многозначительно поднял вверх указательный палец и, помолчав, добавил: — Ладно, будем поливать и заботиться в лучшем виде, раз уж такое дело!

Наташа уже не слушала, а задумчиво гладила зелёный лист, слегка улыбаясь.

— Так как говоришь его зовут-то?

— Кого? — рассеянно уточнила Наташа.

— Ну счастье твое женское... Кого ж ещё?

— Ааа! — всё так же задумчиво протянула девушка, витая в облаках. И, глядя в сторону керамического горшка, тихонько произнесла: — Александр.

Антон Комаров

Три капли

(Из анамнеза карты стационарного больного №...)

Раз, два, три... Раз, два, три... Светло-жёлтая жидкость медленно стекала в колбе капельницы и по змеящейся трубке уходила в его тело. Власов смотрел отрешённо, а в его голове тупо стучал не подчиняющийся его воле и считающий капли счётчик: раз, два, три... раз, два, три... Счёт автоматически обрывался на третьей капле и начинался сначала: раз, два, три. Три капли. Всего три капли...

— Да всего по три капли! — орал Димон, снова разливая водку по пластмассовым стаканчикам. — И закусон классный! Смотри: рыбка копчёная, полкурицы ещё!

— Времени уже много, — отбрыкивался Власов. — На завтра бы надо почитать ещё конспект по философии. И потом, ты-то тут — в общежитии у себя — останешься, а мне ещё полчаса перетереться по морозу до моей съёмной хаты.

— Ну и нормально! Сам говоришь, что мороз. Сейчас по три капли примем, на душе потеплеет — и никакой мороз не страшен!

— Димон, да мы же почти два флакона усидели! Хватит уже под завяз.

— Нудный ты человек, Власов! Три капли погоды не сделают, они только в плюс.

— Ну, ладно, давай! Но только по три капли...

Приём «трёх капель» закончился шумным походом по комнатам общаги в поисках нового флакона. Как они ломались в комнату к девчонкам на третьем этаже и вахтёрша вместе с двумя старшекурсниками выволакивали его на улицу, Власов помнил уже смутно.

Качаясь, в расстёгнутой куртке, он шёл по улице. Закуривая заметил, что руки его плохо слушаются и сообразил, что забыл перчатки в общаге.

— Ну и чёрт с ними! Потом заберу, никуда не денутся. А Димон-то прав — на улице не так уж и холодно.

На пустой остановке Власов решил слегка отдохнуть и спокойно покурить.

— Вот сейчас перекурю и до хаты уже недалеко, — пробормотал он, плюхаясь на скамейку, занесённую снегом. Улица поехала влево, и Власов понял, что заваливается набок.

— Вот блин! — ему вдруг стало очень весело. — Третья-то капля лишней оказалась! Аж набок валит! Ну ничё! Сейчас встану и дальше покандыбарю. И снег-то какой тёплый — руки уже не мёрзнут.

Раз, два, три... Раз, два, три... В голове тупо стучал счётчик.

Власов оторвал взгляд от капельницы и медленно перевёл его на край серого больничного одеяла, торчащий из боковой прорези плохо проглаженного пододеяльника. Под одеялом его руки с жутко ноющими, словно отходящими от мороза, кончиками пальцев. Он пошевелил пальцами, и боль разлилась по рукам, поднимаясь до плеч.

Власов вытащил свои перебинтованные руки, кисти которых были ампутированы, из-под одеяла и вспомнил, как это называется: «Фантомные боли».

Во флаконе на штативе капельницы закончилась светло-жёлтая жидкость с режущим названием «Гемодез», и последняя капля зависла, словно не решаясь упасть.

— Третья капля последняя. Всего три капли... Каких-то три капли! — вертелось в голове Власова, а по щекам текли слёзы, которые было нечем утереть.

Алексей Крутов

Баюшки-баю

В старой таверне, стоявшей на отшибе крохотной деревни, завсегда и в очередной раз коротали тёмную холодную ночь за горячим пряным вином или бренди. Собравшись у камина в дальнем конце общей залы, они грели руки о пузатые бока кружек и негромко вели беседы. Огонь только что получил увесистое полено и с радостью накинулся на угощение, щедро одаривая собравшихся вокруг него людей теплом и светом.

В углу, куда свет едва проникал, сидела троица. Два рослых светловолосых парня — с виду братья-погодки — подливали вино старому деду, внимательно его слушая.

— Да, я уже старик. И бок у меня, в хмаристые дни ноет и не даёт покоя. Всё эти чёртовы шрамы! — Дед перестал щериться пеньками гнилых зубов и приложился к кружке. — Как я их получил? Хе-хе... Как и всё, что делается на этой земле, — по глупости. Помнится, было мне лет пять или около того. Проснувшись посреди ночи, я таращился во тьму, пытаюсь понять, что же меня разбудило. Помните ту поговорку? Что значит всматриваться в бездну? Твой

брат что, идиот? Про детей и постель. А, неважно. Позже я понял, что поговорки не для красивых слов придуманы. А тогда мне было всего пять. М-да! И когда перед моим лицом полыхнули два янтарных глаза... Что? Ну, конечно, испугался — чуть в постель не напрудил и забыл, как говорить. Какое там кричать... Ты бы точно в штаны наложил. — Покосившись на улыбнувшегося собеседника, старик придвинул к нему щербатую кружку: — Подлей-ка лучше.

Дождавшись, когда вино коснулось краев, рассказчик благодарно кивнул и продолжил:

— Так вот. Я чувствовал что тот, кто смотрит на меня из темноты, очень и очень опасен. Почему? А как ты думаешь? Смотришь ты в тёмный угол, смотришь, а оттуда тьма расползается по твоей комнате, словно чёртов туман. И в ней ничего не разглядеть, только два адских янтарных огня, неотрывно следящих за тобой. И запах, такой странный, и такой... такой приятный... Пахло вспаханной землей, утренним лесом и сладким тленом. Жутко было. Только тьма, глаза и запах. Я боялся идти спать. А? Рассказать кому-то? Ха-ха-ха! И кто поверит мальчишке, лепечущему про зверя в комнате? Ты в своём уме? В общем, так продолжалось несколько дней. А потом... Потом он заговорил. Помнишь, что запах был странный? Забудь. Если бы ты только услышал его

голос, приятель! Тихонько он позвякивал у меня в голове, и я не мог от него укрыться. Нет, мне никто не приказывал убивать или делать плохие вещи. Он... хм, он обещал показать мне невероятный, дивный мир. И если мне там понравится, то я смогу остаться. Навсегда. Вот тогда я всё и рассказал.

Родители позвали лекаря, и этот человек... Знаешь что он сделал? Никогда не угадаешь! Дал мне порошки, вызывающие сны! Я смертельно боялся уснуть с приходом ночи, а меня силком пичкали этой дрянью! И я целиком был во власти чудовища, не мог от него никуда убежать.

Старик замолк, судорожно заходил кадык, проталкивая разогретое вино со специями. Дед ни на секунду не выпускал ручку кружки, время от времени перехватывая и крепко сжимая её в кулаке. Казалось, что он словно тонущий, ухвативший-таки протянутый шест. Парни переглянулись и подозвали подавальщицу. Вино в кувшине вновь закончилось, да и заесть такое количество выпитого не помешало бы.

— Каждую ночь продолжались уговоры, мне нужно было только согласиться. Просто сказать: «Да». Но я был слишком напуган. И тогда этот сукин сын на одно мгновение показал мне всё, о чём талдычил в этих чёрных ночах, наполненных бесконечным ужа-

сом. Одно мгновение... Но мне хватило и этого! Чёртово семя, много ли надо пацану пяти лет? Конечно, я согласился! Да, его мир был прекрасен, но я прежде всего увидел выход и избавление от бесконечных уговоров. Я хотел, чтобы он, наконец, оставил меня в покое! Потрясённый простотой решения и красотой неведомого мне мира, я едва слышно согласился. Янтарные глаза полыхнули, сама ночь стянулась в угол, стала плотней. Передо мной сидел огромный волк, сотканный из языков тьмы. Он скалил чудовищную пасть, капая слюной на пол. Вместо обещанных красот этот ублюдок впился в мой бок!

На улице уже брезжил мертвенный рассвет, когда старик, наконец, выдохся и в забытьи упал лицом на стол.

Его собеседники вышли из таверны, надевая шапки и запахиваясь в длинные полушубки, подбитые мехом. На груди у каждого тускло поблескивал вытертый серебряный жетон Охотников* — описанный кругом крест.

— Что скажешь, Якоб? — младший из братьев выводил своего коня из конюшни. — По мне — так пьяные бредни.

* Охотники за нечистой силой.

— Похоже, — старший уже был в седле и нетерпеливо ждал. — Но проверить стоит. Вдруг это Гончая?! Знаешь, Руне, сколько мы за неё в Бергштадте выручим? Всё равно его халупа рядом.

— Вечно ты за деньгами гонишься! Отоспались бы сперва. К тому же, если там Гончая, то, как тогда пацан, то есть дед, вырвался? — недовольно буркнул Руне, запрыгивая в седло. Видя, что на брата эти слова не возымели никакого действия, он тронул поводья.

Натянув на лица шарфы, братья двинулись прочь от деревушки, постепенно приближаясь к черневшему у подножия Непокорной, стылому лесу.

Старый Лейф Пульсенн уже несколько десятилетий пил только с одной целью — погрузиться на дно беспамятства. Так глубоко, что даже робкие проблески мыслей терялись в хмельной тьме, не говоря уж про сны. И чем выше была крепость выпитого, тем глубже и надёжнее он был сокрыт от адского создания и его бесконечных соблазнов. Одного раза хватило за глаза.

Вот и сейчас Лейф блаженно пускал слюни на усыпанный крошками липкий стол. Хозяин таверны его не выгонял только потому, что жуткая история неизменно помогала перекочевать паре лишних медяков из карманов проезжего люда в кассу заведения.

Внезапно стол вырвался из-под щеки и пропал где-то внизу. Вместо такого знакомого и тёплого дерева перед глазами Лейфа стоял рослый детина и что-то ему кричал, остервенело тряся старика за грудки. Старик с трудом узнал старшего из давешних блондинов. Точно имя он не помнил, но вроде бы Якоб. В серых глазах плескались ненависть и немного страха. Старый Лейф не знал, что делать, и просто улыбнулся, надеясь умерить пыл нападавшего. Не помогло. Вместо того, чтобы вернуться за стол и выпить мировую, Якоб два раза ударил старика в лицо. Коротко, без замаха, но от этого не менее сильно и зло. Что-то хрустнуло, и рот Лейфа заполнился солёным крошевом. Хозяин таверны бросился было на выручку, но, наткнувшись на взгляд Якоба, поднял вверх руки вперёд ладонями и вернулся за прилавок. В бешенстве Якоб выволок скулящего и харкающего кровью старика из таверны на холод и закинул поперёк взмыленной лошади.

— Ты с ней договорился, чёртово семя! — нахлестывая коня, Якоб торопился вернуться к брату. — А сам умудрился вырваться, заперев её в доме! Столько лет ненависти и голода! Когда мы с ней покончим, ты сильно пожалеешь, отребье!

Лейф не мог пошевелиться от страха. Он понял, куда его везёт этот сумасшедший. В голове билось

только одно: «Простите! Простите!». Старик пытался выдавить из себя это простое слово, но всё чего смог добиться — лишь жалкий скулёж и кровавые пузыри. Голова его безвольно билась о плечо лошади, роня алые капли в белый снег на лесной тропе.

Вот из-за поворота выступила скособооченная хижина, стоявшая на расчищенном участке леса. Из-за неплотно прикрытых ставней проглядывались частые голубоватые всполохи.

— Руне! Ты как?! — Якоб спрыгнул с коня, и сбросил пленника в небольшой сугроб. Рыхлый снег взметнулся по сторонам.

— Держусь! Никак не могу её из угла выгнать! — приглушённо откликнулся из дома брат. — Быстрее давай!

Внезапно всполохи потонули в разросшейся тьме. Входная дверь слетела с петель и ударила Якоба, отбросив его к вздыбившемуся коню. С трудом встав и схватившись за ломившую грудь, Охотник заковылял в дом.

Войдя внутрь, он увидел угол, окутанный клочущей тьмой, и валявшийся на полу электрощуп. Руне не было.

— Как глупо было довериться неопытному братику! — тихонько звякнуло в голове. — Зачем ты бросил его одного, Якоб?

У Охотника подкосились ноги, и он гулко упал на колени. Чувство одиночества затопило его, превратив в снежинку, падающую с тёмного неба на грязную дорогу. В груди заломило совсем нестерпимо, выжимая из глаз слёзы.

В тёмном углу полыхнуло янтарём, и два глаза уставились на сжавшегося на полу человека.

— Спасибо за угощение! — глаза медленно моргнули. — Этого было мало, конечно, но...

— Чтоб ты подавился, ублюдок! — зло процедил Якоб. Горечь потери довольно быстро перетекла в ярость. Продолжая сжимать ноющую грудь одной рукой, второй Якоб шарил вокруг в поисках электрощупа.

Сгусток тьмы метнулся к Якобу и повалил на спину, в многострадальную грудь упёрлись и намертво прижали к полу чёрные лапы. Помятый жетон зашипел и серебристыми струйками стёк на пол. Широко раскрытая пасть остановилась в паре дюймов от лица.

— Стой, подожди! — Якоб видел, как в глубине огромной пасти ворочалась и клубилась первородная тьма. — Сделка! Я предлагаю сделку!

— Хм, только из любопытства, что ты можешь мне предложить? — пасть захлопнулась, обдав жертву запахами прелой земли, хвои и тлена. Зубы хищно клацнули, лапы нетерпеливо переступили, вызвав новую волну боли в груди. — И что попросишь взамен?

Побледневший Якоб, пошатываясь, вышел из злополучного дома. Скупое зимнее солнце словно стремилось выжечь потерявшие цвет глаза. Лошади в страхе разбежались. Искать их было бесполезно — проще будет купить новых в деревне. «Новую... Проще купить новую лошадь», — мрачно поправил он себя.

Подойдя к разворошенному сугробу, Якоб смотрел, как почти протрезвевший пьяница лежал, тихо плача и размазывая кровь со слезами по лицу. Ухватив его за ногу, охотник молча потащил вопящего, сдирающего пальцы о жёсткий снег старика в дом.

Четвёртый

В некогда тихом Беловагае на центральной площади уже которую неделю не стихают митинги: народ худо-бедно объединился перед общей угрозой. После того как стали известны истинные причины заражения того бедняги, люди перестали грызть друг друга и начали требовать снять карантин и вновь открыть город.

Администрация заперлась у себя, чиновники упорно делали вид, что всё идёт по плану.

Люди на площади намалевали лозунги на наспех сооружённых транспарантах, разбили палаточный городок, приволокли потрёпанную полевую кухню.

Назначили дежурных, кашеваров — всё цивилизованно и в рамках приличий.

Силовики выставили оцепление, большую часть времени скучавшее, сонно и понуро глядевшее на митингующих.

День выдался погожий, и Коля решил пройтись до площади. Бросив плотно закрытый термос с чаем и пару бутербродов в рюкзак, он вышел из дома. Немного побродив по дворам, вышел на Комсомольскую. Неспешно двигаясь по центральной улице, парень поглядывал на своё отражение в ещё целых витринах. Телефон в его кармане выдал простенькую трель.

— Привет, солнце! Ты сегодня тоже идёшь? У Ленина? Хорошо, тогда там встретимся!

Ткнув в клавишу «отбой», Коля сунул телефон обратно в карман. Посмотрев на часы, он прикинул, что ещё успеет по пути зайти в магазин.

Обшарпанная бетонная коробка с исписанными стенами в заброшенной складской части дока. Старая металлическая дверь с тёмной, облупившейся краской и бурыми пятнами ржавчины. Всё это служило лучшим прикрытием для компактного лабораторного блока. Прямо за внушительной пневмодверью, умело замаскированной под листовую сталь,

выстроились в ряд тёмные, угловатые фигуры, подключённые толстыми кабелями к вмурованным в бетонный пол накопителям. В темноте помещения вспыхнули зелёные светодиоды.

— Питание?

— Есть питание! Семёрка в резерве. Шесть единиц — под завязку.

— Добро. Связь?

— Сигнал устойчивый, помех нет. Картинка чёткая.

— Что с благодетелем?

— Сидит на «выделёнке». Прав нет, только просмотр.

— Боезапас?

— Сто процентов!

— Хорошо, — начальник отдела, доктор Завьялов, кивнул. Слаженные действия его команды, отточенные целым годом тренировок, приносили плоды. — Внимание! Даю команду на отключение блокировки. На счёт... Три... Два... Один. Блокировка снята! Старт программы.

С тихим шипением кабели втянулись в накопители. Шесть пар усовершенствованных визоров озарили блок алым огнём.

Глубоко под землёй сотрудники научного отдела экспериментальной кибернетики и биоинженерии

почувствовали, как створки пневмодвери ударились о блокиратор в стене.

— Дверь открыта!

— Калибровка.

— Есть калибровка! — Визоры зажужжали, ловя фокус на ярком свете, мембраны резко сузились, прикрывая чувствительные датчики.

— Маршрут.

— Построение маршрута. Передача данных. Подтверждение принято!

— Ну, с богом!

Сквозь плотно закрытые пластиковые окна пробивался гомон толпы, время от времени раздавались речёвки и нестройные выкрики.

— Семён! Ну что там опять? — тучный мужчина раздражённо стянул с глаз влажное белоснежное полотенце. Потёртое кожаное кресло под ним обиженно скрипнуло.

— Снова требуют открыть город, Геворг Ванесович, — подтянутый заместитель поднёс начальнику стакан воды с двумя шипящими таблетками.

— Да когда они угомонятся-то, наконец?!

Жадно выпив «шипучку», глава администрации Беловагая тяжело встал с кресла. Подхватив пиджак

со стола и накинув его на плечи, он, чуть пошатываясь, направился к выходу. Уже в дверях в раскалывающейся от боли голове с трудом провернулись мысли о работе, заставив грузное тело слегка повернуться.

— Есть что на подпись?

— Ничего важного, Геворг Ванесович, — Семён махнул рукой: — Отдыхайте!

— Вот что, я к «Советам», если что...

— Вы на совещании с потенциальными инвесторами, — Семён кивнул. — Только что отбыли. Машина уже у чёрного входа.

— А толку... Всё равно по главной объезжать... — Геворг Ванесович буравил хмурым взглядом своего зама, пытаясь найти хоть тень осуждения. На лице Семёна читалась только деловитая сдержанность. — Молодец! Хвалю за предусмотрительность! Всё, я ушёл.

— Время прибытия? — доктор Завьялов бросил взгляд на монитор.

— Пять минут. Точно по графику.

— Катя, начинайте! Сценарий номер три. Давайте-ка пошевелим их!

Старший научный сотрудник Екатерина Старцева холодно кивнула и набрала на клавиатуре команду.

В центре площади на постаменте стоял памятник Ленину. Хмурый взгляд в светлое будущее, тяжёлое пальто и кепка, сжатая в опущенной руке. Общее впечатление портила ещё не стаявшая кучка снега на непокрытой голове.

Метрах в тридцати — неприметный в смазанной людской массе — скособоченный мужичок в потёртом тулупе достал старый раскладной телефон. Прочитав сообщение, он незаметно разломил аппарат, и, бросив под ноги бесполезный уже хлам, стал стремительно продвигаться сквозь толпу митингующих.

Стоя спиной к зданию администрации, Коля скинул рюкзак, примостил его на постаменте рядом с Сашкиным пакетом и достал термос. Саша с аппетитом ела бутерброд и смотрела, как тёмная ароматная жидкость, паря на прохладном воздухе, наполняла крышку.

— Как у тебя получается такой обалденный чай? — Саша переложила бутерброд из одной руки в другую и взяла протянутую ей крышку термоса. Аккуратно отпив обжигающий напиток, девушка зажмурилась от удовольствия. — То же самое кладу, столько же. Даже в той же очереди. А всё равно у тебя лучше.

— Просто люблю чай, — пожав плечами, Коля выудил из её пакета аккуратный пирожок. — Зато, у тебя вкусные пирожки, и выглядят, словно из сказки! С яйцом?!

Саша кивнула. Коля разом откусил почти половину и заработал челюстями, урча, словно довольный кот. Девушка уже доела бутерброд и теперь, улыбаясь, грела руки о крышку с чаем, время от времени вдыхая ароматный пар.

Грубый толчок в плечо чуть не опрокинул Сашу на грязный асфальт. Коля, бросив недоеденный пирожок, едва успел подхватить подругу. Убедившись, что с девушкой всё в порядке, он усадил её на выступ постамента, развернулся и сделал пару шагов вперёд.

— Э, широкий такой? — крикнул парень в удаляющуюся перекошенную спину. Не дождавшись ответа, Коля махнул рукой и вернулся к Саше.

— Ты как? — он присел на корточки и заглянул в обиженное лицо девушки. — Сильно досталось?

— Всё нормально. Чай пролил, баран! — Саша перевернула всё ещё зажатую в руке крышку вверх дном. Пара капель сиротливо сорвалась с края. — Да ещё и на тебя попало!

— Где? — Коля бегло осмотрел свою одежду. Заметив тёмные пятна на рукаве куртки и капающий

с кисти чай, он встряхнул рукой и улыбнулся. — Ну... Ладно хоть не сладкий сделал.

Неприметный мужичок доковылял до проезжей части, остановился у ограждения и распахнул тулуп. Из висевшего через плечо подсумка торчали горлышки трёх бутылок, заткнутые тряпицами. Внутри ёмкостей тягуче колыхалась маслянистая жидкость.

Массивный чёрный внедорожник, блестя хромом, плавно выезжал из-за здания администрации. На фоне облупившейся штукатурки блёклого жёлтого цвета он казался вызывающе роскошным. Водитель внедорожника боковым зрением заметил резкое движение справа. Вяло повернув голову, он увидел жёлтый росчерк, и автомобиль охватил огненный ад.

Сашку оттирали запаниковавшие люди. Она с такой силой вцепилась в Колину куртку, что пришитый фальшпогон, треща, оторвался «с мясом». Отчаянный вскрик девушки быстро потонул в гомоне и криках на площади.

Ополоумевший мужик, закончив с «зажигалками», выхватил из-за пояса пистолет и принялся методично отстреливать офицеров в оцеплении, умело используя бегущих по площади как прикрытие.

Коля бешено заработал локтями и коленями, пробиваясь сквозь толпу. У него получилось ухватить Сашу за лацкан серого пальтишка и притянуть к себе. Вместе они с трудом протиснулись обратно к памятнику. Коля вновь усадил Сашу. Нагнулся, подхватил кусок арматуры, брошенный кем-то. Озираясь по сторонам, он сел перед девушкой, стараясь прикрыть её от людского потока.

С двух сторон площади, почти одновременно, по бегущим людям хлестнули пули. Крупнокалиберные пулемёты с водяным охлаждением отрывисто лаяли, изрыгая скупые очереди, без разбора косившие как ни в чём не повинных гражданских, так и растерянную полицию.

Тяжело бронированная пехота достигла пункта назначения и приступила к зачистке.

Пехотинец, с цифрой «4» на правом плече, старательно выведенной белой краской через трафарет, медленно обходил площадь по периметру в поисках оставшихся в живых.

За постаментом памятника обнаружили две цели: парень крепко держал в руке арматуру и прикрывал собой сжавшуюся в ужасе девушку. Подле них лежали истоптанный ранец и пакет, растерзанный

толпой в суматохе. На заляпанном кровью и грязью асфальте выделялись светлыми лодочками пирожки.

Сфокусировавшись на этой детали, Четвёртый застыл. В рваных остатках сознания взорвались воспоминания. Внезапно, его ладони стали горячими. Тяжёлый пулемёт выпал из закованных в броню рук. Пехотинец смотрел в землю, сжимая и разжимая кулаки, вспоминая, как мальцом он перекидывал свежее бабушкино печево из руки в руку, греясь добрым жаром. Как, наконец, пристроив румяным жгучим боком пирожок в ладони, почти ритуально разламывал его. А лакомство, словно бы выдыхало с облегчением, исходя благодарным ароматным паром. И румяный бок нехотя рвался, оголяя сочное нутро...

— Что с четвёркой? — доктор Завьялов смотрел на монитор. Показатели бешено скакали. — Почему он прекратил выполнение приказа? Сбой в системе наведения?

— Выясняю... — ведущий инженер вбил команду опроса состояния и самодиагностики. — Команды не проходят. Связь в порядке. Похоже на внутренний блок.

— Что?! — начальник отдела встрепенулся. — Данные мне на экран! Живо!

Четвёртый обвёл площадь мёртвым взглядом красных визоров. Под маской из усиленного кевлара и

титанового щитка, закреплённого на лицевых костях винтами, бушевал ураган чувств. Киборг видел перед собой бессмысленную бойню. Ещё пять машин смерти продолжали собирать свой урожай. На границе сознания противным зуммером верещал чужой приказ, но Четвёртый не обращал на него внимания. Всё его сознание поглотил один вопрос: «Что здесь происходит?».

Короткая очередь наискось перечеркнула асфальт у памятника, выбив крупную крошку из поста-мента. Парень выронил арматуру и, шипя, схватился за простреленную руку.

— Коля! — Саша с трудом оттащила друга под ненадёжное теперь прикры-тие камня.

Над ними нависла груда брони, полыхая алыми кругами визоров. На правом плече всё той же белой краской выведена «2».

Решив не тратить патроны, Второй коротко замахнулся и ударил дулом пулемёта. Четвёртый с лязгом ухватил оружие за ствол и с силой задрал его вверх. Второй, не ожидавший такого развития событий, молча уставился на напарника.

— Гражданские! Да тут одни гражданские! Что ты творишь? — кричал Четвёртый, но вместо слов была лишь тишина, за которой пришла резкая боль в горле. В ярости он с силой ударил Второго в грудь, заставив того с грохотом отойти на пару шагов.

— Чей это ублюдок?! — доктор Завьялов зло смотрел на ведущего инженера. — Не дай бог он за порет демонстрацию проекта! Из какой мертвецкой доставили?

— Это наш единственный доброволец, Иван Николаевич... — ведущий инженер быстро бледнел. — Колецкий Вадим Андреевич. Майор. Ветеран двух войн, отлич...

Невнятный лепет сотрудника прервал сигнал тревоги. Давление и температура тела у четвёртой единицы достигли критической отметки.

— Отбегался! — начальник отдела облегчённо рухнул в кресло. — Сбросники не включать! Поджарим тебе мозги, приятель.

Четвёртый скрёб пальцами нестерпимо болевшее горло. Стало так жарко, что голова закружилась и в глазах потемнело. Почти теряя сознание, Вадим зацепил сбросный клапан системы охлаждения под подбородком. Тугая струя пара, шипя и плюясь конденсатом, вырвалась на волю. Сразу стало легче, жар спал, резь в горле почти сошла на нет.

Второй уже развернулся, оставив раненого парня и девушку на попечение Четвёртого, и короткими очередями пытался достать остатки полицейского оцепления, засевшего за почти выгоревшим внедорожником.

Остальные пехотинцы тоже заканчивали обход и не спеша стягивались к останкам автомобиля.

— А ты догадлив! — доктор Завьялов зло прищурился: — Спустить на него всех собак!

За спиной металл заскрежетал по асфальту. Вадим оглянулся. Парень здоровой рукой подтянул арматуру и снова закрыл собой девушку. На левой руке у него был намотан цветной девичий шарфик, медленно пропитывавшийся кровью. Девушка, испуганно выглядывала из-за его плеча. Вдруг она отвернулась, пряча лицо, и сжалась, стараясь стать незаметной.

Загрохотали пулемёты. Вадиму в спину ударили тяжёлые пули, бросив его на колени. Бледное лицо парня было всего в десятке сантиметров от жуткой молчаливой маски Вадима. Красные визоры смотрели прямо в глаза Коли. В них читалась звериная ненависть и отчаянная решимость обречённого. Вадим отрывисто дёрнул головой в сторону. Коля кивнул и, подталкивая Сашу вперёд, быстро заполз за постамент. Под его прикрытием они рванули в сторону спальных кварталов.

Толстая броня на спине, прикрывавшая боекомплект, вот-вот должна была треснуть под слаженным натиском пяти пулемётов. Вадим резко развернулся и, прикрыв предплечьем голову, бросился к своему оружию.

— Потери, Иван Николаевич. — Катя сухо доложила начальнику ситуацию.

— Кто?

— Тройка, пятёрка на очереди — показатели почти на нуле.

— Один против пятерых, и они не справляются?! Вы понимаете, чем это грозит проекту?

— Пятый уже готов.

— Выпускай семёрку! — доктор Завьялов в бешенстве развернулся к своему старшему сотруднику.

— Но... у него всего одна обойма! Тестовая!

— Выпускай, мать твою! — начальник вскочил и, оттолкнув опешившего инженера, яростно застучал по клавиатуре. Сухие узловатые пальцы бегали по клавишам, словно голодные пауки в поисках жертвы. Набив команды, он сел в кресло оператора и надел синхрошлем: — Катя, подключайся в пару! На тебе координация. Остальные — брысь отсюда!

Из бетонной коробки, развалив правую стену, вышел бронированный пехотинец. Сквозь оседавшую пыль виднелся его гротескный силуэт. В отличие от предыдущих экземпляров, Седьмой был более совершенным и массивным. Экспериментальная модель с интегрированным вооружением, форсированной системой кровообращения и увеличенными мышцами. В покато́м плоском шлеме — две пары визоров,

усиленная система теплоотвода, фильтрации и подачи воздуха. В правом предплечье — мобильная автоматическая пушка и широкая полоса заточенной стали, намертво впаянная в броню. Левое предплечье заканчивалось трёхпалым манипулятором.

Получив координаты цели и проложив маршрут, Седьмой, минуя главные улицы, двинулся в направлении центра города, быстро набирая скорость.

Вадим вновь саданул прикладом по шлему. Патроны давно закончились как у него, так и у остальных пехотинцев. Второй заторможенно пытался сбросить сошедшего с ума напарника, пропуская удар за ударом. Правая половина маски была смята и после очередного удара слетела, обнажив бело-снежную кость скулы. Собравшись с силами, Вадим обрушил измочаленный приклад на голову противника. Шлем, привинченный к костям, треснул по шву, расколов череп надвое, словно орех. И без того вялая хватка Второго ослабла, его руки разжались и опали.

— Последний... — подумал Вадим и тяжело сел рядом с трупом на изрытый асфальт. Его броня была порядком потрёпана, местами пробита, из волокон искусственных мускулов вперемешку с кровью медленно текла белёсая питательная жидкость.

Три взрыва — один за одним — рванули, окончательно лишив Вадима брони на правом плече. Из-за домов на площадь выскочил новый пехотинец, на ходу стреляя из пушки. На броне была нанесена цифра «7». Расстреляв боезапас, Седьмой пошёл на сближение.

Вадим с трудом развернулся навстречу новому противнику. Повреждения были обширные, но не смертельные. Система жизнеобеспечения выдала последнюю порцию стимуляторов и вырубилась. Болевой шок быстро прошёл, но секунды задержки дали преимущество Седьмому. Он тут же начал теснить Вадима сериями молниеносных ударов, а тот только успевал прикрывать лишённое брони плечо и уворачиваться от мелькавшего в опасной близости от головы лезвия.

— Да что там опять! — начальник отдела в бешенстве попал в кнопку вызова на очках только со второго раза. — Слушаю! Да. Как остановить? Вы там совсем охренели?! Он мне устроил сущую бойню! — доктор Завьялов был сосредоточен на борьбе с Четвёртым и не сразу понял, кто с ним разговаривает. Услышав стальные нотки в наушниках, он моментально пришёл в себя. — Приношу свои извинен-

ния. Проект на грани провала. Пытаюсь спасти хотя бы нашу репутацию. Но... Понял вас. Сделаю! Да, до встречи.

— Катя, сворачиваемся! — доктор активировал боевую программу и отключился от управления, сорвав с головы шлем. — Все данные по проекту и запись теста кидай на Облако, после — самоликвидация лаборатории и зачистка. У нас девять минут, вертолёт уже в пути.

Что-то изменилось. Движения Седьмого стали дёрганные, слегка заторможенные. Вадим решил рискнуть и резко перешёл из глухой обороны в нападение. Проведя двойку по корпусу, поднырнул под поднятые руки, немного сместился и пнул пехотинца в колено. Сустав хрустнул. Седьмой повалился на правый бок и вскинул руки, пытаясь ухватить Четвёртого. Вадим увернулся от манипулятора и схватив правую руку Седьмого, резко ударил кулаком по лезвию. Сервомоторы взвизгнули, придавая бронированной руке максимальное ускорение. Полоса металла сухо щёлкнула и разломилась. Отбросив противника, Вадим развернулся и вонзил обломок в узкую щель между шлемом и грудной пластиной. Он давил всем

своим весом на металл до тех пор, пока тот, царапая кости, не прошёл сквозь грудную клетку врага и не застрял в теле, уткнувшись изнутри в наспинный щиток. Из двух клапанов под подбородком брызнула чёрная жидкость. Две пары красных визоров медленно потухли.

Вадим задыхался. Системы подачи воздуха и теплоотвода работали на пределе. Через выдранный клапан прерывисто вырывался пар, вместе с конденсатом капали тяжёлые мутные капли. Тело уже не слушалось, ноги стали ватными. Медленно опустившись на колени, Вадим смотрел как в лазурном небе два летевших вместе вертолёта разделились. Один полетел в сторону доков, второй, сделав круг, приближался к разгромленной площади.

— Господи, да сколько же вас ещё?

Алексей Лаптандер

Колобок в полыни

Жили-были сторук со сторукхой. Называли их так из-за того, что они могли нарастить на своём теле сто рук. Как это у них выходило, они и сами не знали. А на вид — обычные пенсионеры, дед да бабка типичные. Жили они на самом краю Зоны. Зоны Отчуждения. Понятное дело, сами они никогда туда глубоко не заглядывали. Могли поклясться, что глубоко туда не заглядывают: так, изредка камни светящиеся добывают да местному Толяну сдают. А как иначе проживёшь-то на государственную пенсию?..

Вот решил однажды сторук поесть, а в тарелке, что круглая и летает, хоть шаром для боулинга покати. И позвал он тогда сторукху и сказал ей:

— Приготовь-ка мне, Яга, стряпаное какое-нибудь.

— Сейчас поскребу по застенкам, авось косточки найду, — ответила ему сторукха.

Долго ли, коротко ли, а нашла бабка лишь муку, перец, укроп и пачку сушёных мухоморов, закинула всё это на стол и принялась колдовать.

Вскоре (как-никак сто рук — хорошее приспособление в труде) она замесила сферической формы тесто и поставила его нагреваться на солнечной батарее. По прошествии пяти с половиной минут там что-то шевельнулось...

У существа не было ни рук, ни ног, вообще ничего, кроме собственного шарообразного тела. «Кто я?», потом «где я?», затем «зачем я?». Существо не могло ответить на эти вопросы, поэтому решило не забивать себе голову ерундой и начать что-нибудь делать. Оно обладало телекинезом. Это выяснилось путём толкания своего тела силой мысли. Также существо владело телепатией, из-за которой смогло прочитать мысли сторукхов. Испугавшись за недавно приобретённую жизнь, оно скатилось на землю и побрело куда глаза глядят.

Катилось существо так очень долго, пока не повстречало сталкера Митяя. Сталкер Митяй был очень добрым и отзывчивым человеком. Он с радостью отзывался на предложения друзей выкосить зомби, контролёров, зомби-контролёров, полтергейстов и прочих нелюдей. Повстречав же существо, он немного даже растерялся, но пришёл в себя и тут же всадил в него весь рожок «Сайги». Но существо выжило: пробоины тут же зарастали, пряча дыры от картечи. Оно

испугалось и во весь опор покатилося куда подальше от Митяя. Тот только глазами и похлопал, чуть не прохлопав зомби с рогаткой.

Существо продолжало катиться дальше, пока не встретило слепого пса. Он тоже не имел глаз. Существо сначала пожалело пса, но когда прочло его мысли (а они были в основном о еде), то поспешило отправиться от него подальше.

Затем существу попался на глаза чернобыльский пёс. Он тоже владел телепатией и мог контролировать слепых собак. Их у него в подчинении находилось около сорока. Пёс почувствовал угрозу и натравил на существо всю свою свору. «Если он умеет управлять ими, тогда почему я не смогу?» — вполне справедливо подумало существо. Через несколько минут слепые псы уже рвали чернобыльского на кусочки. Так, в сопровождении слепых собак, существо покатилося дальше.

...Пока не наткнулось на химеру — страшнейшее существо Зоны. Её даже псевдогиганты боятся. Химера злобно накинулась на существо. Казалось, пришёл ему конец, но существо вырастило на своём боку твёрдый кол, который пронзил химеру, и та сдохла. Существо вдруг ощутило огромный прилив сил, почувствовало себя очень сильным.

Где-то раздался гром — знак Выброса. Но существо не шевелилось. Не шевелилось оно и во время Выброса. Все псы исчезли. С раскатами грома раздался жутко-безумный хохот, и прозвучал голос, который явно не принадлежал человеку:

— Я ужас, летящий на крыльях ночи, я кошмар наяву. Меня мало и в то же время много. Имя мне — (ещё один раскат грома) Колобок!

Вероника Малиновская

Клад

Песчаная дорога пылила. Машина неслась как угорелая, но это не спасало от духоты и летнего зноя. Дорога длилась невыносимо долго, почти как в детстве — когда едешь целую вечность и уже не веришь, что будет когда-то конец.

Андрей радостно трепался с шофёром, а меня по ноге бил дурацкий металлоискатель. Я помню, что устал и уже никуда не хотел.

Андрея я знал лет восемь, но по ощущениям — всю жизнь. И постоянно вёлся на его idiotские идеи. Очередной «мегаофигительный план» возникал у него примерно каждые две недели. И чёрт бы с ним, но Андрею же всегда нужна компания. И чаще всего в этой компании оказывался я. Потому что добрый и наивный. Ну или просто дурак.

Мы ехали копать Клад. С этим кладом мой приятель носился уже не первый год. Я даже не сомневался, что когда-нибудь дойдёт и до него. Периодически Андрей об этом вспоминал, но пару дней назад, когда он принялся стаскивать к себе спальники и прочее походное барахло, я понял — оно. Так что долго приятель меня не уговаривал — я уже был готов. Искать

мы собирались не вообще какой-то клад, а конкретный. Семейный клад Андреева семейства.

Бабушка рассказывала Андрею, что отец её был купец. Ездил с товарами в Тобольск. Жили богато: у прадеда водилось золото, прабабка ходила в шёлковых платках. Не знаю что за ценность они представляли, но каждый раз Андрей упирал на эти платки. Как-то раз, когда прадед ехал с обозом из Тобольска, его ограбили и убили. А он золото не в доме держал, а прятал где-то, а где — никому не говорил.

Тут в рассказ Андрея вступала Советская власть, которая раскулачила и расстреляла всех, кто не убежал, и его бабушка осталась сиротой. А семейный дом оставался разорённый и брошенный.

Но на этом история не кончалась. Бабушка в детстве как-то бежала мимо того дома и увидела, что во дворе горят свечки. Испугалась и не сказала никому. А Андрей где-то накопал, что свечки означают зарытый клад. И уверен, что клад там до сих пор, и дастся только законному наследнику, то есть лично ему. Надо только доехать до деревни и пройти с металлоискателем по двору.

Чтобы убедить меня в выгодности предприятия, Андрей показывал монетки, которые «натряслись с деревенских сундуков его бабки» — если не золотой клад, то старинных монет точно собираем. Моне-

ты были и вправду старые — серебряные екатерининские полтинники. Но состояние не очень — с откусанными четвертинками. Вроде как в доме знахари были и для каких-то там своих дел серебро резали.

Дело несложное и понятное — приехать в деревню, найти дом и порыскать вокруг с металлоискателем. По гугл-картам деревня казалась мелкой и больше чем на пару дней поисков не тянула. Четыре часа на машине от Тюмени до посёлка и ещё час до деревни... Дома всё так и выглядело. Из дома вообще всё всегда легко выглядит.

Начались приключения с мужика-таксиста, которого нашёл Андрей. За штукарь с носа он должен был домчать нас от Тюмени напрямиком в деревню к какой-то бабке на постой. Сначала мужик сказал, что задержится. Потом, что ещё задержится. В итоге прозадерживались мы часа три. Затем оказалось, что до посёлка он везёт нас не вдвоём, а вчетвером с попутчиками, и я сидел в душной машине, зажатый с двух сторон на продавленном сидении такими же страдальцами.

Впрочем, я же ещё не знал про дорогу собственно до деревни. А она добила меня окончательно. Я даже не представлял, что это будет самый долгий час в моей жизни, когда я на «скрипучей табуретке» тащусь по зною, собирая все кочки и ухабы своей

задницей. Очень «вовремя» пришли мысли, что вот мы — два молодых парня — прёмся в какую-то непонятную деревню. С дорогими туристическими рюкзачками и металлоискателем прёмся. В деревню. В русскую деревню. Где тлен, безысходность и алкаши. И тут мы — дурачки в шмотках. На такси приехали. Незнакомые дурачки. Чужие. И мне стало очень не по себе.

Добрались мы уже к закату. Бабка, с которой договаривались о ночёвке, нас не дождалась и носилась где-то по деревне. Но я так живо уже навоображал себе насупленные лица мифических алкашей, что хотелось побыстрее убраться, так что я настоял на поисках дома, где был спрятан клад, прямо сейчас. Тот дом, на который делали ставку по гугл-картам, был недалеко. Я был уверен, что мы потратим каких-нибудь полчаса: прошвырнёмся по двору, металлоискатель ни разу не пикнет, и, таясь вечерними кустами, мы вернёмся к бабке. А утром разочарованный Андрей засобирается домой.

С GPS-ом мы ломанулись через мост. По болотистой земле, мимо огромной лужи, посреди которой крикали утки, — видимо местное озерцо. На той стороне темнели кустарники, а в них заливался соловей. Кусты оказались заброшенным садом — разросшей-

ся малиной и иргой. Они сменились чертополохом и острой травой по пояс.

Проломившись через сломанный забор, мы вылетели на покосившийся домишко. Заросший двор. Колодец. Заколоченные ставни...

Это было неожиданно. В моём представлении дом должен быть здоровущий, двухэтажный, рассчитанный на несколько семей. Эта хибара на дом преуспевавшего купца не тянула вообще.

Андрей уже осторожно стучал в ставни. Никто не ответил. Осмелев, мы постучали сильнее, не особо рассчитывая, что дом обитаем. Ничего. Мы переглянулись. Настоящий заброшенный дом. Все наши прошлые «заброшки» были уже отполированы до бетонных стен, и ловить там, кроме разбитых бутылок, было нечего.

Андрей откровенно сиял. Это означало: несмотря на то, что место явно не наше, просто так мы отсюда не уйдём. Согнувшись чуть не вполовину, мы протиснулись в дом. Я задел плечами какие-то мерзкие серые тряпки, подняв в воздух пыль. Закашлялся. К пыли примешивалась какая-то вонь. Сырость.

Пока я у входа привыкал к темноте, Андрей уже продвинулся вперёд. И тут кто-то застонал. Мы замерли в испуге и посмотрели друг на друга. В доме

кто-то был. Кто-то под завалом затхлых тряпок на кровати напротив печки.

Я отшатнулся к выходу, но Андрей ломанулся к кровати. Из тряпья протянулась тощая рука и резко схватила его за запястье. Нечто из тряпок застонало ещё сильнее. Андрей зачем-то наклонился, и я услышал как из-под них шелестит: «Дождался, дождался».

Андрей шикнул и кивнул мне. В полумраке закрытых ставен я видел, как отсветом блестят его глаза, и услышал: «Щас скорую вызовем». Я приблизился. В груди тряпок лежал бледный высохший дед. Длинные седые патлы. Заострившийся нос. Дед вцепился в Андрея, не давая выпрямиться, и что-то непрерывно бормотал.

Андрей вытащил телефон, глянул на него и повернулся ко мне, помотав головой. Я кивнул: «Щас». Выскочил во двор — но и мой тоже не ловил. Я поскакал по двору, залез на забор — ничерта не ловил. Да и куда звонить?! И откуда вообще эта скорая сюда поедет? И как я объясню куда, если понятия не имею где мы: адрес «дом у болота»?

Я забежал обратно в дом. Андрей сидел на кровати, низко склонившись к старику, и тот что-то ему шептал, приподняв голову. Он смотрел прямо на дверь, не шевелясь. Я было зашёл, но тут старик вздрогнул и покачал головой. Я поднял телефон и

развёл руками: «Не могу позвонить». Он отмахнулся. Я двинулся было к нему, но старик выставил руку вперёд: «стоп». Я так понял, что дед боялся опять остаться один. Неизвестно, сколько дней он тут так валялся, и лучше бы мне быстрее привести помощь. Всё, что я мог придумать, — это вернуться в деревню к бабке, больше я не представлял куда.

Мне было не по себе от того, что умирающий старик в вонючем заброшенном доме мёртвой хваткой вцепился в моего друга. И ещё мне было стыдно, но я был рад, что не в меня, и мне — бежать за помощью, а не ждать её в развалюхе в наступающей тьме.

Я надеялся, что бабка уже вернулась, нашла во дворе наши вещи, и мне не придётся ей долго объяснять, кто я. И что бабка ещё резвая, и бежать до дома врача нам недалеко. Есть же у них тут какой-то дежурный врач на всю деревню? На больницу в этом медвежьем углу я даже не рассчитывал.

Бабка оказалась дома. Я кинулся к ней объяснять про болото, дом и деда, что там утки, друг, и срочно надо врача. Бабка отреагировала неожиданно. Она заохала, осела на крыльцо и завыла. Я растерялся: такой подставы от старушки я не ожидал. Я потряс её за плечо, но она не реагировала, только раскачивалась и причитала.

Я понял, что всё бесполезно. Мне стало не по себе: пока все, кто встретился мне в этой деревне, —

сплошные неадекваты — полоумная старуха и дед, захвативший моего друга в заложники.

Я выбежал на улицу. Все уже позакрывали ворота и погасили свет. Я оказался в каком-то дурацком фильме ужасов про сектантские глубинки. Говорят, в России тоже теперь такое снимают. Впрочем, ещё неизвестно, где хуже — в фильме или в реальности, в которой старая калоша даже не поинтересовалась, что там у неё с соседом, хотя как электровеник носилась по всей деревне.

Я решил бежать обратно к Андрею. Возьму номер таксиста, который нас сюда привёз, и сами доведём деда до посёлка. Ну или там с ним уже разберёмся. Это лучше, чем ломиться к людям в запертые ворота. Там ещё и собаки! И связываться с местными мне совсем не хотелось.

Я домчал до болота, бросился в кусты, а дальше — к дому. Дверь распахнута. Втискиваюсь. Андрей выпрямившись сидел на кровати и смотрел на меня в упор. Я резко затормозил. За руку его никто уже не держал. Я похолодел.

«Андрей», — тихо позвал я его. Он никак не отреагировал на моё возвращение — так и сидел с остекленевшим взглядом, опустив руки.

Я подошёл. Андрей сидел на пустой кровати, уставившись куда-то мимо меня в одну точку. Я сунул

руку в кучу отсыревшего тряпья, в ужасе представляя, как она сейчас коснётся чего-то уже неживого. Остывшего... Ничего не было.

— Ты чего?! — слышался насмешливый голос Андрея.

От неожиданности я отскочил:

— А дед где?

— Какой дед?

— Который тут лежал.

— У тебя крыша поехала?

— В смысле? — я растерялся. — Так тут же дед был...

— Так, братан, давай-ка на воздух выходить! — Андрей встал, взял меня под локоть и принялся подталкивать к выходу.

— Да я тебе клянусь! Мы зашли, — я махнул в сторону входа, — там дед лежал. Он тебя за руку схватил, а я за помощью побежал.

— Ну и где помощь? — Андрей с усмешкой смотрел на меня.

— Да бли-и-ин, тут это... я к бабке побежал... а она завыла. Я вернулся, думал вызовем того таксиста... и что у них тут с врачами... и сами они тоже... — я повертел пальцем у виска, — если никто не зашёл к нему...

— Ну ты даёшь, братан!

— Да я клянусь!.. я его видел как тебя сейчас.

Андрей глядел на меня:

— Ты вокруг-то посмотри — сто лет в обед как дом заброшен! Ну давай за фонарями сходим и пощем твоего деда... Если он в лес не убежал, — приятель уже откровенно издевался надо мной.

Я вновь посмотрел на дом. За последние минут пятнадцать ничего не изменилось. Дом был заброшен. В этот раз он действительно был заброшен. И уже давно. Он выглядел ещё более серым и покосившимся, чем я помнил. Часть обвалившейся крыши зияла чёрной дырой. В прошлый раз я почему-то этого не заметил. Тут и правда уже лет сто как никто не жил. Но деда-то я не придумал?!

Андрей подобрал палку и шёл, сшибая ей траву. Я плёлся сзади. Ближе к бабкиному дому мы услышали вой.

Андрей повернулся ко мне:

— Что это?

— Да-а-а, это я к ней побежал... напугал, похоже. Сказал, что... ну, дед там, — я махнул в сторону страшного дома. — Ещё когда врача хотел вызвать.

— Ну ты... вообще...

— Да я знал, что она орать начнёт? — я беспомощно посмотрел на Андрея. — И что теперь? Ночевать-то где будем?

Я злился на себя. Поискали, блин, клад!

Андрей ковырял палкой песок.

— Давай таксиста вызовем. Домой поедем...
я свой клад уже по ходу нашёл.

Я, ничего не понимая, смотрел на товарища. Я ожидал, что за этот клад он мне сразу навешает, и потом ещё три года будет ныть, как я всё испортил.

— Простудил я себя, похоже. Боюсь, не заболеть бы по-серьёзному... А то тут медицинской помощи не дожидаться, — он внезапно заржал.

Я растерянно смотрел на него. Похоже, реально простудил. Голову.

— Не стой столбом, *оболокайся* и едем!

Ночь мы тряслись в машине. Шофёр был счастлив: внезапно расщедрившийся Андрей отвалил за всю машину, чтобы мы ехали вдвоём, плюс «ночной тариф». Андрей на переднем сидении не затыкался.

Я сидел один и думал. Припоминал бабкины слова. Я смотрел на Андрея, и мне становилось страшно. То, что этот человек может трындеть сутки без остановки ни разу не повторившись — было единственное, что я узнавал в нём. Андрей смотрел на меня в зеркало совершенно чужим взглядом. Он выбирал странные темы для разговора с шофёром — всё выспрашивал его про ту деревню и жителей. С удоволь-

ствием слушал и смеялся. Его «оболокайся» перед отъездом, которое он даже не заметил. Откуда он его выцепил?

Но хуже всего было вспоминать бабкин вой. Он до сих пор стоит у меня в ушах. Я ведь услышал, о чём она там ревела. Я не сказал, но я услышал. Про то, что «быть того не может» и «похоронили-то правильно», «крышу разобрали, чтоб душа отлетела». Про то, как колдун помереть не мог, пока силу не передаст. Как семеро суток на всю деревню кричал. Что всё правильно сделали, как положено сделали. И ещё в моей голове пульсировали когда-то услышанные слова: «Нельзя колдуна при смерти за руку брать — силу насильно передаст. Это она ему умереть не даёт».

Я закрывал глаза и видел, как среди тряпок, в полумраке, метался седой старик с острым носом, а в дверях стояла толпа. И как девчонка с испуганными глазами закусывала кончик платка.

С Андреем я с тех пор не виделся. И не хочу. Насколько мне известно, клады он больше не ищет. Не удивлюсь, если свой он уже нашёл.

Юлия Некрасова

Варсанофий

Как-то проснулся ночью от шороха рядом с кроватью.

— Кто тут? — спрашиваю, а самому жутко, одеяло на себя натягиваю.

— Это я.

— Кто я?

— Домовой.

Меня в жар бросило.

— А ты страшный? — спрашиваю.

— Сам ты страшный! — по голосу, кажется, обиделся. — Особенно когда небритый! А я домовый очень даже ничего, симпатичный. Не бойся, душить тебя не буду.

Осторожно выглядываю из-под одеяла: стоит. Свет ночного фонаря падает прямо на его мордашку. Забавный. Курносый такой, лицо овальное, глазёнки блестят. Одет в рубаху и штаны.

— А лапти где?

— Какие лапти? Я современный домовый. По квартире босиком хожу. А надо к кому в гости сходить, так у меня ботиночки есть.

— Понятно. А как тебя зовут?

— Варсанофий.

Я хихикнул.

— Чего смеёшься?

— Да так, ничего. Имя забавное. А лет тебе сколько?

— Третий век уже.

Продолжаю его разглядывать. За тридцать лет первый раз домового вижу. Тощий он какой-то, молодой.

— А ты зачем пришёл?

— Есть хочу!

— Ну, так в шкафу было вроде что-то.

— Ага, было. Лет сто назад. Ты когда последний раз дома появлялся?

— Вчера.

— Угу, вчера. Пришёл, чаю попил, в комп потарасился и ушёл на всю ночь. А я тут оставайся один и голодный! Хоть бы поесть оставил, а то в холодильнике колбаса с плесенью, хлеб в шкафу засох...

— Так приготовь что-нибудь!

— Жена тебе будет готовить, а я домовый. Кстати, когда жениться надумал?

— Не твоё дело. Рано мне ещё.

— Рано ему! — передразнил Варсанофий. — Ты же собирался! У тебя же Света есть, и ты её вроде как любишь. Вот она бы сгодилась. Она бы еду готовила

и в доме чистоту наводила бы. Вот из неё хорошая хозяйка получилась бы!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я к её домовихе в гости ходил, а теперь вот свататься собираюсь. Женись на Свете, и заживём!

— Да отстань ты с женитьбой! — отворачиваюсь к стенке. Тут чувствую — стаскивает с меня одеяло. — Ну, что ещё?

— Я всё-таки есть хочу.

— Нет у меня ничего! И вообще я спать буду! Мне на работу рано вставать!

Ушёл. Вдруг слышу звон разбитых тарелок — вздумал хулиганить на кухне!

— Варсанофий! Ты нарочно, что ли?

— Есть хочу! Есть хочу!

— Иди вон к соседу Мишке! Он как раз только переехал!

— Ну, и пойду!

— Уходи! Какая мне польза от домового?

— Ах, так?! — забренчала кастрюля. — А кто тебя по утрам будит на работу, чтоб ты не проспал? А кто носки твои вечно на место кладёт, чтоб ты их не искал? А кто тараканов выгнал? А кто квартиру от пожара и воров бережёт? А кто...

— Ну, хватит! Разворчался тут! И без тебя обойдусь!

— Вот и оставайся один!

Лежу, молчу.

— Варсанофий, — позвал тихонько.

Нет ответа. Ушёл. Накрываюсь одеялом и засыпаю.

На работу я проспал. Потом полчаса искал носки и нашёл их почему-то в ящике письменного стола. На кухне обнаружил уйму битой посуды. Вспомнив Варсанофия, выругался и собрал осколки в мусорное ведро. Хотел попить чаю, но не нашёл ни одной чистой чашки: одна грязная, другая и вовсе покрыта плесенью. Полез в шкаф за брюками. Едва открыл дверцу, как на меня вывалился целый ворох мятой одежды. С грустью подумал про Варсанофия.

Когда выходил во двор, встретил Мишку.

— Привет! Как жизнь? — спросил он, а сам довольный, улыбается.

— Нормально, — буркнул я.

— У меня тут чудеса какие-то! Вчера спать легли, Алёнка посуду помыть забыла. Сегодня утром встала, а посуда уже чистая. Алёнка смеётся, говорит: «Видно, домовый хороший, заботливый».

— Сказки! — делаю равнодушный вид и сажусь в машину.

Вся неделя прошла в неприятностях: то утюг забуду выключить и лечу через весь город домой, то

вещей найти не могу, то на работу просплю, и начальство меня отчитывает. Да ещё и тараканы развелись.

А Мишка весёлый ходит, подмигивает мне.

Просыпаюсь я в субботу утром, лежу и думаю. Думал, думал, потом соскочил и давай чистоту наводить. Всё прибрал. Нигде грязного носка не валяется. Потом так разошёлся, что даже пиццу сделал с колбасой, хотя готовить и не люблю. И пошёл с Варсанофием мириться.

Подхожу к дверям Мишкиной квартиры и зову шёпотом:

— Варсанофий... Варсанофий, возвращайся! Я пиццу испёк, — помолчал и добавил: — Ты прости, я был не прав!

Тишина. Потом слышу шарканье за дверью и голос:

— А пицца с чем?

— С колбасой.

Шмыгнул носом.

— Ладно, прощаю.

Спать я лёг рано. Даже за компом не посидел. Видно, устал после уборки.

Ночью опять проснулся от ощущения, что кто-то стоит у кровати.

— Варсанофий, ты что ли?

— Ага.

— Что такое?

— Да я тут подумал... Всё-таки хозяйку в дом надо. Чистоплотную, трудолюбивую. И чтоб готовить умела. А то мало ли. Сегодня ты меня кормишь, завтра — нет.

— Ну, я же тебе говорил, что рано мне...

— Уйду к соседу! — пригрозил домовой.

— Ладно, ладно! Уговорил!

Отворачиваюсь к стене и, засыпая, вспоминаю адрес ювелирного магазина. Интересно, если бы не Варсанофий, когда бы я ещё жениться решил? Ладно, поеду завтра к Свете, предложение делать.

Ольга Мухамедьярова

Желание

Перед новым годом что только не происходит в школе, какие только слухи не бродят. А если уж по школе поползла легенда, то никому от неё не спрятаться.

В классе на перемене один восьмиклассник по прозвищу Сказочник захотел поделиться с друзьями свежей историей.

— Как вы знаете, самый волшебный праздник — Новый год. В его канун все желания и мечты должны исполниться. А чтобы это точно произошло, надо обойти вокруг ёлки на Цветном бульваре, встать на стрелочку севера на компасе, который зовётся Розой Ветров, и загадать желание, а после произнести заклинание — и желание обязательно сбудется! — видя недоверие на лицах друзей, Сказочник поспешил закончить: — А заклинание совсем простое:

Лети, лети желание моё.

Лети, лети на север.

Лети, лети,

Чтобы исполнилось ты.

Историям Сказочника никто не верил, но ради интереса решили проверить. Вызвался Алексей. Он единственный горячо отстаивал позицию, что в реальном мире такое невозможно.

Как только последний урок кончился, Лёша оделся и поспешил на остановку, чтобы успеть на 96 автобус, идущий в центр. Доехав до Мориса Тореза, направился к Цветному бульвару. Найти ёлку не составило труда: она мало того, что стоит каждый год на одном и том же месте, так ещё и видна издалека.

Подойдя к ёлке ближе, восьмиклассник заметил, что вокруг неё расположен аттракцион «Новогодний паровозик вокруг ёлочки», огороженный забором. «Значит обойду вдоль забора», — подумал Алексей. На лице сама собой появилась ироничная улыбка. Пройдя три круга, парень остановился рядом с Розой Ветров и озадачился. Буква «N», обозначающая север, находилась за заборчиком. Из-за забора смущённо выглядывала лишь «E» — восток, остальных же букв видно не было. «Ладно, встану на букву востока. А что бы загадать? Пусть будет ужастик, давненько хотел что-нибудь стоящее прочитать. А лучшие ужастики на западе создаются, поэтому буду смотреть на запад. Ну, и заклинание слегка переделаю», — решил Лёша.

Встав на букву, парень беззаботно произнёс:

— Я хочу самый страшный ужастик!

Лети, лети желание моё.

Лети, лети на се... запад.

Лети, лети,

Чтобы исполнилось ты!

Не сказать, что Лёша ожидал мгновенного исполнения желания или спецэффектов, но отсутствие хоть какого-то знака свыше его разочаровало. Скрывая грусть, школьник произнёс:

— Теперь можно и домой. Зря только ездил.

На следующий день Лёша обо всём рассказал одноклассникам. Друзья посмеялись и забыли.

За несколько дней до новогодних каникул неизвестным образом в многоэтажке напротив школы, в которой учился Алексей, появился «Магазинчик Кошмаров и Ужасов». Ещё утром через грязные пластиковые окна был виден строительный мусор, но к полудню уже висела скромная вывеска.

Лёша не смог сдержать любопытства, тянущего его в странный магазинчик. То, что никто больше его не заметил, парня не смущало.

Школьник легко открыл пластиковую дверь и вошёл. Спускаясь по невероятно длинной, но освещённой лестнице, Лёша насчитал ступенек сорок, и в конце пути его ждала мощная деревянная дверь. Подросток потянулся к ручке. Его переполняли самые разные эмоции: страх, решимость, любопытство, азарт. Что же там внутри?!

Но вот ручка повернута, дверь открыта, а внутри... обычный магазинчик. Лёша вошёл внутрь и огляделся. Первое, что бросалось в глаза, — роскош-

ная люстра. «Так вот почему так светло!» — заметил внутренний голос. Затем взгляд переместился на дальнюю стену, полностью завешанную уродливыми масками. Слева был прилавок, заставленный какими-то баночками-скляночками. А вот справа — книжные стеллажи. Интересно, какие там книги?!

Продавец всё не появлялся, хотя пара минут уже прошла с момента, когда прозвенел звонок на двери. Внимательно осмотрев стены, Лёша не заметил никаких дверей. Поэтому он решительно подошёл к стеллажу и стал разглядывать. Корешки книг выглядели слишком богато для ужастиков. Да и названия странные: «Призыв зомби для начинающих», «Самые сильные проклятия»...

Время будто остановилось. Школьник смотрел на корешки неизвестных книг уже несколько минут (или часов?), когда почувствовал, что замёрз — и это в зимнем пуховике. Всё тело окоченело и плохо слушалось.

— Добро пожаловать в «Магазинчик Кошмаров и Ужасов»! — неожиданно раздался голос слева от Лёши.

Подросток вздрогнул, повернулся и увидел пожилого мужчину, дедушку, одетого официально. Выглядел тот, как божий одуванчик: аккуратно подстриженные седые волосы; на морщинистом лице

приковывающие внимание добрая располагающая улыбка и понимающие глаза. Лёша почувствовал иррациональное желание попросить совета и рассказать все свои горести и печали незнакомому человеку! Значит, он продавец магазинчика?

— Я слышал, — продолжил незнакомец ласковым голосом, — ты обожаешь ужастики, Алексей. — Услышав своё имя, школьник испугался. Откуда старик знает его? — Поскольку ты первый покупатель, то в качестве подарка дам тебе книгу. Это невероятно интересный ужастик. Самый страшный в мире.

Незнакомец подошёл к стеллажу и бережно взял фолиант цвета крови (или школьнику так только показалось?).

Рука Лёши нерешительно потянулась к книге, а в голове появился странный подбадривающий голос:

«Ужастик! Самый страшный в этом мире! О нём ты так долго мечтал! Возьми же его, возьми...» — настойчиво шептал он.

«Лёша, как-то подозрительно это всё выглядит! Незнакомец отдаёт тебе дороговую книгу даром. Это ж бред какой-то!» — Рассуждения интуиции напугали и заставили подростка оторвать взгляд от подарка. Видимо, за пару минут в помещении стало ещё холоднее. Как продавцу не холодно?

«Интуиция права, но книга такая желанная! Только глядя на неё становится теплее... Что-то здесь не чисто! Лучше не брать какую-то книгу с подогревом», — принял волевое решение школьник, хотя рука так и продолжала тянуться к красному корешку.

— Книга, наверное, очень дорогая, поэтому я не могу её принять! — Лёша пытался говорить уверенно, решительно, но голос предательски дрожал.

Продавец несколько долгих секунд внимательно смотрел на школьника. От пристального взгляда чёрных глаз хотелось мигом извиниться и на всё согласиться.

— Ты прав, — неожиданно произнёс мужчина (дедушкой его назвать в этот момент язык не поворачивался), — но я хочу именно тебе отдать книгу. В тебе я сразу увидел человека, любящего настоящие ужасы. Потому я и хочу, чтобы книга стала твоей... Знаешь, я всегда мечтал повторить одну сцену из фильма, поэтому скажи, что готов за эту книгу душу отдать. Я буду очень рад, и этой фразы будет достаточно.

Незнакомец протянул книгу настойчивее, а интуиция подростка закричала в панике, чтобы он не трогал странный фолиант. Лёша хотел отойти, но тело заоченело полностью, а непослушная рука уже притрагивалась пальцами к тёплой, мягкой,

манящей обложке, ради которой сказать несколько слов — такой пустяк.

Из-за резкого изменения мыслей и ощущений у школьника в панике вырвались слова:

— Боже, спаси, сохрани и помилуй!

Мужчина взревел от услышанного, как раненный зверь, а пальцы Лёши обожгла книга. Но тело всё ещё не хотело двигаться, поэтому Алексей начал читать «Отче наш», выученный совсем недавно для дополнительной оценки по литературе.

— Убирайся! — в гневе прошипел продавец и махнул рукой. От этого лёгкого жеста мужчины перед глазами потемнело.

В себя Лёша пришёл лежащим на заснеженном асфальте. Всё тело болело, голова, казалось, сейчас треснет. Несколько минут парень вспоминал, каким образом очутился в позе звезды на снегу и отчего болят пальцы.

Воспоминания резко вернулись. Подросток тут же вскочил на ноги. Перед ним был не магазинчик, а приевшийся за столько лет вид захламленной лестницы за грязными окнами.

Может, всё произошедшее лишь плод фантазии? Взглянув на свою руку, Лёша увидел ожог на пальцах. «Именно этой рукой ты прикоснулся к книге», — на-

помнил внутренний голос. Напоследок школьник проверил дверь, но та оказалась заперта.

На другой день придя в школу, Алексей не смог сдержаться и рассказал друзьям о вчерашних злоключениях.

— Слава Богу, всё закончилось благополучно! — закончил своё повествование Лёша, глядя на ожог.

Друзья молчали, пребывая в задумчивости. На правду история не похожа. Но такую гамму чувств не каждый актёр смог бы изобразить. Значит, всё рассказанное действительно произошло вчера, хоть это и невозможно...

Первым нарушил молчание Сказочник:

— Правильно говорят: «Бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться!»

Надежда Поплавская

Перепутье

— Давно стоишь, служивый?

Парень с военной выправкой кивнул, не оборачиваясь.

— Всё занесло к чертям! — не унимался старик. — От дома к сортиру тропинку час расчищали, а тут вообще хоть на санях езжай!

Ещё пара часов, и перекрёсток и впрямь будет, скорее, похож на лабиринт: снег аккуратно ложился холмами, но дорога оставалась чистой. Кому страшный сон, а какому дворнику, может, и чудо чудесное.

Стойкий солдатик оловянно молчал, казалось, уже вмёрзший по щиколотку в снег. У ног в свете луны поблёскивали монетки. За какие сотворённые грехи здесь расплачивались? И расплатились ли? Солдатик скользил взглядом с одного блестящего кружка на другой.

* * *

Она носила монисто. Это он хорошо помнил. Многие помнили. Давно это было. Она была красива: смуглая, впитавшая солнце кожа, тугие, тёмные кудри густых волос, тонкая фигурка, не знавшие помады

губы, карие глаза. Не просто красивая — завораживающая.

Он ждал. До самого конца ждал. Что-то должно было случиться, но нет. Она, столь верно служившая тому, в кого верила, стала пеплом. Монисто не разлетелось вдребезги, монеты не выжгли глаза толпе, не впились клеймом в лбы наблюдавших за костром. Чем она это заслужила?

* * *

Одноглазый старик притих. В бесцветном небе чёрными росчерками туши вырисовывалось будущее. В глазах юноши читалось что-то страшное, что-то новое. Оно уже оживало, копошилось. Холод — не помеха. Волк злобно зарычал, оскалив зубы у морщинистого лица, и скрылся в теле солдата — то ли хозяина, то ли жертвы.

— Дался тебе этот снег, — вздохнул юноша. — Уходил бы. С глазом, без глаза — не велика потеря.

На старческом лице заиграли желваки. Солдат попытался улыбнуться:

— Не всё ли равно тебе, Великому? — улыбки не получилось, вышла гримаса. Лицо старика исказила мстительная усмешка:

— Зря ждёшь её. Сам знаешь, лая собак по ночам уже давно не слышать.

— Я бы тоже сюда не поднялся в такую метель. Деревья сохнут, волки молчат. Забыли нас Боги. Хороший хозяин в такую погоду..

— Тебе, может, и хозяин. Стоны слышал ночью? Воет почище собак. Девка-лекарша в деревне разродиться не может. Третий день пошёл. Ни туда, ни сюда.

— А девчонку-то за что? Пусть кто за неё сходит помолиться что ли.

— Какой там? Добить её хочешь? Всё изголовье кровати вязями исцарапано.

— На здоровье?

— На здоровье, милый, на здоровье, и на процветание, и на роды быстрые. Они её и убьют теперь. И ребёнка. Смешная шутка вышла.

— Злой ты, старик. А лисицу её не заметил? Не петляй, старик.

— Все нынче петляют. Упетляла и лисица, да и остальные хранители ушли. То ли ушли, то ли ещё чего — шут их знает. Следы есть, а куда уводят, не поймёшь. Как детёнка, меня за нос полночи водили, а на утро снег опять чистый.

— То-то волков не слышно.

— Не страшно, парень, вот так же без следа пропасть?

Старик отвернулся, сплюнув под ноги. Да в эти глаза смотреть же невозможно: «Закрой, закрой», — шептал он, призывая былую силу. Всё ни к чёрту. Когда сила была, до слов он не опускался. Парень смотрел вниз. Страх, не смыкающий глаз. Веки — створки дверей, а замок — да его и не сыскать. Сейчас не до этого.

Он боролся, правда, боролся. Ночью в слезах ползал по обледеневшему насту и чертил по снегу меловой круг. Хорошо, что хранители ушли. Одноглазый — пусть себе веселится, а зверь должен уважать хозяина до последнего, когда уже не за что, когда хозяин сам себя проклял. Содрал подушечки пальцев об лёд, круг выходил грязно-красный. Даже соль насыпал от нечистого — хуже деревенской бабки-повитухи.

К утру страх прошёл, круг занесло снегом. В тумане вырисовывались рога. Сквозь снежную мглу за юношей следил неотступный взгляд. Странное лицо: слишком тонкое для человека, слишком красивое для зверя. Рогатый вежливо стоял в стороне. Он не требовал, не издевался и не угрожал — он предлагал. В мире, где всё замерло, высокий брюнет с чёрными глазами казался воплощением жизни. Что он забыл здесь? Явился бы лучше тем, которые бредят Мессией. Сначала это была жалкая кучка. Они видели Его во снах. Потом постепенно всё больше, и больше, и

больше. Когда в них поселилась ярость? Когда запылали костры? Солдат не заметил. А она? Как же она? Неужели не чувствовала?

— Просто скажи: «Я принимаю условия». И сам у своей ведьмы спросишь.

Слишком пусто вокруг. Слишком похоже на сон. Солдат уже не понимал, откуда берутся слова. Тяжко. Потухшие свечи давно занесло снегом. Боги не откликались: столько ночей не откликались, ритуалы не помогали. Он её больше не увидит, так и спятит на этом чёртовом перекрёстке.

— Не хотят ответить своему ребёнку. Странно, — перебил его мысли Рогатый.

Чем заслужила она? Чем не заслужил он? Почему толпа не прикончила его там же на месте? Власть уже была у них в руках, они не боясь рисовали на лицах кресты. Горизонтальная полоса над бровями, вертикальная по лбу и носу. Две линии — и на старом мире поставлен крест. Перекрёсток, перепутье. То, что было, завывало на костре. Обещанное являлось лишь во снах. Во снах приходил и Мессия. Он обещал любовь, сердца ждавших воспылали пламенем — и костры разгорались всё ярче в ночи. Странно, что солдата не удавили там же кожаным ремешком, на котором на его шее, подобно маятнику, в такт последним замираниям мира качался Молот Тора.

— Боги ничего не должны. Они ничего не обещали.

— Ну и зачем же тогда взывать? — лучше со мной поговори. Я вот сам пришёл.

Солдат молчал. Боги не обещали, но дарили урожай и хорошую охоту, лето и зиму, счастье и новорожденных детей. Дарили духов-защитников. Сейчас духи ушли. Дальше он думать себе запретил.

* * *

Душу он тогда всё-таки продал: хотелось уйти. Очень хотелось уйти к ней. Куда бы то ни было. Куда теперь запирают провинившихся, когда весь мир — перепутье?

Что дальше, его не волновало. Вспомнил только, что перед тем, как отправиться на перекрёсток, заглянул к роженице. Обезумевшая то ли от боли, то ли от страха, то ли от видений, лекарша расцарапала ему руку, впившись ногтями и повторяя: «Волк, волк, волк, он уже в тебе».

— Мерещится тебе — успокойся, ещё с дитём нянькаться.

— Не будет ребёнка, не будет! Волк не явится в мир. Убьёшь его и сам сгинешь. Убийца! Убийца!

Она гладила живот, прощаясь с младенцем, пережегая стоны с колыбельными. Та, что лечила и предупреждала о бурях, не пыталась облегчить свои стра-

дания. Испачканные кровью пальцы не выводили рунических вязей, губы не шептали призывов. Для неё Боги ушли уже тогда. Только лисица ещё шипела в углу, с визгом кидалась под ноги солдату.

— Не верь ей, — Рогатый был спокоен и терпелив, как тот, кого ждёт целый мир. — Да и себе не верь. Ох, уж эти деревенские ведьмы-кудесницы: то дождик накличут, то корову подлечат. Волк или нет — кого ты спасёшь? Вернёшь силы Одноглазому? А сам, может, и сгинешь. Великий волк не вспомнит девицу в монетках.

Парень вдохнул мороз — колкие иглы впились в лёгкие, с трудом разлепил губы, кожа треснула, потекла кровь. Когда-то в крови была сила — может, и сейчас? Солдат стоял на перекрёстке и нёс какую-то неясную службу, выпрашивая у Рогатого право на встречу с любимой — право на смерть.

Сергей Потёмкин

Судьба

Машина тихо ползла по улицам посёлка. Фары были выключены, поэтому «Ягуар» Анатолия напоминал хищника, который крался в темноте на мягких лапах. Подбирался к беспечной жертве, которая чувствовала себя в полной безопасности. Но это ненадолго, до одного стремительного прыжка.

Анатолий и был хищником. Он, действительно, выслеживал свою жертву. Тот человек жил в старой части посёлка, где люди на самом деле живут: ведут хозяйство, что-то выращивают. Но его не было дома. Пусть. Это его не спасло, только отсрочило время смерти. На столько, сколько нужно, чтобы приехать в новую часть посёлка Рубиновый, где обитал сам Анатолий.

Богатые люди покупали землю на холмах у реки, чтобы выстроить роскошные загородные дома из красного кирпича. Трёхметровые заборы, ворота из кованого железа, домофоны, камеры видеонаблюдения. Но это не всегда спасает. Его сына, вот, не спасло. И его самого тоже.

Оставалось только пробираться в темноте, с опущенными стёклами, вслушиваясь в звуки ночи. Где-

то здесь бродит его жертва, обходя своих клиентов в этих больших, но по сути пустых домах. И, если повезёт, сама судьба организует им встречу.

Спокойствие ночи, в котором растворились шорохи и далёкая музыка, грубо нарушил звук металлического удара. Анатолий остановил машину и прислушался. Ещё удар, звон разбитого стекла и неразборчивые крики. Мужчина неторопливо поехал на шум. Хотя «Ягуар» продолжал медленно красться, сердце его водителя зашлось в груди, как барабан на рок-концерте, а вспотевшие руки заскользили по рулю.

Надписи на заборе утопали во мраке, но, если память не изменяла, то это была улица Десничина. Третий дом, считая от поворота, из-за которого появилась машина. Там происходило что-то серьёзное. От криков и звуков ударов в окнах соседних домов зажёгся свет, но на улице ещё никого не было. Анатолий остановился как раз напротив распахнутой настежь калитки во двор. Как только он вышел из машины, то понял — приехал не зря.

Во дворе, спиной к нему, стоял человек в куртке кислотного цвета. В тусклом свете фонаря она выглядела не так ядовито, как на солнце, но всё равно её было ни с чем не перепутать. В их посёлке другой такой не было, да, и нормальный человек подобное бы на себя

не надел. Примета номер два — чёрная спортивная сумка, валявшаяся у двери. А третью приметку — не-леплого вида окровавленный нож — человек держал в руке. Он пошатываясь повернулся к Анатолию и попытался сфокусировать на нём мутный взгляд.

— А вот и четвёртая, последняя, — сказал сам себе Анатолий. — Он под кайфом. Больше мне ничего не нужно.

Анатолий поднял руку с небольшим чёрным револьвером. Холодная сталь и резиновые вставки на рукояти, чтобы рука не скользила. Идеальное оружие для новичков, которые ещё не стреляли в людей.

Что можно сказать человеку, которого сейчас убьёшь? Анатолий не представлял. Поэтому молча спустил курок.

Раздался громоподобный выстрел. Михаил был прав: это не то же самое, что стрелять из травматик по консервным банкам. От неожиданно сильной отдачи и грохота рука убийцы дёрнулась. Он целился в грудь, а пуля ушла выше, попав в шею.

Жертва дёрнулась, инстинктивно схватилась рукой за шею, пытаясь остановить хлынувшую кровь. Парень упал на одно колено. Перехватив пистолет крепче, Анатолий пошёл к своему врагу. Второй выстрел: теперь он попал точно туда, куда целился. Третий.

Выстрелы, запах пороха, чей-то едва доходящий до сознания крик и вся ужасающая реальность происходящего словно загипнотизировали Анатолия. Он ощутил себя животным, хищником, который добрался до своей жертвы и вгрызается в неё жёлтыми клыками... И ещё три выстрела вплотную, уже в лежащее на земле тело.

Когда всё кончено, можно признаться хотя бы себе. Признаться, что получил удовольствие, убив этого человека.

Где-то истерически захлёбывались лаем проснувшиеся собаки. Люди кричали за кирпичными заборами на других участках. Кричали от страха, что железные двери и зарешёченные окна — это ничто, если кто-то решит забрать их жизни.

Шесть стреляных гильз покатались по красивой каменной дорожке. Стрелок начал заново заряжать револьвер патронами, которые проскальзывали между непослушными пальцами. Это помогло хоть немного собраться. Пелена спала с глаз, и Анатолий наконец-то огляделся.

Кроме тела человека, которого убил он сам, на земле лежал ещё кто-то. Молодой парень, почти голый, смотрел застывшими глазами в звёздное небо. На груди — кровоточащая рана, наверное, от ножа. Около тела прямо на земле сидела девушка, тоже

полураздетая, лишь в нижнем белье и разорванной блузке. Она закрыла голову руками и беззвучно вздрагивала. Что её испугало больше: выстрелы или то, что произошло здесь до этого? Анатолий не знал.

Первым его порывом было подойти к девушке и дать ей свою куртку, сказать, что всё уже хорошо. Но зачем врать? Разве у неё или у него всё хорошо? Нет. Поэтому он не подошёл.

Последний, кто был во дворе, — ещё один молодой человек. Живой, но лицо в крови. Он сидел на корточках и будто порывался встать, но ему каждый раз что-то мешало. Если бы не вся абсурдность происходящего, это могло бы показаться комичным. Анатолий подошёл к нему.

— Эй, парень. Эй! — он пощёлкал пальцами. Тот с трудом сосредоточил на нём взгляд, как наводят резкость на старом фотоаппарате. — Оставайся на месте. Если попытаешься убежать, я тебя тоже убью. Понял?

Тот ничего не ответил, даже не кивнул. Но как-то неожиданно грузно осел. Анатолий понял, что он никуда не денется.

— Может, я не только отомстил, но и спас ту девушку? — размышлял мужчина. — Хотя... Не знаю, что здесь произошло. И хочу ли я это знать?

Он дошёл до массивного забора и сел на землю спиной к нему. Ветер потрепал его седеющие волосы,

как будто пожурил провинившегося ребёнка. Анатолий сделал всё, что хотел. Что дальше, он не знал. Поэтому стал ждать прямо здесь, во дворе незнакомого дома — идти было некуда.

Сумку пришлось бросить перед дверью — она не поддавалась. Недолго думая, он схватил массивный глиняный горшок, который стоял на крыльце, и ударил им по стеклянной вставке. Брызнули колющие осколки. Шума оказалось слишком много для позднего вечера. Но это не важно, нужно действовать быстро. Рука уже пыталась нащупать ручку замка на другой стороне двери. Рядом морщился от боли Илья, держась за плечо, — не думал, что высадить первую дверь будет так тяжело.

Замок еле слышно щёлкнул в тёмной прихожей. Два человека пошли по дому, обходя выступавшие из мрака силуэты предметов.

Неожиданно дорогу им преградил раздетый парень:

— Вы кто такие?!

Илья молча ударил его ногой в живот. Тот с шипением сложился пополам, как большой надувной замок, на котором прыгают дети.

Из-за угла показалась девушка. Она остолбенела, увидев их. Один из незнакомцев схватил её за руку

и потащил к входной двери. Девушка пыталась вырваться, но безуспешно.

— Уводи её отсюда! — закричал Илья. Он отвернулся от поверженного противника и получил мощный удар в поясницу. Не давая ему опомниться, вскочивший с пола парень схватил его за волосы и ударил головой об стену.

Его напарник только сжал зубы — он должен был вывести девушку из дома и протащить её через прихожую. Девушка сопротивлялась всё сильнее. На крыльце она стала извиваться, как змея, а потом неожиданно укусила мужчину за руку. Тот ослабил хватку, девушка вырвалась. Схватить её второй раз он уже не успел.

Пробежав через дом, полуголый парень плечом врезался в грудь взломщику, который сейчас же понял, каково было двери, вышибленной Ильёй. Он отлетел на полтора метра. Повезло, что упал на мягкую землю, потому что после такого падения на каменную дорожку его бы поднимали врачи скорой. На удивление, было не очень больно. Быстро поднялся и встал в стойку, закрыв голову руками, встречая решительно приближающегося противника. Уже предвкушал, как сейчас выбьет из него всю дурь, но не успел ничего сделать.

Грязный удар в колено опорной ноги. Он вскрикнул и присел, схватившись за неё руками. Время

будто остановилось. Стоявший перед ним парень медленно замахивался для решающего удара. На нём только боксеры с надписью «Кевин Кляйн». Мускулистое тело, как в рекламе этой торговой марки. Мягкий свет фонаря делал его похожим на бронзовую статую древнегреческого атлета. Не сочеталось с образом лишь полное ненависти лицо злого бога.

Кулак набрал скорость и нанёс удар в его ухо. Ощущение было такое, словно сошедший с рельсов товарный поезд врезался в голову. Пропали почти все звуки. Так бывает, когда в уши попадает вода. Мужчина упал. Встал на ноги и снова упал. Голова будто стала весить целую тонну, а тело, наоборот, сделалось невесомым. Стало чертовски трудно удерживать равновесие.

Со второй попытки он смог устоять на ногах. В голове шумел удаляющийся поезд. Движения были плавные, как под водой, когда заходишь в неё по горло. Он увидел, как на оказавшегося на крыльце Илью сыплются удары ногами.

— Его надо спасти, — прошептал мужчина и поплыл на помощь товарищу.

По пути он достал из кармана раскладной нож. Неудобный, несуразный, но с длинным острым лезвием. Держал его перед собой, как пику на рыцарском турнире.

Сквозь толщу воды он услышал крик девушки, потом атлета, а Илья молчал: у него только беззвучно шевелились окровавленные губы.

Бронзовый парень схватил руку с ножом и потянул на себя, выворачивая. Голова наклонилось вперёд, увлекая за собой невесомое тело. Он упал, подминая под себя парня в боксерах. На этот раз их встретила каменная дорожка.

Мужчина в ядовито-зелёной куртке начал подниматься, но у него не получалось — не давал нож, который он продолжал сжимать в руке. Лезвие застряло между рёбрами лежащего атлета. Тот не шевелился.

Вытащил нож и, пошатываясь, поднялся. Рядом с телом опустилась плачущая девушка. Она что-то бесвязно говорила.

В голове носились неразборчивые мысли:

— Я не хотел убивать... Сам бросился... Надо было просто отпустить девушку... Бил Илюху... Он расскажет, как всё было...

Сзади не раздавалось никакого шума. Он повернулся скорее инстинктивно, чтобы увидеть, как из темноты выходит мужчина в чёрном и пристально смотрит на него. А потом поднимает руку с револьвером.

Револьвер, который Анатолий вертел в руках, был похож на игрушку. Слишком маленький, элегантный и лёгкий для орудия убийства.

— Как, ты говоришь, он называется?

— Смит-Вессон, шестизарядный. Сверхлёгкая рама, — ответил Михаил, опасливо глядя на друга, как на змею, про которую не знаешь, ядовитая она или нет. — А ты вообще когда-нибудь стрелял из огнестрельного оружия?

— Нет. Только с тобой, по бутылкам.

— Травматика — это другое дело. Ты бы попрактиковался...

— Зачем? — спросил Анатолий. Его лицо последние две недели было похоже на маску. Голос тоже ничего не выражал. Анатолий говорил о предстоящем деле спокойно, как другие говорят о рыбалке или погоде. — Ведь перестрелки не будет. Насколько я знаю, тот парень носит с собой только нож.

Он зарядил револьвер и несколько раз крутнул барабан.

— Подойду к нему поближе, возможно, сделаю вид, что хочу что-то купить. Потом достану пистолет и убью его. С близкого расстояния я не промахнусь. Так что это можешь забрать.

Анатолий протянул другу коробку. Но в последний момент передумал, взял горсть патронов и положил в карман куртки.

— Ты так буднично об этом говоришь, будто собираешься сварить кофе, а не застрелить человека. Никогда бы не подумал, Толя, что ты на такое способен! Вот уже десять лет ты на каждой планёрке твердишь нам о последствиях, об ответственности, о взвешенных решениях. И тут такое! Ты хоть подумал о том, что будет дальше?! ...Хотя, что это я? Ты уж точно подумал.

Деловой партнёр хмыкнул. Теперь его кабинет, да и вся компания принадлежали Михаилу. Кроме них двоих, главного бухгалтера и ребят из юридического отдела об этом никто не знал, но решение уже было принято.

— Знаешь, я никому не рассказывал... В тот день Вова сидел у себя в комнате с самого утра. Решил, что он обиделся на наш спор накануне. Признаю, я тогда вспылил. В общем, разговаривал с ним через дверь, почему-то это казалось легче. Я был уверен, что он всё слышит, но не отвечает из принципа.

Анатолий помолчал. Посмотрел на панораму города, открывавшуюся с девятого этажа. Был солнечный и тёплый день, несмотря на то, что осень уже наступила.

— Я ушёл и потом ещё пару раз возвращался, а он всё молчал. Так продолжалось до позднего вечера, пока я не решил войти сам. Дальше ты знаешь. Он лежал на полу за кроватью. С засохшей пеной у рта. Уже мёртвый.

Потом врачи сказали, что если бы я нашёл его на пару часов раньше, то Вову можно было бы спасти. Представляешь?! Всего два часа! А я стоял под его дверью с самого утра. И именно в тот день решил не вмешиваться в его личную жизнь и дать время подумать.

— А что сказали врачи? — хриплым голосом спросил Михаил. — Что показало вскрытие?

— Расслабься. Я уже могу говорить на эту тему. Давай угощу тебя кофе.

— Я сейчас заварю.

— Нет, лучше спустимся к торговому аппарату. Зря что ли мы его ставили?

Экс-директор компании в последний раз оглядел свой бывший кабинет и вышел в коридор вслед за деловым партнёром и лучшим другом. Они молча пошли по пустому этажу. Вечером в субботу здесь никого не было, не считая охранников внизу. Большие помещения со стеклянными перегородками, чтобы управленцы видели, кто занят делом, а кто просто убивает время на рабочем месте.

— Если отбросить медицинские термины, то причины смерти — одновременно передозировка и некачественный наркотик, — сказал Анатолий, вызывая лифт. — Слишком много грязного порошка. А я-то думал, что продавцы во всех сферах рынка заинтересованы в том, чтобы клиент остался доволен и вернулся. Даже если речь идёт о новой дозе. Похоже, я ошибался.

Они вышли на восьмом — в царстве юристов и отдела технической поддержки.

— Кофе здесь так себе, зато бодрит, — сказал Михаил, протягивая другу пластиковый стаканчик.

— Сейчас я даже не могу понять, когда его потерял, — признался Анатолий. — Ведь всё это: бизнес, деньги, связи — я делал для него. Хотел дать ему лучшее образование, хотел, чтобы он пошёл дальше меня. Но, похоже, забыл спросить, нужно ли ему это. А после смерти сына, я не вижу смысла ни в чём. Это может показаться глупым, но я не представляю, что мне делать. Кроме мести нет никаких идей.

Михаил не знал, что тут можно сказать. Помолчали.

— Я двадцать два года был отцом, а так и не понял, как воспитывать детей. Уделяешь им мало внимания — они начинают привлекать его нелепыми поступками. Уделяешь много — хотят, чтобы ты ослабил контроль. Зарабатываешь мало денег —

упрекают тебя в этом. Зарабатываешь много — у них нет стимула зарабатывать самим и есть возможность покупать наркотики... Вот у тебя двое детей, Олег и Марина. Скажи честно, как другу, что ты сделал, чтобы их воспитать?

— Не знаю. Они как-то сами воспитались. И результат меня устраивает, поэтому я всем говорю, что это моя заслуга. Но я не уверен, что у меня получится повторить.

— Ты спрашивал, почему я так спокойно говорю о том, что задумал. А что бы ты сделал на моём месте?

— Прости... — помедлил с ответом Михаил, — но я не хотел бы оказаться на твоём месте.

— Вот и я не хочу, — вздохнул Анатолий. — Наверное, такая судьба. А кофе, правда, дрянь! Пусть только он продаётся в этом автомате. Это должно мотивировать сотрудников, чтобы они стремились зарабатывать больше и пить что-то достойное. Договорились? Пойдём, проводишь меня. Только давай спустимся по лестнице, а не в лифте. Думаю, в скором времени тесные помещения успеют мне надоесть.

И первым вышел на лестницу. Михаил поспешил за ним:

— Постой, ты имеешь в виду тюрьму?

— Ну, да. Обычно туда люди попадают за убийство. Пускаться в бега я не хочу. Кончать с собой пока

не собираюсь. Похоже, остаётся только этот вариант. Если ты найдёшь мне хорошего адвоката, то ещё можно будет побороться. Присяжные, опять же, могут оказаться на моей стороне. А если придать делу огласку в СМИ, то я могу легко отделаться.

В словах друга Михаил уловил знакомые нотки расчётливого начальника, которые боялся больше никогда не услышать. Анатолий продолжал:

— У тебя, Миша, не должно быть проблем с законом. Скажешь, что я был сам не свой и захотел отойти от дел. А о моих дальнейших планах ты не знал. То, что случится сегодня, станет для тебя полной неожиданностью. Насчёт револьвера — если его проверят, на тебя не выйдут?

— Можешь не волноваться, Толь. Я с ним никак не связан. Сейчас избавлюсь от оставшихся патронов, и я чист. Когда будут спрашивать, скажи, что купил у незнакомого парня в баре на окраине. Даже если не поверят — не важно. Незаконное хранение оружия будет меньшей из твоих проблем.

— Принято.

— А что насчёт того парня, к которому ты сейчас поедешь? Кто он?

— Некий Гарик Улукаев, по прозвищу Угар. Торгует в Рубиновом разной дурью, вроде спайсов, ЛСД и

кокаина. Низкопробного, как мы теперь знаем. Дело в том, что все в курсе, но никто ничего не делает.

— А кто ему поставляет товар?

— Да, брось ты! Я не герой боевика, чтобы вырезать весь синдикат сверху донизу. У меня более скромные задачи.

— Ты уже видел его? — спросил запыхавшийся ко второму этажу Михаил.

— Только издали: пару раз в посёлке и однажды около своего дома. Носит дурацкую ветровку зелёного цвета с капюшоном. Лицо почти полностью закрыто. Таскает с собой спортивную сумку с тряпьем, среди которого прячет товар. А один из друзей Вовы рассказал, где его найти.

На последних ступеньках Анатолий протянул Михаилу руку:

— Спасибо, дальше я сам. Да, не переживай ты, увидимся... Будешь мне ещё в тюрьму передачи носить.

Тот пожал руку, но не отпустил.

— И я уже не смогу тебя отговорить, да?

— Подумай о том, что произошло, и надо ли меня отговаривать.

Пристального взгляда Анатолия Михаил не выдержал. Отвёл глаза, разжал руку.

Анатолий больше не оглядывался. Сел в машину и помчался в посёлок. Сорок два километра от горо-

да, если ехать в сторону аэропорта, а потом оставить его по левую руку. Раньше здесь была грунтовая дорога, теперь сплошной асфальт — от главной дороги и до его двухэтажного особняка. Но туда Анатолий не поехал. Он отправился к дому, где жил Гарик.

Пришлось включить фары, чтобы вытащить на свет утонувшие во мраке заборы и дома. Около одного из них Анатолий остановился. Номер совпадал. Вот только света в окнах не было.

— Вряд ли в десять часов вечера наркоторговцы ложатся спать, — сказал мужчина и вышел из машины.

Револьвер он держал в кармане так, что в случае чего можно было выстрелить через куртку. Подёргал калитку — заперта.

— Кто тут ходит? — раздалось за спиной.

Анатолий резко обернулся. Но когда увидел, кто его окликнул, убрал палец со спускового крючка.

— Добрый вечер. Я к Гарику.

— Вижу, что не ко мне, — проворчала старушка в куртке, которая по количеству блестящих в свете фар металлических вставок больше бы подошла её внучке. — Нечего тебе с ним водиться, с этим Гариком!

— Мне нужно встретиться с ним всего один раз, честно, — решил открыть карты Анатолий.

— Видишь же, что света нет. Тогда чего калитку дёргаешь? Он с парнем каким-то ушёл. Другие в его возрасте давно с девками ходют, а он всё с парнями, да с парнями.

— Небось, и куртку свою зелёную нацепил, — решил подыграть Анатолий.

— Конечно. Он только в ней и ходит! Меня, сынок, в детстве кикиморами болотными пугали. Так вот, очень уж он на тех кикимор похож.

— И сумку свою с собой взял? — продолжал допытываться мужчина.

— И сумку взял... — механически повторила старушка и осеклась. — Ты или этого Гарика сегодня видел, или якшаешься с ним, раз так хорошо его знаешь!

— Ни то, ни другое. Но вы мне очень помогли. Спасибо вам! — искренне сказал Анатолий.

«Значит, ушёл с сумкой, в которой носит товар. А свой товар он продаёт ребятам из новой части посёлка, у которых есть на это деньги. Таким, как Вовка», — подумал Анатолий, трогаясь с места.

Алексей потёр живот. Мышцы болели так, будто его пинали по рёбрам. А всего четыре подхода по пятнадцать раз! Он катнул ногой тренажёр «Каток».

Удивительно: небольшой блин с двумя ручками по бокам, а столько боли! Как говорит их тренер: «Тренировки — это регулярные самоистязания, чтобы сделать себя лучше».

Сделав скидку на десятый час вечера и тяжёлую неделю, Алексей решил, что с него достаточно. Повесил на шею полотенце и пошёл в душ.

— Куда это ты? — спросил Илья, поднимаясь на локтях под штангой. — Бежишь с поля боя? Спортивный зал — это твоё поле боя, солдат! Разве твои деды не дрались на полях Второй мировой, чтобы ты вот так опустил руки? Если бы они увидели тебя сейчас, что бы ты им сказал? Что у тебя свело ручки и ножки? Ты устал? Тебе пора домой, баиньки?!..

— Отстань и даже не пытайся! — устало улыбнулся Лёха. Он знал, что если его товарищ и профессиональный спортсмен заведётся, то может продолжать своё сольное выступление очень долго.

— А потому что тебе нечего ответить! Потому что даже дети работали на военных заводах наравне со взрослыми. И не уставали!

Дверь в душевую закрылась. Привычные к пламенным монологам Ильи ребята в зале даже ухом не повели. И тот быстро успокоился и продолжил с шипением выжимать от груди девяностокилограммовую штангу.

Как и ожидал Алексей, монолог Ильи оказался чистой провокацией. Через пару минут он сам пошёл в душ, а позже они встретились в раздевалке и вместе вышли на улицу.

— Так и не было лета в этом году, — застегнул куртку Илья. — По-моему, осень наступила ещё в июле!

— Да, ладно тебе причитать! Разве лето — это обязательно жара? Та погода, которая была, как раз по мне.

— Может, она и по тебе, но ходить в куртке летом ненормально, — сказал Илья и осёкся, посмотрев на Алексея. — Ты, кстати, свою в тренажёрке забыл. Давай вернёмся.

— Я её оставил не в зале, а дома. Думал, что сегодня будет тепло, и я вернусь домой засветло. Не угадал.

— Постой-постой, — Илья остановился посередине улицы. — Надень сверху свою спортивную футболку, а потом мою.

И он, подойдя поближе к фонарю, полез в сумку.

— Перестань, Илюха. Я так дойду. Спасибо, конечно, но не стоит.

— Перестать? Мне перестать?! — начал заводиться Илья. — Ты помнишь Бориса Ильнурова? Ну, что молчишь, помнишь?

— Парень, который ходил с нами в качалку? Припоминаю. Только я что-то давно его не видел.

— А знаешь, почему ты его не видел? Этот дурак, такой же, кстати, как ты, прошлой осенью решил после тренировки пробежаться по улице в одной футболке. И что ты думаешь? Его продуло! И заработал невралгию с осложнениями. Раньше он становую тягу с соткой, а сейчас не может даже наклониться без веса. Боли адские. До сих пор на обезболивающих... Короче, Лёха, сейчас ты или одеваешься сам, или я тебе помогаю. Выбирай!

Алексей прикинул шансы. Хоть они и были одногодками, но он проигрывал Илье в мышечной массе. К тому же, спортсмен был абсолютно прав. Но напрячь на себя три футболки разом Лёша не успел. Из-за поворота на них вылетели двое и от неожиданности остановились.

Друг друга они узнали сразу же. Но это обстоятельство никого не обрадовало. Первым нарушил молчание Илья и недобро спросил:

— Какого хрена вы здесь делаете?

Алексей с другом встретили бывшего одноклассника, которого знали с детства, — Гарика. В школе они не ладили, зато после школы их отношения изменились — стали ещё хуже. Но это было не удивительно. Гарика мало кто любил, и не без причины, надо сказать. С ним был парень, которого друзья видели пару раз, но имени его не знали.

— Слушай, Гарик! Мы ведь тебе уже говорили, чтобы ты здесь не появлялся?

— И чё? — с вызовом ответил тот.

— Ты сам уберёшься восвояси или помочь?

— Да, ты хоть знаешь, кто я?!

Случайный человек мог бы испугаться, глядя на дёрганного щуплого мужчину в ядовито-зелёной ветровке с капюшоном. Картину дополняли жидкая борода, хищно торчавшая во все стороны, и неестественно светлые глаза, смотрящие в никуда.

— Не зли меня, Улукаев. Я-то знаю, кто ты! А ещё знаю про молодого парня, который умер три недели назад в одном из этих домов, — он мотнул головой в сторону красивых коттеджей, около которых они стояли. — Говорят, от передозировки. Твой клиент? Одно-го не могу понять, как тебя до сих пор не посадили?

Гарик, недолго думая, ответил ему, правда, невпопад. Если упрощать его тираду в ущерб экспрессивности, но в угоду печатному слову, то он сообщил Илье и Алексею, что очень близко знал всех их родственников женского пола вплоть до четвёртого колена. Пока он говорил, Илья подошёл к нему и толкнул руками в грудь. Толчок, в общем-то, не сильный. Но Гарик оказался слишком лёгким и полетел на землю.

Некоторое время он сидел молча, будто не веря в то, что произошло. Вскочил, и его предыдущий моно-

лог показался цветочками. А потом Гарик неожиданно вытащил из кармана нож... Даже, скорее, раскладной кинжал. Неудобная длинная ручка, не меньше пятнадцати сантиментов, и такое же лезвие.

— Лучше убери нож! — сказал Илья, поднимая руки, но не над головой, сдаваясь, а на уровне плеч, чтобы было удобнее обороняться.

Но Гарика, похоже, переключило. Он нёс какую-то околесицу, бессмысленно размахивая руками. Его товарищ, видя всё это, начал бочком отходить в сторону. Когда расстояние показалось ему достаточным, он бросился бежать по улице.

— Хорошо бежит! — заметил Алексей. — Надеюсь, это не твой лучший друг, Гарик, иначе мне тебя жаль.

Вряд ли тот услышал эту фразу — слишком был занят выкрикиванием какой-то тарабарщины, где проскальзывали знакомые ругательства и угрозы. Выбрав подходящий момент, Илья схватил Гарика за руку, вывернул и отправил на землю. Это падение получилось жёстче. Снова наступила тишина.

Илья посмотрел на Алексея, подмигнул ему и обратился к лежащему:

— Эй, чучело, снимай куртку!

Гарик навёл на него непонимающе смотрящие в бесконечность глаза.

— Куртку, говорю, снимай! — повторил Илья, сопроводив требование убедительным пинком.

Подействовало. Гарик начал возиться с замком, а Илья его подбадривал:

— Давай-давай, наркоторговцы должны хорошо зарабатывать. Ты себе курток двадцать теперь купишь. Заодно гардероб обновишь — ещё один плюс. Мы тебе даже услугу оказываем, если разобраться.

Завладев кислотной ветровкой, Илья швырнул её Алексею:

— Надевай!

— Не буду! Она вся прокуренная, — понюхал тот обновку, — и я готов поспорить, что это не табачный дым.

— Слушай, или три футболки, или ЭТО! Решай сам.

Пропахшие потом футболки или отдающая травкой куртка? Алексей брезгливо нацепил куртку. По крайней мере, так теплее. Честно говоря он уже успел замёрзнуть.

В это время Илья поднял Гарика с земли и давал ему последние инструкции:

— Сейчас идёшь к себе и в новом посёлке больше не появляешься! Думаешь, тебя здесь все любят? В следующий раз докажу, что нет. Ногами. И друзей позову. А теперь топай!

Он подзатыльником отправил худого неряшливо остриженного наркологу в темноту. Потом повернулся к Алексею:

— Убери в карман, потом выбросишь вместе с курткой, — протянул ему нож. — Слушай, Лёха, а тебе идёт! На тебе она хорошо смотрится, а не висит, как на том убогом. Можешь, кстати, себе оставить.

Он подошёл к другу вплотную, толкнул локтем в бок и сказал голосом маленького мальчика:

— Дяденька, продайте мне, пожалуйста, косячок, чтобы я уехал далеко-далеко!

— Прекрати ты! — отмахнулся «дяденька» и зашагал по улице.

— Да, что с тобой?! Переживаешь за Гарику?

— Помнишь его в школе? Он ведь не был таким?

— А каким он был? Ну, да! Рубаха парень, душа компании, любимец учителей и гордость школы!

— Я серьёзно. Конечно, всегда был не подарок. Но нормальный, наркотиками не баловался. А начал только, когда построили эту часть посёлка.

— На что намекаешь? — спросил Илья и даже остановился. — Ты хочешь сказать, что виноваты они?! — И обвёл жестом красивые дома, мимо которых они проходили.

— Сам подумай, кто из наших — из старого посёлка — балуется этой дрянью? Почти никто. И здо-

ровье жалко, и денег на это нет. Все покупатели Гарика живут здесь. Если бы не было Нового Рубинового, у хозяина этой куртки не было бы работы.

— Почему ты обвиняешь богатых людей? Может, просто завидуешь?

— А почему ты их защищаешь?

— Хотя бы потому, что они построили зал, из которого мы с тобой идём. И там можно заниматься за копейки, даже по меркам посёлка.

— А что они взамен сделали с берегом реки? А с лесом? Да, тут где мы сейчас идём, мы в детстве собирали белые грибы! Ты помнишь? По-моему, мы с тобой просто продались! А они ведут себя здесь так, как будто им всё можно. Вообще всё!

— Постой-ка! — поднял руку Илья, призывая друга помолчать.

— Нет, если тебе нечего сказать, то просто признай это! Я тебе не Гарик, чтобы на меня руками махать.

— Я серьёзно, помолчи! Слышишь? Вон оттуда.

Он первым подошёл к высокому забору ближайшего дома с левой стороны.

— И что я должен услышать? — спросил Алексей.

Через несколько секунд ему ответил женский крик:

— На помощь, пожалуйста, не надо! Отпусти меня!

Потом в доме что-то разбилось. Крики стали приглушённой, и слов уже было не разобрать.

Илья молча смотрел на Алексея.

— Вот именно об этом я тебе и говорил! Думают, что им можно всё! — заявил Лёша.

— И что будем делать? Откуда мы знаем, что там происходит?

— Вообще не знаем, ведь на помощь зовут, когда всё хорошо, чтобы поделится радостью... Ну, что, солдат, это твоё поле боя. Найдёшь повод с него убежать? А если бы тебя сейчас видели твои деды, что бы они сказали? Правильно, внучок, не надо мешать людям и портить им веселье?

В глазах Ильи отразилось непонимание, но всего на секунду. Он недобро ухмыльнулся и поворачивал плечами, разминая их.

— Так, значит? — бросил сумку и врезал плечом в металлическую дверь. Та не шелохнулась.

— Это я разминался! — пояснил Илья, отходя на середину улицы. — Солдат значит? На поле боя? Ну, хорошо! Алексей, давай сразу за мной!

Он хорошенько разбежался и вложил в удар всю свою немаленькую силу. Дверь, может, и была непробиваемой, но замок оказался слабым. Илья, чуть не упав, влетел в облаке каменной крошки во двор дома, откуда раздавались женские крики.

Девушка вскрикнула от неожиданности, прикрыв рот рукой. Павел увидел слезы у неё на глазах. Только потом Аня всё-таки улыбнулась и сказала:

— Да, конечно, я согласна, — и взяла обручальное кольцо из коробочки.

А потом они долго сидели обнявшись в гостиной. Прямо на полу, на том месте, где Павел опустился на одно колено, чтобы сделать предложение своей подруге. Со временем они перебрались на диван, поближе к искусственному камину и приготовленной заранее бутылке вина.

— Мне всегда было интересно, как меняются отношения людей, которые решили стать семьёй, — сказала Аня.

— Мы поженимся, ты тоже купишь мне кольцо.

— Не то. И это, конечно. Но я имею в виду, как они изменятся качественно? Что в них появится такого, чего не было раньше? Или свадьба — это только кольца, цветы и гости?

— Ещё много подарков. И я думаю, это важно! Да, ладно-ладно, шучу. Согласен, что-то должно измениться. Только что? Мне всегда казалось, что наши отношения и так идеальные.

Аня ещё крепче обняла своего жениха.

— Они идеальные. Но, может быть, нам чего-то не хватает? Например, честности.

— Я никогда тебе не врал.

— Я имею в виду то, о чём мы не говорили. Вернее не договаривали. И количество моих бывших парней сюда не относится. Это табу. Я всё равно тебе никогда не расскажу.

— Ну, ладно. Я просто буду робко надеяться, что это хотя бы двузначное число, — сказал Павел, за что сразу получил тычок под рёбра. — Значит, вещи, о которых мы не говорили, но это для нас важно?

— Верно. Хочешь начать?

— Хорошо, проявлю инициативу, как мужчина. Когда мы с тобой остаёмся наедине, я всегда стараюсь сделать что-то романтическое, вроде свечей и вина, как сегодня... Но знаешь что? Я недавно прочитал об одном исследовании: людей спрашивали о том, чего им не хватает в интимных отношениях. Оказалось, что чуть больше половины мужчин хотят именно романтики, как ни странно.

— Мне всегда это нравилось, Паша. За это я тебя и люблю.

— Подожди, у исследования была и вторая часть. Женщинам задавали тот же вопрос. Я даже запомнил цифру — шестьдесят семь процентов опрошенных

сказали, что им не хватает чего-то страстного, даже жёсткого. Понимания того, что они пьют вино не с подружкой, а сидят на диване с настоящим мужчиной.

— Так, продолжай!

Аня даже подскочила на диване от восторга. Похоже, Павел, попал в десятку.

— И вот что я подумал, — он провел рукой по её ноге. — Весь дом в нашем распоряжении. Давай сыграем с тобой в игру!

— В какую? — спросила Аня. Её глаза озорно блеснули, а щёки наливались румянцем.

— Ты дашь мне несколько минут, выключишь здесь свет и пойдёшь вниз. Например, выпить сока. У тебя будет роль девушки, которая осталась на ночь в большом доме. Ты ведь уже пять месяцев ходишь на актёрские курсы? Вот и покажешь мне, чему там научилась!

— А кем будешь ты?

— Я буду грабителем. Наверное, это сама судьба, что я решу залезть именно сюда. Когда я увижу привлекательную девушку, то захочу её не только ограбить. Ведь ты девушка из приличной семьи, о чём ты мне не раз говорила. Бессмысленно спрашивать тебя в лоб, о том, что ты хочешь от меня на самом деле. Всё равно не скажешь! Но, как подлый грабитель, я буду делать с тобой всё, что захочу! Даже такие вещи,

о которых неприлично говорить. Ты вообще меня слушаешь?!

По Аниному лицу блуждала глупая улыбка, а судя по взгляду, она была очень далеко. Павел погладил её по щеке, чтобы вернуть обратно.

— Но мне надо понять, что тебе всё нравится и что я не делаю тебе больно. Для этого нужно придумать кодовое слово! Оно не должно быть сложным, а то ты его точно забудешь. Я предлагаю «красный». Повтори «красный».

— Красный, — прошептала Аня. — Прости, я не могу перестать улыбаться, не знаю, что со мной. Наверно, я похожа на дурочку?

— Мне всё нравится. Ты очень мило улыбаешься. Я уже хочу тебя ограбить. Но вернёмся к делу. Кодовое слово ты запомнила. Всё остальное не считается. Ты можешь кричать, вырываться, брыкаться, звать на помощь, но это часть игры. Если ты не говоришь «красный», значит, тебе всё нравится, и я не останавливаюсь. Всё поняла?

Аня с готовностью кивнула.

— Тогда я пошёл, любимая. Выключай свет, и через пару минут спускайся.

— А где ты будешь?

— Грабители они такие непредсказуемые! Могут быть где угодно и наброситься на беззащитную де-

вушку в самый неожиданный момент, — он побежал в коридор по направлению к лестнице, но потом выглянул из-за двери. — Это вроде того, что ты хотела?

— Ты лучший! — только и смогла произнести Аня.

Павел подмигнул и скрылся в коридоре. Раздались удаляющиеся шаги, а потом внизу щёлкнул выключатель, погружая первый этаж в темноту.

Девушка осталась в комнате одна. Она слышала только уханье своего сердца. Встала на ноги, они были ватными. Аня дошла до стены и нажала на кнопку. Теперь во всём доме стало темно.

Она должна пойти вниз и взять сок. Но где-то там девушку уже ждёт грабитель, который набросится на неё. Аню начало трясти. Ни с чем несравнимые ощущения. Уже можно идти? Прошло достаточно времени?

Аня вышла из комнаты, прошла по коридору и начала спускаться на цыпочках. Было действительно страшно. А ещё было чувство, похожее на то детское, когда идёшь в новогоднюю ночь смотреть на подарки под ёлкой.

— А что? — подумала Аня. — Девочки вырастут, и подарки меняются.

Она вышла в тёмную гостиную. Ни звука, ни движения. Медленно, озираясь по сторонам, девушка пошла на кухню. Низ живота сводило, ноги подкашивались.

«Вот сейчас он должен наброситься? Нет. Тогда за следующим поворотом? И снова нет? Тогда он

сидит за барной стойкой, и, когда я повернусь к ней спиной?..» Но она дошла до холодильника. От яркого света Аня зажмурилась. Взяла пакет апельсинового сока, налила в граненый стакан.

Может, он уже наверху и поджидает там? Эти грабители такие непредсказуемые!

И в этот момент её схватили сзади! Сколько она ни готовила себя к этому, всё равно завизжала от испуга. стакан полетел на пол и разбился вдребезги. Мужчина легко её поднял и куда-то потащил. Аня честно сопротивлялась, пыталась вырваться, сбив ногой какую-то вазу, которая разделила судьбу стакана. Но тщетно. Она кричала не столько от страха, сколько от восторга и ещё от каких-то безымянных чувств, которых раньше не испытывала.

— На помощь, пожалуйста, не надо! Отпусти меня!

«Грабитель» разорвал на ней блузку, схватил за волосы, притянул к себе и сказал что-то на ухо. Что-то, от чего Аня растаяла, как плитка шоколада на костре, и упала в руки Павла, потому что больше не могла стоять.

До её нового мира чувств донёсся далёкий звук глухого удара. Ещё один удар грубо вернул её в реальность, когда дверь в кирпичном заборе не выдержала напора и двое незнакомцев ворвались во двор.

Михаил Ринский

Лунная гора

Сказка из Города-меж-горных-пиков

I

На четвёртый день нового года в городе пошёл снег. Кукольник выглянул в окно и печально заметил, что снег в новом году, конечно, совсем не такой, как прежде. Куклы, сидевшие на полках, под столом и на подоконнике, а также те, что свисали с потолка на тонких ниточках, ничего не ответили — только одна из них застучала своими ладонями из дерева и завертела во все стороны головой, выглядящей как простой дубовый шар. Да, собственно, это и был простой дубовый шар. Кукольник никогда не оставлял в доме кукол с человеческими лицами — может быть, боялся. Сам он говорил, что не любит, когда на него смотрят. Так или иначе, доподлинно узнать причину нам не удастся.

Город стоял среди горных пиков — так далеко, что письма до него не доходили, и приходилось отправлять исключительно телеграммы. Телеграфный провод когда-то давно был заброшен сюда восточным ветром и, видимо, раньше лежал в совершенно другом городе. Во всяком случае, после появления

провода Город-меж-горных-пиков ещё долго принимал сообщения, предназначенные другому городу, пока все на том конце не привыкли, что собеседники сменились.

В качестве новогодних поздравлений кукольник отправлял телеграммы — бандероли с куклами приходилось оставлять в мастерской, потому что почтовое отделение Города-меж-горных-пиков, конечно, существовало, но никогда за всё время своей работы не отправило ни одной бандероли. Да и как их отправишь, когда вокруг такие горы?!

Нет, сами горы были не очень страшны, хотя, разумеется, страшны: некоторые даже говорили, что именно они держат на себе небо в этой части мира. Дело было в драконах, точнее — в драконе, который жил в горах. Его никто никогда не видел, но было совершенно очевидно, что ветер и камни, летящие в людей на перевалах, возникают просто потому, что рептилия слишком сильно машет своим хвостом.

Мало-помалу, перевалы опустели и торговцу, который раньше продавал на вершинах путеводные клубки, пришлось связать из них большую верёвку, чтобы спуститься вниз. Верёвку потом купил кукольник, и марионетки, подвешенные на нитки, выдернутые из неё, постоянно тряслись — то ли от холода, то ли от страха.

В общем, к тому моменту, как в городе появилась почта, перевалы были уже давным-давно заброшены.

Новогодние телеграммы кукольника расходились довольно далеко. Город-меж-горных-пиков был далёким городом, но не таким далёким, как Город-на-краю-света. Туда даже телеграммы доходили не всегда — только если какой-нибудь проходящий мимо рыцарь соглашался подтолкнуть их по проводу. Но кукольник всё равно отправлял послания. «Поздравляю с Новым годом!» — значилось в телеграмме. Ответы приходили самые разные.

Некоторые знакомые колдуны посылали магические телеграммы. Они шли по невидимым проводам и возникали сразу в воздухе, под носом адресата, заставляя его переживать то чувство, которое в телеграмму заложил волшебник. На этот раз почти все магические ответы были с привкусом яблок, и только один заставил кукольника долго-долго чихать.

Рыцари не присылали ответов, потому что телеграммы, посланные им, обычно не были прочитаны. Да и как, правда, прочесть телеграмму, если ты копошишься в каком-нибудь болоте, пытаясь вытащить за волосы нерадивого барона. Но это не останавливало кукольника, тем более, что иногда поздравления всё-таки доходили — если рыцарь вдруг оставался в башне на новогодние праздники или тогда, когда

башня сопровождала рыцаря в его путешествиях. Бывало и такое.

Царевны, точнее, Царевна — кукольник знал только одну Царевну — отвечала лаконично и вежливо.

Но самым кратким был бедняк, однажды проигравший в карты всё своё состояние — дом в форме веретена и гипсовую статуэтку царя. Он посылал в телеграмме три восклицательных знака.

Так, в общем-то, и жил кукольник. Содержание телеграмм перепечатывалось на полоски тонкой бумаги и складировалось в сундуке под верстаком.

Так бы кукольник и жил дальше, вполне успокоенный своей редкой перепиской с друзьями. Но на четвёртый день нового года он не смог открыть сундук, чтобы положить в него очередное послание. Ящиков с неотправленными подарками стало так много, что последний из них мастер ещё утром положил под стол. Прямо на сундук. Несколько минут простояв в недоумении, кукольник выглянул в окно и печально заметил, что...

С этого-то мы и начали наш рассказ.

— Нет, так не пойдёт! — продолжил он, складывая клочок бумаги в нагрудный карман. — Надо разобратся с этим драконом!

Уже на пятый день нового года кукольник надел свою походную шубу, набил мешок провиантом

и, нацепив на пояс дедовскую саблю, отправился в библиотеку.

Дед кукольника однажды чуть было не завоевал целую страну с армией деревянных солдат, но проиграл и оставил после себя только сундуки с различным хламом да свою саблю, которой перерезал ничтожки провинившихся бойцов.

Отец кукольника, к слову, был уже намного спокойнее и только однажды устроил нешуточный погром в детском театре, но дети, принявшие всё это за продолжение представления, быстро взяли верх. «Нет ничего хуже рук, которым оторвали рассудок» — говорил отец, возвращаясь после очередного неудачного спектакля.

Сам кукольник совершенно успокоился и даже почти ни с кем не ругался.

В библиотеке он придвинул несколько шкафов друг к другу и накрыл их шубой. Именно в этом укрытии кукольник провёл следующие сутки, подкрепляясь бутербродами и варёной картошкой и прекращая читать только на время трапезы, потому что нельзя трогать книги грязными руками. Сабля всё это время просто лежала рядом. Всё-таки у каждого человека должны быть предметы, которые могут просто лежать рядом.

Пролистав целый перечень книг (по списку — от русской «Л» до древнекитайской «龍» включительно), кукольник всё-таки нашёл одну тоненькую брошюру, которая обещала помочь ему сделать что-то с драконом. Называлась она «Правила обращения с драконами, мешающими отправлять подарки», была напечатана в Городе-среди-снегов в количестве 500 экземпляров и попала в Город-меж-горных-пиков, наверное, как-то случайно. Вообще, все мы знаем, что поразительные случайности часто происходят с книгами тиражом 500 экземпляров.

Мы приводим здесь текст этой замечательной брошюрки практически без изменений — автор позволил себе только очистить текст от инея, которым он покрылся то ли ещё в северном Городе-среди-снегов, то ли после того, как много лет пролежал рядом с пособием «Производство мороженого из воспоминаний о зиме». Вот этот текст:

*ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ С ДРАКОНАМИ,
МЕШАЮЩИМИ ОТПРАВЛЯТЬ ПОДАРКИ*

Д. Е. Моро (под ред. проф. Севера)

Дорогие читатели!

Все мы знаем, как затруднительно порой бывает не только сделать и упаковать подарки, но и доставить их в срок по нужному адресу. Часто этому мешают пло-

хие погодные условия, низкая облачность или чрезмерно прочные замки на балконах и оконных рамах, но и драконы время от времени могут стать помехой на пути движения подарков. Именно для борьбы с такими помехами мы публикуем следующие правила, которые помогут в поиске дракона и общении с ним. Как убедить дракона не мешать — дело ваше: может быть, вы найдёте красноречивого (или хорошо вооружённого) Рыцаря, может быть, передадите дракону просьбу, подписанную другим драконом (обращения от королей и прочих должностных лиц они не рассматривают), а может быть, и поговорите с ним лично. Мы берём на себя лишь формулирование правил, которые вы найдёте на странице № 2. Надеемся, они помогут вам разобраться с проблемой и напоминаем, что никто не несёт ответственности за последствия общения с огромной крылатой огнедышащей рептилией, кроме собеседника (-ов) одной рептилии. Желаем удачи!

ПРАВИЛО I

Драконы живут в горах. В городах драконы не живут. Вам не следует заявляться к дракону в городской одежде. Облачайтесь исходя из географических и климатических условий того места, где обитает дракон, мешающий отправить подарки.

ПРАВИЛО II

При подъёме на гору, где обитает дракон, вам могут встретиться гладкие и горячие камни. Таковым камень

может быть в двух случаях — либо кто-то отшлифовал и нагрел его, либо это не камень, а яйцо дракона, где прямо сейчас маленький дракончик кусает самого себя за хвост, ужасно злится и выдыхает раскалённый воздух. Не следует пытаться вернуть такое яйцо дракону (то есть его драконихе) — он подумает, что вы пытаетесь перед ним выслужиться. Драконы специально сталкиваются яйца с горного пика, чтобы они не обжигали им бока и остужались до нормальной температуры (200-250 градусов) в снежных шапках. Если яйцо не будет остужаться, то дракончик может вылупиться, прежде чем достигнет возраста 18 лет, а такие дракончики совершенно не приспособлены к тому, чтобы мешать людям. Мешают они, в основном, только себе.

ПРАВИЛО III

Если во время подъёма на гору слишком рано стемнело, то это значит, что вы попали в так называемую «область хвостового затемнения». Дело в том, что хвост дракона настолько велик, что не помещается целиком на вершине. Именно колебания хвоста могут вызывать локальные солнечные затмения (а также ураганы, оползни, метеоритные дожди, смены правительств и преждевременные любовные признания). Если вы попали в область хвостового затемнения, то попросите Солнце немного сдвинуться, чтобы тень перестала на вас давить. Если слишком долго оставаться в тени дра-

коньего хвоста, то можно получить хвостом по голове. Не оставайтесь в тени надолго!

ПРАВИЛО IV

Если вы выбились из сил во время подъёма — отдохните.

ПРАВИЛО V

Если при подъёме на гору вам вдруг стало слишком хорошо — не пугайтесь, так и должно быть.

ПРАВИЛО VI

Если при подъёме на гору вам остаётся совсем немного пройти до привала, а ноги не держат — попробуйте вспомнить, о чём вы мечтали N лет назад ($N = y - (y - 10)$, где y — ваш нынешний возраст). Полученный воздушный замок в течение некоторого времени можно использовать как опору для подъёма или закрепить на нём свой рюкзак. Будьте осторожны, применяя воздушные замки!

ПРАВИЛО VII

При общении с драконом необходимо использовать предмет, который будет непосредственным проводником ваших мыслей (например, куклу). Драконы не любят общаться с человеком лично, поэтому разыгрывайте диалог, например: «Кукла, скажи дракону, что мой меч остёр»; «Кукла, скажи дракону отдать сундуки с золотом»; «Кукла, вежливо попроси дракона вернуть мой меч и доспехи». Если у вас при себе нет ни одного пред-

мета, то представьтесь не человеком и ведите диалог напрямую.

ПРАВИЛО VIII

При взгляде на небо в то время, когда солнце уже просыпало после себя звёзды, но ещё не успело скрыться за ниткой, называемой «горизонт», вам может показаться, будто звёзды могут дать ответ на любой ваш вопрос. Вам не кажется. Задавайте вопрос с умом или не задавайте его вообще.

ПРАВИЛО IX

Ничего не бойтесь.

ПРАВИЛО X

Правило IX — неправда.

На десятом правиле брошюрка заканчивалась.

Разминая затёкшие ноги, кукольник с задумчивым видом прошёлся по углам своего убежища. Старая служительница библиотеки, совершенно обеспокоенная состоянием читателя, подсунула ему в щель между шкафами чашку горячего чая — вопреки всем библиотечным правилам.

Аккуратно отпивая чай, кукольник размышлял. Он кое-что понял в отношении того, как вести себя с драконом, но вот, где искать его среди всех этих бесконечных горных пиков, мастер не понимал. Совершенно запутавшийся, он хотел было обратиться

к правителю Города-меж-горных-пиков, но вспомнил, что специальная Комиссия по Подсчёту Вершин работает уже четвёртый год, а всё никак не может, наконец, подсчитать количество гор, окружающих город.

— Где же, где же, где же... — повторял кукольник, расхаживая по читальному залу.

Служительница библиотеки не успевала уносить кружки из-под чая, опустошаемые задумчивым посетителем. Под его ногами поскрипывал паркет, пружинили ковры, расшитые золотом, его глаза бесконечно пробежали по строкам мудрых изречений, украшавших стены библиотеки: «Ищите и найдёте, ибо всякий ищущий находит», например. В конце концов, весь чай в библиотеке вышел, а наполнившие её посетители стали так часто шикать на тревожащего их покой кукольника, что тому ничего не оставалось, кроме как поблагодарить старушку, записать на своё имя взятую брошюрку и отправиться домой.

II

Осторожное свечное пламя расползлось по ночнику, куклы на ниточках таинственно перестукивались, звенело тонкое стекло в оконной раме, сопротивляясь надвигающемуся на город восточному ветру. Ветер шипел множеством кошек, нетерпеливо дребезжал в черепичных крышах, но печной

дым, запахи праздничных пирогов и замкнутые сами на себя восьмёрки городских улиц успокаивали его, гладили по голове и совсем усыпляли. Центр Города-меж-горных-пиков покрывался следами невидимых восточных кошек, которые оставляли на снегу и запотевших витринах отпечатки лап, тыкались холодными носами в щёки прохожих, а легко одетых ещё и царапали. Впрочем, это не совсем правда: царапали они вообще всех, но люди, прятавшиеся одновременно за несколькими свитерами просто не чувствовали их когтей.

Дом кукольника был похож на перевернутый корабль. Когда мастер был ещё маленьким, он множество раз бегал в подвал, чтобы проверить — нет ли там грот-мачты, которая, по логике вещей, должна была начинаться где-то под кухней, проходить через тот самый подвал, где мама складывала коробки с мотками ниток, и, пронзая землю, доходить чуть ли не до самого подземного королевства. Впрочем, это не совсем правда: будучи уже совершенно взрослым, кукольник всё так же бегал в подвал и проверял — на месте ли грот-мачта. Да, она действительно была на месте. Из-под подвального пола выглядывал даже небольшой кусочек паруса, а ночами кукольник иногда слышал, как где-то там, в глубине, полощется на

подземном ветру длинный чёрный флаг. В эту ночь его слышно не было — подземные ветра никогда не дуют, когда дуют ветра надземные.

Дом кукольника стоял на окраине города, так что невидимые восточные кошки ещё не успевали притихнуть и многие из них скреблись в двери, проходя мимо тёплого жилища. На такие невежливые поцарапывания кукольник не отвечал — только ещё ниже склонялся над картой, расстеленной на рабочем столе. Карта была утыкана булавками с цветными шариками на концах, вокруг некоторых горных вершин появились надписи карандашом, а от дома кукольника, тоже отмеченного на карте, расходились с десятком пунктирных линий. Пунктирные линии подрагивали, чувствуя неуверенность того, кто их нарисовал. Ящички с бандеролями были на время перенесены в подвал и составлены вокруг грот-мачты. Кукольник не спал.

Вдруг (а в любой сказке что-нибудь да случается вдруг) в дверь дома постучали. Не поскреблись, не завыли у порога, не попытались влезть, разбив стекло, а именно постучали — чрезвычайная вежливость чувствовалась в этом стуке. Кукольник на мгновение даже насторожился, но убедившись, что вежливость по-настоящему пробралась в дом (а она, как правило, подбирается в дом вперёд гостя), подошёл к двери.

Стук повторился. Стучали где-то на уровне ботинка. Пару секунд позвонев цепочкой, мастер открыл дверь. За ней никого не оказалось.

— Благодарю вас! — раздался голос кого-то невидимого. — Здравствуйте. Позвольте войти?

— Здравствуйте, — отозвался кукольник, стараясь разглядеть гостя. — Входите.

— О, прошу вас, не утруждайтесь! Меня очень сложно заметить, — ответил голос на немой вопрос мастера. На коврик в прихожей упало несколько горсток снега, будто кто-то старательно вытер об него ноги. Точнее, лапы.

— Позвольте, а с кем имею честь?.. — спросил мастер, не зная, куда именно адресовать вопрос. Вежливый голос, немного тянущий букву «р», не замедлил ответить:

— Я всего лишь захотел погреться. Моё имя Ток. Закройте, закройте дверь, я уже весь здесь.

— Ток... Очень приятно. А я кукольник, — отозвался мастер. Дверь хлопнула, владелец дома пригласил гостя в мастерскую и предложил чая.

— Да, с удовольствием. Если вас не затруднит, налейте в блюдце.

Через пару десятков минут собеседники разговаривали свободно. Ток оказался прекрасным слуша-

телем и после того, как кукольник познакомил его с мастерской и разложенной на столе картой, глубоко-мысленно произнёс: — Значит, вы что-то ищете...

Мастер ответил утвердительно. Ток замолчал. Его присутствие выдавали только маленькие волны, время от времени возникающие в блюде с чаем, да лёгкий-лёгкий ветерок, улетающий в печную трубу. Марионетки под потолком наклонились к столу и замерли. Возможно, они видели что-то такое, чего не видел их создатель.

— Знаете, вы совсем не похожи на других невидимых восточных кошек, — сказал кукольник, чтобы избавиться от молчания. Молчание пристыженно забилось в угол.

— Да, я понимаю, — отозвался собеседник. — Эти из антициклона такие невежливые... Я, в общем-то, случайно здесь. И, собственно, не восточная невидимая кошка, а очень даже северная. Выбран делегатом в рамках программы культурного обмена... Изучаю особенности работы в условиях лёгких морозов. У нас-то на севере, знаете, совсем холодно — за пальцы не царапаешь, а кусаешь. А уж тыкаться в кого-то носами мы совсем не привыкли. Интересные методы... Только вот совсем околел, пока перебирался через хребет. Там, знаете, на одной вершине сидит такой важный и машет крыльями — ветер нагоняет.

В такой буре даже ваши смешные минус пять покажутся...

— Кто-то сидит? — переспросил кукольник.

— Дракон. Я, признаться, сначала хотел поговорить с ним, но тут полетели камни, по ту сторону сошло десять лавин, и желание пропало...

— Знаете, я, собственно, дракона и ищу... — заметил мастер, нервно сцепляя пальцы.

— Да? А зачем искать? Его же и отсюда видно, — удивился Ток. — Вон, глядите, точка, похожая на звезду на той горе. Ах, да, вы же меня не... Да-да, в той стороне. Нет, чуть левее. Верно. Видите, мерцает почти как звезда, но с места не двигается. Это лунный свет отражается в его чешуе. Странная штука! Солнечный свет в ней не отражается...

— Как же так! — воскликнул кукольник. — Это же та самая звезда, на которую смотрят все наши путешественники!

— Гм... — ответил собеседник, и блюдце задумчиво покачалось. — Видимо, и дракон может быть полезен.

III

— Очень надеюсь, что мы ещё увидимся. Увидимся, да... — Ток захихикал и случайно перешёл на мурчание. Мурчание резко прервалось: — Извините.

— Да. Обязательно увидимся, — погруженный в раздумья кукольник не заметил странности этого слова, а мурчание невидимого вежливого кота воспринял и вовсе как похвалу. Они стояли на крыльце дома, солнце поднималось над горными пиками, а звезда-дракон пропадала с небосвода.

— Что же это, нужно будет отправиться в путь ночью, — задумчиво заключил мастер.

— Главное, не забудьте взять с собою вашу храбрость, — заключил кот, зевнув и помахав хвостом. Ни того ни другого кукольник не заметил. — Удачи вам. Пришлите потом телеграмму. Я живу в Городе-среди-снегов.

— Обязательно, — отозвался кукольник. — Всего вам доброго!

Через несколько мгновений невидимый северный кот уже исчез с крыльца. На свежем снегу, выпавшем за ночь, остались его следы. Мастер поглядел на них, потом — на горный хребет, где звезда совсем потерялась на фоне разлившегося солнца, и вернулся в дом.

Начался седьмой день нового года. Сегодня вечером кукольник отправлялся к дракону.

— Тут не обойтись без дедовских сундуков, — произнёс он.

И действительно: вскоре несколько походных сундуков приволоклись в мастерскую, причём самостоятельно — суровый дед кукольника так муштровал своих солдат, что все остальные предметы из дерева тоже как-то произвольно усваивали часть воинской науки. Сундуки, например, выучились отбивать крышками маршевый ритм и волочиться по полу. Что же здесь необычного?

Необычного здесь нет совершенно ничего, а есть в другом. Сказка — на то и сказка, что в ней происходят всяческие чудеса, а вот простые вещи часто становятся совсем непростыми. То же самое случилось и с кукольником — он совершенно не знал, что взять с собой в дорогу, хотя, казалось бы, взрослый и в какой-то мере состоявшийся человек. Но, опять-таки, сказка — на то и сказка, что в ней происходят... Ну, вы и сами всё поняли...

Некоторые сказки способны совершать чудеса ещё и со своими читателями. Поэтому, чтобы путешествие кукольника могло продолжиться, читателю совершенно необходимо помочь ему собраться в дорогу. Поглядите, что лежит в сундуках у мастера и укажите то, без чего никак не обойтись в пути, а автор этих строк ручается за всё остальное. Давайте заглянем внутрь этой столетней рухляди...

Тёплый плащ с вензелем «Д»

Этот плащ — единственное, что может пролить немного света на фамилию кукольника или хотя бы на то, с какой буквы она начинается. Помимо прочего, он придаёт любой персоне совершенно полководческий вид и согревает в дальней дороге. Но самая главная его особенность в том, что сделан он из шерсти косматых яков. По легендам, именно такие плащи могут защитить своих обладателей даже от драконьего огня. Прекрасный выбор для тех, кто собирается покорить вершину, облюбованную какой-нибудь рептилией.

Серебряная вилка

Совершенно необходимая вещь в горах. Серебряную вилку можно использовать не только для того, чтобы пускать солнечных зайчиков, но и в случае, если вы вдруг наткнётесь на замок одинокого аристократа, живущего среди вершин. Поскольку это аристократ, то он непременно пригласит вас отужинать, но поскольку аристократ одинокий, то скорее всего не найдёт второго комплекта столовых приборов. Наличие изящной серебряной вилки, с которой не стыдно сесть за стол, несомненно, произведёт на него самое лучшее впечатление. Возможно, он даже подумает, что там, внизу, всё немного изменилось к лучшему и пора бы навестить родню...

Куриный бог на верёвочке

Полуистёртая пенька, соприкасаясь с шелковистой поверхностью амулета, вызывает воспоминания о лете. Говорят, что именно такие камешки носили на своих шеях моряки Ледоносной флотилии, чтобы не замерзать среди холодных вод и айсбергов.

Флотилия, корабли которой сжигали перед тем, как выйти в море, погибла у берегов Острова-на-самом-краю-света, после чего там и появилась область, впоследствии наречённая Жарким побережьем.

Куриный божок может помочь и кукольнику не мёрзнуть, поднимаясь к обители дракона. Хороший выбор!

Настоящая дедовская сабля

Дело в том, что рассказчик сказки немного лукавил в её начале — на самом деле кукольник носил с собой ненастоящую дедовскую саблю. Дед кукольника был сложным человеком и всегда имел при себе два клинка — настоящий и ненастоящий, которые менял местами каждый раз, когда встречал на своём пути улыбку красивой девушки. В итоге его путешествия зашли так далеко, что даже сам обладатель не мог отличить одно оружие от другого. Да и правда, как же понять, где какая сабля, если выглядят они одинаково? Единственное отличие настоящей сабли от ненастоящей в том, что настоящая может убить.

Однажды кукольник понял, какая из сабель — настоящая. Именно поэтому он спрятал её в сундук и никогда больше не доставал. И сейчас не будет.

Ключ от разрушенной двери

В мире множество дверей, но ещё больше — разрушенных. Что может быть загадочнее двери, к замку которой нет ключа? Только ключ, предназначенный для неизвестного замка. Деду кукольника приходилось наткаться на множество запертых дверей, но ключ он нашёл лишь однажды. Кукольнику неизвестно, открывал ли старик-полководец что-либо ключами. Когда он уходил из жизни, то отпер выход ударом ноги.

Так или иначе, ключ от разрушенной двери может подарить надежду — надежду на то, что на пути окажется подходящая дверь.

Подзорная труба со стёршейся гравировкой

На что можно глядеть через подзорную трубу? На предстоящий или пройденный путь. Она пригодится кукольнику и для того, и для другого, да к тому же выглядит очень красиво: дед кукольника вообще не держал плохих вещей, а уж эта подзорная труба совершенна. Несмотря на годы, проведённые в военных походах, и годы, проведённые внутри сундука, она не рассохлась и не потускнела, а медные обручи всё так же плотно стягивают её. Стёрлась только гра-

вировка. Но всё со временем стирается — даже что-то большее, чем гравировка.

Кукольник несколько часов собирался в поход, а всё остальное время спал, привалившись к сундукам. Сундуки поскрипывали, и кукольнику снилось, будто бы дом снялся с места, поплыл, а под ногами скрипит палуба и волны бьются в борта. Он видел длинный чёрный флаг, рвущийся с мачты, видел парус, надутый ветром, и, может быть, что-то ещё, но мы не знаем, что.

Проснувшись, кукольник поднял дорожный мешок, закутался в плащ и вышел из дома, держа курс прямо на звезду-дракона, и длинный чёрный флаг развевался где-то глубоко под землёй.

IV

Приступив к подножию горы, кукольник уже не мог увидеть Город-меж-горных-пиков, но даже если бы и мог, то ни за что не стал бы сейчас оборачиваться.

Вокруг пробивалась сквозь снег голубая трава, растущая даже в самые сильные морозы. Более того, в сильные морозы она росла ещё сильнее, как бы назло. По зарослям мастер понял, что морозы сильны как никогда, но тёплый плащ не давал ему почувствовать холода.

Помимо вещиц из сундуков, кукольник взял в дорогу ненастоящую дедовскую саблю, придававшую

бравый вид, съестных припасов — побольше, из расчёта, что придётся с кем-нибудь поделиться, а также множество всяческих полезных мелочей.

Сейчас, вспоминая прочитанную брошюрку и запивая воспоминания горячим чаем, приготовленным на костре, кукольник сначала понял, что следовало, наверное, положить в карманы чуть больше храбрости. А потом вдруг осознал, что нет — не следовало. Храбрости, конечно, недоставало, но в то же время было как раз столько, сколько нужно.

Бросив в костёр последний пучок голубой травы, мастер подхватил мешок и ступил на тропу, ведущую наверх. Хотя, конечно, не было там никакой тропы — тропа появилась уже после того, как путешествие закончилось, но явь и время в сказках так тонки, что иногда цепляются друг за друга хвостами и спутываются... Так вот, кукольник ступил на тропу, которой, конечно, там не было. И пошёл наверх. Пройдя несколько шагов, он понял, что ещё никогда не забирался так высоко, хотя находился почти у самого подножья горы. Это обстоятельство рассмешило путешественника, и дальнейший путь был уже чуть-чуть веселее.

Солнце взошло несколько часов назад — тогда, когда путник ещё не подошёл к горе, но уже мог по-

нять, куда идти, не ориентируясь на сверкающую под лунным светом чешую дракона. Теперь совсем рассвело, и снег глотал солнечные лучи, а валуны казались драконьими головами, задранными кверху. Деревья становились всё меньше и попадались всё реже и реже, пока не уступили место какому-то отчаянно огромному пространству, такому большому, что даже воздух не мог занять его полностью, метался в разные стороны, и чувствовалось, что его не хватает. Дыхание захватывало; редкие и приземистые ёлочки, пробивавшиеся между камней, казались последними иглами, которыми лес пытался зацепиться за гору, но сползал с неё в пропасть. Словом, гора была высока. Да, высока.

Кукольник перепрыгивал с камня на камень, балансировал на качающихся валунах, гладил их за каменными ушами и прыгал дальше, иногда останавливаясь, чтобы посмотреть вниз. Там ветер кусал вершины ёлок, а ёлки качались от недоумения. Земля иногда дрожала под ногами — но это вполне нормально, если подниматься на гору, облюбованную драконом. Тут и там из камней были сложены пирамидки — конечно, совсем не людскими руками. Сами камни складывались в пирамидки. Почему? Никто не знает.

Это был *первый день подъёма на гору*, которую кукольник назвал Лунной. Именовать её Драконьей было глупо и неинтересно, а поскольку Луна самым прямым образом влияла на обитателя горы, то название пришло само собой. Это был самый ясный день. Во всех смыслах.

На пути возникали остовы древних кораблей, скрипевшие под шагами и шелестящие давным-давно сгоревшим такелажем. Солнце так сильно билось о кристаллы соли на гулких сухих досках, что соль звенела, трескалась и сыпалась. Сыпалась с остовов, летела вниз, всё ниже и ниже, пока не оседала на крышах и шпилях Города-меж-горных-пиков.

Это был самый ясный день, и все кафе открыли свои террасы, а все супы, поданные сегодня, были безнадежно пересолены. Невидимый восточный кот, прячущийся от самого ясного дня под каким-то крыльцом, выглянул в щель, принюхался, протёр лапой воздух вокруг себя и вздохнул.

Соляные линзы глотали свет, и те остовы, которые ещё не сгорели, загорались, а те, которые сгорели, — загорались вновь. Пока кукольник шёл, все корабли вокруг горели так, как могут гореть только древние корабли. Путник снял плащ, потому что было слишком жарко, но снова надел его после того, как стало слишком холодно от ветра, накопленного кора-

блями за годы плаваний и теперь освобождённого из пылающих парусов — пусть давно истлевших, сгнивших, ушедших в землю, но пылающих только сейчас. Снег таял, поднимался дым, и гора издалека казалась обведённой толстым грифельным стержнем — точно таким же, каким была обведена на карте в доме, похожем на перевернутый корабль.

За светом горящего дерева кукольник не видел неба. Когда последний остов догорел и холод, забившийся ближе к вершине, вернулся на место, звёзды уже дрожали на небе бумажными журавликами — простыми бумажными журавликами, но настолько далёкими, что следовало проявить почтение хотя бы к этому расстоянию, — расстоянию даже большему, чем между часами на ратуше Города-меж-горных-пиков и сном часовщика, когда-то приезжавшего собирать их с другого конца света, края света, который держится, по большей части, на пружинах, маленьких болтиках и словах со слогами «тик» и «так».

Звёзды уже дрожали на небе. Кукольник вспомнил о Правиле VIII и подумал, что следует, наверное, о чём-то спросить. Бумажные журавлики спокойно ждали, покачиваясь на тонких нитках где-то невыносимо далеко от Лунной горы. Откашлявшись, мастер задал вопрос голосом, надтреснутым от дыма и долгого молчания:

— На скольких ниточках я подвешен?

— На одной, — ответили журавлики, но кукольник не различил, каким голосом. Да и был ли это голос вообще?

— На одной, — вторила гора.

— На одной, — повторил кукольник и запахнул плащ. Это значило, что он владел своими руками, ногами и даже головой: только сердце было несвободно, потому что самая первая ниточка всегда стягивает его. Сердце вздрогнуло, и мастер почувствовал узлы, завязанные где-то внутри, и пошёл вперёд, пока солнце окончательно не скрылось за нитью, называемой «горизонт», и пока бумажные журавлики не запели свою ночную песню, которую никто-никто никогда-никогда не услышит.

Пробираясь через сгоревшие остовы, кукольник пачкал руки в золе и согревался в дыхании тлеющих досок. Дойдя до самого верхнего корабля, он отыскал несколько гладких и горячих камней, прикатил их к тёплым бортам и, завернувшись в плащ, улёгся среди шипящих валунов, и ему было совсем неинтересно, что валуны об этом думали. Да и сам кукольник ничего сейчас не думал — он обнимал горячий камень под своим плащом. Ночью плащ превратился в уютный и надёжный кокон. Именно в такие коконы превращаются одеяла в детских спальнях, что, впрочем,

неудивительно — дети сами недавно из коконов и всё вокруг них принимает похожие формы. Кроме того, что живёт под кроватями. Хорошо, что сейчас у кукольника не было кровати. Под ним была твёрдая земля, из-под которой пробивались редкие пучки голубой травы.

Так кукольник и заснул.

V

К утру кукольник пришёл в себя — к тому самому утру, когда звёзды ещё видны на небе и солнце пробивается где-то там, и пусть себе пробивается. Пучки голубой травы за ночь разрослись, притянули мастера к земле, запутались в волосах и в ремне дорожной сумки. Пришлось потратить немного времени, чтобы освободиться от пахнущих печалью стеблей, отрезая их ненастоящей саблей.

Костёр уже горел. Здесь та же история, что с тропинкой — некоторые вещи в сказках случаются преждевременно — и тем самым случаются вовремя. Некоторые запаздывают, как телеграммы. И всё равно случаются не зря. На этот раз костёр из пучков голубой травы был разведён прежде, чем кукольник срезал её с себя. Это было кстати — за ночь пепел кораблей остыл и сейчас ветер поднимал его целыми потоками. Чёрный шлейф из золы — медленно-медленно, понимая, что теперь-то уже некуда спешить, — разворачивался над склоном, скатывался вниз, летел

над ущельем куда-то к северо-западу, к морю. Мастеру пришлось спрятаться за большим камнем, чтобы позавтракать и немного посмотреть вниз. Камень словно погрузился в течение широкой и мелкой реки — потоки огибали его и снова смыкались чуть ниже. Позже, когда кукольник встал и пошёл вверх, чёрное течение било его в грудь, и он хватался за камни и всё, что попадалось под руку, будто бы переходил реку вброд. Под ноги снова лёг лёд.

Потом начался снег.

Едва-едва различая очертания мира, кукольник глядел вокруг из-под капюшона плаща. Валуны в такую погоду принимали странные очертания, возникая в снежном тумане как осколки древнего меча, разбросанные по горе. Валуны даже звенели как металлические — дело, наверное, было в холоде, а может быть и в чём-то другом. Всё-таки никто не знает, холод ли делает звенящие валуны такими звенящими, или звенящие валуны делают холод холодом. Это же непростая гора и дело тут даже не столько в драконе.

Каменная дорожка проглядывала из-под снега, иногда под ногами скользили два-три отполированных булыжника и снова терялись в снегу. Мастер то и дело стряхивал с плеч сугроб, который бесшумно рассыпался за спиной, но через несколько минут не-

изменно появлялся снова. Теперь всё казалось далёким — и сгоревшие корабли, и еловый лес у подножья горы, и, тем более, Город-меж-горных-пиков. Всё как будто пропало. Осталась только вот эта дорожка, петляющая между туманных силуэтов; медленно сереющее небо (хотя, казалось бы, куда ещё сереть) и руки, что-то ищущие в карманах, но находящие дай Бог, если хоть пепел. Это был *второй день*, и день исчез в снегу, и эта высота, высота... как же всё-таки высоко он поднялся!

Голубая трава иногда выглядывала из дымки, а на дорожке встречались кирпичи, надвое расколотые её стеблями. Когда стемнело, редкие побеги стали вспыхивать сами по себе, горели вокруг кукольника, уходили куда-то вверх, вверх. Иногда мастер опускался на колено перед таким горящим пучком и отдыхал, протягивая к нему руки. Пучки горели долго. В тумане огонёк приобретал расплывчатость — как свеча за матовым стеклом.

Ступая по камешкам или пробивая дорогу в снегу, кукольник шёл вверх, и подъём оставался всё таким же пологим, как раньше. «Странно, — думал кукольник. — Издалека гора казалась крутой». Пологость подъёма как-то не веселила — дорожка тянулась шаг за шагом и никак не кончалась. Откуда она вообще взялась? Да никто не знает.

Черты лица мастера высвечивались огоньками. Они как-то поменялись, но сложно было сказать, как именно. Может быть, взгляд стал печальнее. Это, в общем-то, неудивительно, если идти к дракону. Именно поэтому рыцари нечасто заходят в города — им, может, и хотелось бы, да тревожить людей своим взглядом как-то неправильно. Да дело тут не совсем в драконе. То есть в нём, конечно...

Крепость выплыла из дымки как железный корабль, болтающийся где-то в северных морях. Да у крепости, наверняка, было что-то общее с таким кораблём — во всяком случае, якорь размером с ратушу, вогнанный в скалу неподалёку, точно был снят с железного северного корабля. Мастер совсем близко подобрался к крепости, не различая за туманом, не в силах отличить огоньки её зарешёченных окон от горящей голубой травы. Теперь туман клубился вокруг стен, сложенных из того же самого булыжника, что и дорожка. На самом деле, крепость была небольшой — даже меньше якоря. Но много ли крепостей мастер видел за свою жизнь?..

«Какие уж тут воздушные замки?» — подумал кукольник и приблизился к воротам, на которых когда-то был нарисован герб. Сейчас от герба почти ничего не осталось — краску сдул ветер и смыл снег. Даже железное кольцо было изъедено сырой погодой, позеле-

нело и разрушилось. Взявшись за него, мастер трижды постучал. Через пару минут ворота распахнулись.

Сжимая в руке факел, за воротами стоял Аристократ и прикрывал лицо ладонью. Ветер терзал его лисий воротник. Воротник то и дело огрызался. Кроме Аристократа и кусачего воротника за воротами никого больше не было. Кукольник поклонился.

Аристократ стоял молча ещё какое-то время. Затем заскрипели дверные петли. Потом кукольник понял, что это вовсе и не петли скрипят, а хозяин замка разговаривает. Какого ещё голоса ждать от хозяина замка?

— Вы мне кого-то напоминаете. Ваш плащ, и дорожная сумка, и усталый взгляд...

— Видимо, любого другого путника? — ответил кукольник.

— Видимо. Но всё же, — проскрипел Аристократ. — Впрочем, окажите услугу, войдите внутрь. Гости приходят так редко...

VI

А гости в замок приходили действительно редко. Аристократ даже выглядел от этого как-то особенно — черты его лица изрядно поистёрлись. Да и как же могло быть иначе, если за ними никто не наблюдал? Ярким оставался только взгляд, но это тоже неудивительно — каждое утро Аристократ глядел на

себя в зеркало, но смотрел исключительно в глаза. Собственно, поэтому-то он и не замечал изменений.

Не замечал их и слуга, похожий на покосившуюся водокачку. Слуга давным-давно привык почтительно наклонять голову в присутствии хозяина, поэтому первым разгадал загадки узоров на коврах, покрывавших пол, но не притронулся ни к одной загадке Аристократа.

Изнутри замок был того же цвета, какого бывают буквы, оттиснутые на обложках толстых книг. Всё здесь было в порядке — в таком порядке, в каком только может быть замок Аристократа. Занесённый снегом, он долгие годы держался на месте и держится поныне. Даже лавины не смогли потревожить стен, булыжник которых напоминал засвеченную фотоплёнку в солнечную погоду и вовсе не был виден в пасмурную.

С хозяином замка всё было в точности до наоборот: в солнечную погоду белая рубашка сливалась со светом, а в пасмурную — маячила в каком-нибудь из окон на башне. В башне Аристократ что-нибудь читал или писал, сидя за длинным столом. Такой стол тянулся бы из угла в угол, если бы в башне были углы, а так ему просто приходилось возвращаться в начало. Из окна башни был виден якорь, который удерживал замок на месте, даже если сходила лавина.

Собственно, только такой замок и мог бы устоять на горе, где живёт дракон.

Аристократ пригласил кукольника к столу и сначала был ужасно расстроен тем, что даже приличной серебряной вилки перед гостем нельзя было положить, а потом — ужасно рад тому, что у самого гостя обнаружилась такая вилка, удивительно подходящая к набору.

По случаю нежданного визита в зале ярко разожгли камин и засветили лампы под потолком. Было тепло и спокойно. Кукольник начал было удивляться тому, как попал в такое место, но скоро удивляться расхотелось. Хотелось есть и спать, или, на крайний случай, спокойно посидеть в кресле. Потом затянулся разговор — как будто и не было этого долгого подъёма, горящих кораблей и голубой травы.

Аристократ отвечал:

— Я здесь совсем один, если не считать прислуги. Их трое. Правда, двоих я не видел уже несколько лет — даже не знаю, где они, а старого слугу просто невозможно считать. Поэтому я совсем один, но в компании, в компании, конечно. Раз в год-другой заглядывают и путешественники...

— Но замок такой большой...

— Да. Но все куда-то подевались. Когда я был маленьким, здесь было много народа — помню бабушку, которая сначала полжизни чего-то ждала, а потом

полжизни ждала ещё чего-то; помню маму, которая рассказала мне всё это; не помню дедушку. Он был, конечно... Я, конечно, его видел. Всё это неудивительно — с мужчинами в нашей семье как-то не ладится — всегда они куда-то... Кроме вот меня. Помню отца. Он был настоящим сказочником, мастером своего дела. Всю жизнь хотел ставить спектакли, но ничего не получалось. Он говорил, что нет ничего хуже рассудка, которому оторвали руки. Ему всегда не хватало чего-то, чем он был безнадежно обделён. Однажды ушёл на восток. Что-то искать. Так и не вернулся, — Аристократ позвенел ложечкой в печальном стакане. — Через какое-то время я остался один...

— Почему же вы не?.. — попытался спросить кукольник.

— Потому что кто-то же должен здесь оставаться. Приказывать чистить фраки, доставать столовое серебро, выбивать гобелены. Смотреть из окна на снег. На горячий чай дуть... Встречать вас, в конце концов. Пытаться не утонуть в темноте.

— У вас очень тёмные коридоры, — кукольник позвенел ложечкой в стакане и взглянул сквозь стекло на камин. Огонь расплылся.

— Вот уже сто лет, как в этих краях совсем рано темнеет. Я жгу всё меньше и меньше свечей вечерами, потому что запасы иссякают. Вы не могли

бы отправить мне пару обозов, когда вернётесь в город?..

— Если получится, — ответил кукольник. — Почему же так мало света?

— Всё дело в той горе, — собеседник показал рукой на окно, прямо за которым виднелась другая гора. — Уже сотню лет она загораживает солнце.

— Всего сотню лет? — спросил кукольник.

Тогда одинокий аристократ рассказал свою историю:

— Когда-то давно, когда этот замок был ещё полон людей, пришёл человек, с лёгкостью поднимавший крепостную решётку и такой громкий, что его топот всё ещё иногда можно услышать в коридорах. Говорят, что на ужин приходилось подавать целого быка, которого гость мог съесть в одиночку и не наесться: приходилось подавать ещё тарелочку супа, чтобы заморить голод. Он вёл за собой целую армию, но постучался в ворота точно так же, как и вы — совершенно один. Разве что, несколько громче постучался... Войдя он ничего не требовал. Правда, ничего и не отдал... Но увидел глаза моей бабушки и остался здесь на три дня — а может быть и больше, потому что несколько раз переводил стрелки часов назад, и солнце послушно перекатывалось по небу в обратную сторону. Армия в это время катала валуны, та-

скала камни и щебень, и в итоге насыпала новую гору по соседству с этой. Гору, которой он не дал названия, но говорил, что построит на ней замок, когда вернётся. «Чтобы видеть тебя из окна», — говорил он моей бабушке. Когда они расставались, то подарили друг другу подзорные трубы, сделанные из ясеня, меди и солнечных лучей, застрявших во льду. Он говорил: «Это, чтобы видеть друг друга отовсюду». Вот она, эта труба, — Аристократ указал рукой на каминную полку. — Только вы знаете, что-то гравировка стёрлась...

— Да, да, — прошептал в ответ кукольник, чувствуя, как тающий снег или что-то ещё стекает по щекам, — гравировка стёрлась...

Мы и сами не знаем, почему кукольник так опечалился. Может быть, это стены замка, который потерял всё раньше, чем разрушился, пели слишком грустные песни и звонили слишком грустными каменными колоколами. А, может быть, мастер просто вдохнул слишком много дыма от голубой травы. Голубая трава вообще опасна. Недаром её старательно выкорчёвывают в городах и вдоль дорог. Кому нужны печальные города?..

Так или иначе, кукольник не задержался в замке. Переночевав, он вежливо отказался от предложения Аристократа погостить подольше и только справился у него:

— Не подскажите, который час?

Пока Аристократ искал по всему замку часы, которые показывали бы правильное время (а в замке не было таких часов, потому что часть из них отставали, когда дракон махал своим хвостом справа налево, а часть принимались спешить, когда дракон махал хвостом слева направо), мастер поменял местами подзорную трубу из своей дорожной сумки с той трубой, что стояла на камине. Зачем? Отправьте в Город-меж-горных-пиков телеграмму и спросите сами. Должны же какие-то вещи происходить просто потому, что должны произойти, или потому, что кто-то считает их необходимыми. Автор сказки вовсе не думает, что такая подмена правильна, но сам, наверное, поступил бы точно так же, если бы был на месте мастера. А он не на месте мастера. Поэтому даже не догадывается, почему тот так поступил.

Когда кукольник проходил через двор к воротам, он увидел, что лисий воротник на плечах Аристократа надет обратной стороной, а рубашка хозяина замка такая же чёрная, какими были крепостные камни, а крепостные камни такие же белые, какой была рубашка. «Здорово! — подумал кукольник. — Теперь Аристократа будет видно днём, а его замок — ночью. Лучше ли это, чем то, что было раньше? Нет, не лучше... Но, наверное, немного интереснее после стольких лет взаперти».

За тот вечер, пока мастер смотрел на Аристократа, черты лица последнего кое-где проявились поверх полупрозрачной бумаги, что служила ему кожей. Вылезли тонкий нос, часть щеки, нахмуренные брови. «То ли ещё будет», — подумал кукольник, прощаясь у ворот. На воротах всё так же красовался стёртый ветрами герб. Герб не приобрёл ничего нового. Потому что даже в таких историях есть вещи, которые утрачиваются навсегда.

VII

Теперь было снежно и темно. Когда белая точка замка пропала из виду, то пропало и солнце. Или наоборот — сначала пропало солнце, а потом — белая точка замка. Без разницы... Важно то, что, сколько бы кукольник не просил солнце подвинуться немного правее (а он понимал, что это, наверное, драконий хвост, хоть его и не видно за пургой и туманом, загораживает светило), оно не подвигалось.

То ли книжка соврала, то ли солнце было несговорчивым, то ли дракон слишком большим, но на Лунную гору навалились фарфоровые осколки, и всё вокруг стало холодным и фарфоровым. Тогда кукольник посильнее закутался в плащ и зашагал, расталкивая ногами снежные заносы. Голубой травы становилось всё меньше и меньше, пока последний пучок не скрылся под снегом. Теперь мастер шёл один.

И это был самый одинокий человек на земле.

VIII

Пещеру мастер нашёл случайно, и Бог знает, что случилось бы с ним и со сказкой, не наткнись он на обломок скалы, прикрывавший её.

Внутри было темно. Темнота — это совсем не страшно, куда страшнее холод. Темнота — это совсем не страшно, особенно после того, как кукольник достал из побелевшей сумки подзорную трубу. Солнечные лучи, когда-то застрявшие во льду, а теперь — внутри трубы, затрепетали, и стены пещеры впервые за тысячи лет увидели свет. Стены пещеры не удивились. За тысячи лет кто угодно разучится удивляться.

Маленькие солнечные лучи жались друг к другу и совсем не грели. На такой высоте не грел уже и тёплый дедовский плащ, способный защитить от драконьего огня. Что толку! Мастер пока ещё не дрожал на холоде — из гордости, — но чувствовал, как дрожит ненастоящая сабля. «Настоящая бы так не дрожала, — думал кукольник, — у настоящей было достаточно времени, чтобы согреться». Металл колотил по бедру, и кончик клинка рыскал по земле, пытаясь найти и срезать суховатую голубую траву, из которой так хорошо разводить костры. Голубой травы в пещере не было. Не было её и снаружи.

Мастер окунул руку в темноту, которая лежала за валуном, прикрывавшим выход. Темнота сомкнулась вокруг ладони и долго не отпускала перчатку странника. Он дёрнул сильнее, темнота с треском разошлась и тут же захлопнулась вновь — уже на пустом месте. Перчатка покрылась льдом и ещё чем-то непонятным, вроде тоски. Мастер с грустью вспомнил замок Аристократа.

Усевшись на плащ, кукольник попытался уснуть, но как уснёшь, если целый эскадрон невидимых ледяных кошек рвёт твою кожу на части. Впрочем, это сложная ситуация: ледяные кошки одновременно были рядом (иначе мастер не чувствовал бы холода, уж поверьте), но при этом ни одного существа поблизости не было. Кукольник оставался самым одиноким человеком на земле, и даже вездесущие кошки сами себя выносили за скобки, оставляя в реальности только собственные зубы. Кукольник оставался самым одиноким человеком на земле, настолько, что даже автор сказки никак не причастен к этому одиночеству: одиночество само себя питает. Никому не пожелаешь той ледяной пещеры.

Что оставалось делать? Шарить по карманам.

Кукольник потянул и достал тонкий обрезок бумаги, на котором была напечатана телеграмма, потом второй, третий... Бог знает, сколько их было сохранено

за годы в Городе-меж-горных-пиков. Ворох бумаги рос. Потом мастер сомкнул челюсти и высек огонь из двух солнечных лучей в подозрной трубе и собственного молчания. Огонь пополз по первой телеграмме, потом заискрился на бумажной пыли, всегда наполняющей нижнюю часть карманов. Острый дым полез в глаза. Вслед за первой бумагой в маленький костёр полетела вторая. Кукольник придвинулся поближе и накрылся плащом. В это время темнота у входа стала каменной, неспособной пропустить внутрь даже ветра. «Тем лучше, — подумал кукольник, — тем лучше...»

Что там горело, в костре? Никто не знает. Некому было посмотреть. Наверное, расползались во все стороны буквы, смешивались с пеплом и летели прочь — сначала в вихре внутри пещеры, потом сквозь щели в каменной темноте, по ветру, сделанному из железной стружки; летели над хребтом, над замком Аристократа, разглядывающего себя в зеркало, над спящим и тёплым Городом-меж-горных-пиков, в котором никто никогда не гасит огонь, над невидимым северным котом, завывающим в чьй-то трубе; осыпались над континентом, над далёким морем из фиолетового картона, над далёким-далёким Городом-на-краю-света и даже над краем света, все часовщики которого утром ахнут, потому что все часы к утру остановятся из-за этого пепла. Все часовщики ахнут

и запоют свои тяжёлые песни, а бумажные журавлики далеко-далеко-далеко в вышине подхватят песню тонкими голосами, но никто никогда не услышит их.

Мастер не читал телеграммы, — какая разница, — мастер всю ночь бросал в огонь то один, то два обрывка, а под конец бросил и камешек-куриный бог, который вспыхнул и жарко горел несколько часов. Только этот огонь сохранил гордость кукольника. И жизнь. Под утро ни то, ни другое уже не имело для него никакого значения.

Когда темнота стала чуть менее тёмной, а тучи прибились к земле, мастер вышел из пещеры. Подзорная труба в руке освещала снег вокруг, но всё это было уже неважным. Кукольнику потребовалось сорок шагов, чтобы подняться к вершине. И всё.

IX

1.

Меня, — говорит, — ни золото, ни огонь

Не берут. Ни вино, ни меч.

Я здесь сто сорок стеклянных зим

и примерно столько же лет

пел

свою речь.

2.

Я, — говорит, — всякого повидал

И всякого нет.

И такие как ты бывали,
выли.
Где посадят, там и сажу.
Смотри,
снег.
Если б не сказка, так вряд ли я здесь
был бы.

3.

Не ты, — говорит, — меня ставил
и сменишь не ты меня:
не тебе отменять
правила,
не тебе выгонять
вон.
Это ведь сказка:
лазеек
глазами не обзреть,
но я со своим хвостом
не пролезу
ни в сеть
ни в сон.

4.

Помогать не буду. Тебе и не надо.
Всё сожжено.
И чего тебе там
Не жилосьь —

ниже?
Телеграммы? Глупости!
Главное
провод —
веретено,
пряжа
на нити
к костям
вашим.

5.

Видишь, — говорит, —
как прядётся нить,
костяные колокола зазывают холод,
как растёт мой клубок?
Прекрати, — говорит, — выть,
прекрати, — говорит, — выть,
ничего такого
ничего, — говорит, — такого.

6.

Ничего, — говорит, — не осталось,
ну что ж теперь
вот тебе моток моих ниток,
спускайся
да делай дело.
Ну что же ты плачешь, мастер?
Я снимаю тебя с креста,

победил
делов ли —
до ста
достаточно
вспоминай, где мы.

7.

Спускайся да делай кукол,
вставай,
вставай!
Я здесь поставлен не для того,
чтобы было просто.

Прекрати,
у меня на двенадцать лет
одна слеза,
я её берегу не на ваши слёзы.

8.

Один говорит и машет хвостом,
второго бросает в дрожь,
и тянется красная нитка от сердца выше.
Один говорит и машет хвостом,
второй ничего не слышит,
и тянется красная нитка до самых звёзд,
и тихо стекает какое-то пение в темноту...

Челябинск, 04.01.17 — 28.03.17

Илья Рысев

Девушка с Уэлшем

В вагоне-ресторане поезда дальнего следования я разделил компанию с девушкой в блузе с пышными полупрозрачными рукавами, украшенными причудливой вышивкой. Она читала роман Ирвина Уэлша. Я уже знал, что она — фотокорреспондент журнала. На столе перед спутницей стояли пепельница, над которой вился шальной дым сигареты в мундштуке, и бокал с виски, передо мной же лежал раскрытый толстый ежедневник с перьевой ручкой. «Вот так особа, — думал я, скользя взглядом по фигуре девушки. — Просто комок противоречий. Вроде нежное создание, а в руках грязный роман и сорокаградусный напиток в бокале вместо слабенького игристого вина». Я-то пил банановый ликёр и пытался вести путевые заметки. Чем же ещё может заняться корреспондент газеты в дальней дороге? Однако мысли мои разбегались, рука с перьевой ручкой нерешительно замирала над линованными страницами, пачкая их кляксами, а взгляд вновь и вновь, порой и исподтишка, возвращался к моей новой знакомой. Между нами царило умиротворение, непринуждённое молчание, и во всём вагоне с какой-то ленивой

тишиной царствовал ничем не передаваемый быт, создававший иную атмосферу течения жизни, знакомую лишь людям, связанным или хорошо знакомым с железной дорогой.

А за окном жизнь кипела. Сверкали яркие вспышки молний, раскаты грома грохотали на разъярённом небосводе. Огромные, недовольные таким стечением обстоятельств тучи навязчиво угрожали покарать наш поезд и его пассажиров за нарушение степенной жизни всеми забытой равнины. Я ожидал ливень чуть ближе к обеду. Сильный ветер, бивший в окна вагона-ресторана, так и норовил поднять его и весь состав в воздух и унести в неизведанные дали.

Кто-то, в другом конце вагона, раскрыв окно и необузданные порывы ветра начали трепать тяжёлые зелёные шторы из бархата, словно это был лёгкий прозрачный тюль или невесомая фата невесты.

Раз уж строки не шли, решил себя не мучить. Отложил перо, захлопнул ежедневник, надеясь этим слабым хлопком привлечь внимание. Даже бровью не повела. И тогда я сказал:

— А ведь мы сидим тут целое утро, а ты так и не назвала мне своего имени.

— А зачем? — удивлённо спросила она, отложив наконец-то книгу. — Мы лишь случайные собеседники и временные друзья. Ты, Игорь, выйдешь на одной

забытой Богом станции, а я на другой. Так что будет лучше, если останусь я для тебя девушкой с Уэлшем, а не какой-нибудь Зинкой, которая села в поезд в деревне Зобовка, что под Тихим. — Да, способна на острое словцо!

— Может и лучше, — криво усмехнулся я и немного задумался. Потом снова вдруг перешёл на официальный тон: — Как вам ваш вагон? Говорят, что поезд должен быть таким, чтобы пассажир в него сел и просто не захотел покидать!

— Проводница хамоватая, а в остальном просто рай, оттого и сижу уже второй день в вагоне-ресторане, изредка заказывая что-нибудь, чтобы не прогнали — мол, место зря занимаю, — разрядила она обстановку.

— А у меня курсанты в купе. Шумят, отдыхают.

Пока я говорил, девушка смотрела в окно, подперев подбородок ручкой, тонкое запястье которой было украшено серебряным браслетом.

— Так долго по этой равнине едем... Мне даже кажется, что все мы умерли давно, а теперь словно бы путешествуем по этаким стальной реке мёртвых в царстве Аида. Какие, порой, только мысли не приходят в голову...

— Да, это точно, — я усмехнулся, вспомнив одну историю. — Знаете, как-то со мной произошёл лю-

бопытный случай, и как раз-таки эти всякие мысли и сделали его для меня особенным. Я тогда был студентом и снимал комнатку в общежитии, окно которой выходило прямо на дорожную развязку. Порой, сидел ночами с кружкой кофе и засматривался на вереницу горбатых фонарных столбов, угрюмо несших свои посты вдоль трассы, разглядывал пыльные бетонные аллеи. Но как-то в марте я немного загулял с другом и меня пару дней не было дома. Вернувшись, я очень ранним вечером лёг спать, мне хотелось выспаться перед занятиями. И вот, в час ночи, раздаётся стук в мою комнату. Не приглушенный такой, как ко мне стучались соседи, а требовательный, громкий, как стучат костяшками пальцев. Я вскочил, испуганный частым и непонятным мне стуком. Сообразив, что колотят в дверь, выглянул в глазок, и как вы думаете, что я увидел в общем коридоре?

— Что же? — послушно спросила она улыбаясь.

— Ничего! Коридор был пуст, никого не было! Но тут стук повторился. У меня даже по спине холодок пробежал. Сейчас всё кажется глупостью, но тогда даже напугало. И, не знаю зачем, открыл дверь, и, завёрнутый в одно одеяло, выглянул в коридор. Перед мной стоял простой забулдыга, каких можно наблюдать у разных магазинов, стреляющими мелочь на пузырь. На нём был замызганный свитер, весь

вытянувшийся, в непонятных пятнах. Грубая кожа лица была покрыта щетиной. В уголке губ в полумраке коридора тлел огонёк измятой сигареты, с которой сыпался пепел, застревавший в шерсти свитера. С трудом сфокусировав свой взгляд на мне, он пробубнил нечто вроде: «Ой, не туда!» Развернулся и ушёл.

— Я бы на вашем месте не открыла ему дверь! — сказала девушка с Уэлшем. — У него мог быть нож!

— И я о том же подумал, заперев дверь и рухнув обратно в постель, обругав алкаша, перепутавшего двери! Я тогда так и не уснул. Включил музыку в наушниках и пролежал бы так до самого утра, не захвати моё внимание одна мысль, которая пронеслась бы и осталась не замеченной, не ухвати я её вовремя.

— И что за мысль посетила тебя? — серьёзно спросила она.

— Домовой! Меня навестил самый настоящий домовой, осматривающий ночами свои владения! — засмеялся я. — А меня не было несколько дней, вот и проверил, всё ли в порядке. Ну а я его обругал за такое беспокойство. Даже стыдно.

— Ох, да, действительно, что только не лезет в голову ночами! — поддержала она. — Но разве домовой — это не старец?

— А быть может у каждого дома он свой? Ну в общежитии домовой — это такой вот пропитой, но сердечный мужичок, а в дородном доме — старец...

Закончив рассказ, я уставился в окно, удовлетворённый её улыбкой.

— Со мной тоже была интересная история, — девушка улыбалась очень лукаво. — И случилась она также в студенческие годы. Есть у меня один друг! Мы с ним до сих пор поддерживаем связь, созваниваемся вечерами, болтаем. Случилось это на первом курсе, в декабре. Ему пришлось съехать с квартиры, которую снимал у молодой женщины, так как она завысила квартплату. Новое жильё он нашёл довольно быстро, заехал за пару дней. И как-то после занятий решил мне показать свои новые владения. Мне квартира очень не понравилась — ущербно выглядела. Её сдавала какая-то бабка через молодую риелторшу. Но это всё не суть. В квартире мне захотелось заглянуть в кладовую, вход в которую был загорожен старой горбатой кушеткой. Но для меня это препятствие — не помеха! — Смеясь, девушка развела руками. — Подобрал юбку, я всё же перелезла! Чуть не упала, но смогла! Кладовая была небольшой. Стены облупились уже очень давно, а доски пола не были хоть чем-то застелены. Почти всё место там занял небольшой крашеный комод, словно плачущий облуп-

пившейся краской, над которым повисли измождённые книжные полки. На них в каком-то неведомом мне порядке были свалены старые советские книги, уже вздувшиеся от влаги, ещё стояла пара ваз, задвинутых вглубь, к стене, и глубокое пластиковое блюдо, стоявшее на гряде детективных романов о сыщике Гурове. Из этого блюда выглядывала ножка стеклянного бокала. Я вынула его, повертела в руках, а затем поставила на самый край верхней полки и сказала своему другу, стоявшему за спиной и молча наблюдавшему за мной, что если ночью бокал упадёт, то лучше сразу съезжать, потому что ночью вылезла и случайно столкнула его какая-то нечистая сила, живущая, скорее всего, в комод. — Девушка засмеялась. Я же пока не видел ничего смешного в её истории. — Игорь, знаешь, а ведь посреди ночи меня разбудил звонок домофона. Это друг пришёл ко мне с чемоданом и своей величавой кошкой. Он был немного бледный и замёрзший. Сказал, что проснулся от звона быющего стекла, а заглянув в кладовую и увидев там этот несчастный разбитый бокал на полу, долго не раздумывая, собрал вещи и на такси поехал ко мне.

Девушка вновь засмеялась, и я поддержал её. Действительно, история немного комичная.

— Игорь, а ведь я так и не смогла убедить его, что, скорее всего, это кошка ночью разыгралась и случай-

но скинула бокал на пол. Он так и не поверил, что я просто придумала всё это. Впрочем, судьба меня за ту невинную шутку наказала, ведь ему пришлось прожить у меня пару недель, пока искал другую квартиру, а у меня аллергия на кошачью шерсть!

Тут уж я смеялся от души, не в силах сдержаться. Хохотала и она.

— Порой удивляешься, какую силу внушения для нас имеют слова тех, кто рядом, — девушка с полуулыбкой пожала худенькими плечами, подведя тем самым итог своей истории.

— А ты когда-нибудь чувствовала важность своей работы? — спросил я. — Бывало ли такое, что когда ты делала снимки, то понимала, насколько это важно и нужно?

Она задумалась, отведя взгляд в сторону и прикусив нижнюю губу. Наконец, слабо и неуверенно улыбнулась и покивала головой.

— Ты знаешь, да. История неприятная, но очень значимая. Я из маленького городка Алапаевска. Он находится в Свердловской области. Я довольно рано поняла, кем хочу быть, и поэтому упорно шла в журналистику. Благодаря этому, едва мне стукнуло восемнадцать, смогла получить должность корреспондента в «Алапаевской искре». На дворе — конец разгульных девяностых. Я это время запом-

нила благодаря пику наркоторговли, захлестнувшей всю страну. Мой Алапаевск эта беда стороной не обошла.

Было у нас за рекой цыганское поселение. Твердыня, из которой «дурманящее зелье» расходилось по всей округе. Сперва торговали лишь цыганки. Женщина в домашнем халате и с ребёнком ни у кого не вызвала бы подозрений, ведь наверняка вышла к соседке за солью. А сама разносила «дозы смерти». Скоро это поняли сотрудники уголовного розыска, сами горожане, уставшие терпеть наглых соседей на том берегу.

На борьбу с наркоторговлей в моём городе встали все. Всё вылилось в настоящий бой, в ночь с 19 на 20 июля, когда перед цыганской деревней собралась многотысячная, распалённая яростью толпа. — Девушка сделала паузу и горько усмехнулась: — И я оказалась в гуще событий, с фотоаппаратом, диктофоном и запасными катушками фотоплёнки в сумке. Рвалась в бой, не думая ни о чём. Помню, по чьей-то команде все разом зажгли факелы, и округу тут же озарило тёплым светом пламени, придавшим нотку нереальности происходящему. Почти сразу же толпа устремилась вперёд, захватывая поселение в кольцо. У меня перехватило дыхание, когда это необузданное течение подхватило и понесло меня. Я не могла противиться и так же воинственно шла плечо к плечу с

людьми, уставшими сдавать свой город торговцам смертью...

Попутчица замолчала. Я ждал, что она продолжит, но девушка с Уэлшем молча смотрела в окно и теребила прядь волос. Видимо, ей неприятно это вспоминать, но мне слишком сильно хотелось знать, что произошло дальше в том небольшом городке.

— Чем же всё закончилось? — спросил я.

— Мы смогли. Мы их выгнали.

Когда стемнело, попутчица начала собираться в своё купе. «А смогу ли я её отпустить?» — неожиданно задумался я. Мне вдруг захотелось услышать ещё её необыкновенные истории, насладиться смехом этой девушки.

Вот бывают же люди, знакомство с которыми очень приятно, ведь оно буквально вдохновляет нас на новые свершения. Мы, порой, даже посвящаем свои небольшие достижения этим людям. Неосознанно, конечно, подсознательно, не задумываясь. А потом хотим рассказать им о своих успехах, прозрачно намекая, что ты, мой случайный и неожиданный знакомый, вдохновил меня на эти свершения, за что и благодарен тебе. Мы даже не понимаем этого. Оттого я и не желаю отпускать свою девушку с Уэлшем. Уж очень приятным и вдохновляющим оказа-

лось знакомство с ней. Тем временем она сложила книгу и встала из-за стола.

— Давай увидимся завтра утром за этим же столиком? — спросил я, стараясь заглянуть в её глаза, прочесть в них ответ раньше, чем он слетит с прелестных губ. «Как по-детски я веду себя», — горько подумалось мне секундой позже.

— Нет, Игорь, я ночью схожу, — девушка чуть печально улыбнулась, пожала плечами и нерешительно направилась к тамбуру.

— Какой у тебя вагон? — обернувшись крикнул я, провожая её взглядом. — Я найду тебя!

Стоянка была десять минут. Мы прощались под отзвуки далёкой грозы. Проводница тактично отошла в сторону и сделала вид, что осматривает тормозные буксы. А я любовался своей девушкой с Уэлшем.

— Скажи, а почему такая нежная особа, как ты, читает такого сволочного автора? — спросил я, указывая на «Клей» Ирвина Уэлша в её руках и наблюдая за лёгкой улыбкой, что вновь озарила милое личико.

— Игорь, а ты любишь шоколад?

— Конечно! — ответил я, слегка обескураженный вопросом.

— А ты будешь есть шоколад каждый день? И не по одной плитке, а сразу несколько?

— Нет! — засмеялся я, силясь понять, к чему она ведёт. Что хочет сказать?

— Ну, а почему же ты не хочешь получать удовольствие от поедания шоколада каждый день?

— Но ведь он может мне просто надоест! Я люблю его!

— Точно так же я люблю жизнь! Она доставляет мне удовольствие, чарует и восхищает. Важен каждый прожитый миг! Но если я буду видеть в жизни только прекрасное, оно станет для меня обыденным! Посмотри, сколько вокруг унылых серых людей, которые не видят ничего яркого в своей жизни. Они пресытились ею. Я тоже боюсь таким образом разлюбить жизнь, как ты можешь навсегда пресытиться этим чёртовым шоколадом... — Горькая усмешка исказила её лицо. Она сняла очки и облизала сухие губы. — Но я нашла выход: Ирвин Уэлш. Он редкая сволочь, ты верно подметил. На страницах его книг мне удаётся услышать голос окраин и крики людей, которые захлебнулись в собственном дерьме и уже не в силах подняться с социального дна. Уэлш словно прививка, которая не даёт серости будней захватить меня. Прочитав очередной его роман, я понимаю, насколько же хороша жизнь, что бурлит вокруг. Он не даёт чувству пресыщения захлестнуть меня. Благодаря его книгам я научилась замечать счастье в

мелочах. К примеру, счастье в мимолётном поцелуе, который подарю случайному знакомому из вагона-ресторана!

Договорив, девушка прильнула ко мне и поцеловала. Но, к моему неудовольствию, слишком быстро отстранилась. Для меня это было слишком мимолётное наслаждение. Такое же неуловимое, как и её сбившееся лёгкое дыхание.

Она прошептала:

— Подобное чарует в жизни...

И ушла, оставив меня одного у скорого 55.

Фотография

(из цикла «Легенды Тихого»)

Когда Дмитрий открыл глаза после недолгого, тревожного сна, чудачки за рулём тёмно-зелёной «двенашки» не было. Зато на приборную панель был наклеен стикер, на котором чётким, убористым почерком было написано: «Увидела красивый кадр, ушла фотографировать. Вернусь минут через десять. Соня». Пожав плечами, юноша потёр шею, затёкшую после сна в неудобной позе. Следом он оглядел салон автомобиля.

На заднем сидении тихо сопела профессор Наталья Борисовна Рогачёва, курирующая их небольшую

группку филологов-первокурсников, отправившихся на практику по сбору фольклора в конце учебного года.

Рядом с профессором так же мирно спала Оля, девушка с миловидными кудряшками и яблочно-зелёными глазами. Дима порой ловил себя на мысли, что влюблён в неё. Но он никогда не позволял себе начать всерьёз обдумывать, смаковать на губах эту неловкую и наивную фразу: «Я тебя люблю». Глупости это, — думал он, постоянно замыкаясь в себе после. Впрочем, Олю совсем не интересовал Дмитрий. Она проявлял к нему полный спектр равнодушия.

Коля, третий пассажир, тихо похрапывал с заднего сидения автомобиля, уткнувшись лицом в тонированное окошко. Дима повнимательнее оглядел его. И что Оля в нём нашла? Обыкновенный самодур!

Дмитрия начало немного знобить. Накинув кофту на плечи, он бросил взгляд на наручные часы. Шесть утра. Они выехали где-то часа три назад. Решили, что на машине будет удобнее, нежели на пригородном автобусе. Да и сама Соня была не против стать «извозчицей» на некоторое время. Дима предполагал, что на экзамене за подобную услугу Наталья Борисовна вполне может «накинуть» ей допол-

нительные баллы или же будет лояльна, если вдруг Соня плохо выучит материал.

Дмитрий, продолжая размышлять об этом, слез с вполне удобного сидения и тихонько, чтобы не потревожить сон однокурсников и профессора, захлопнул дверцу. Паренёк, сладко потянувшись, обошёл «двенашку» по кругу, разминая затёкшие ноги. Затем открыл багажник, где валялись их рюкзаки, и нашёл затерявшиеся между ними термос и жестяную походную кружку, завёрнутую в целлофановый пакет, защищающий её от дорожной пыли.

Наполнив кружку горячим чаем, Дима присел на капот машины. Он вновь погрузился в свои безрадостные мысли. Сон в дороге казался ему спасением. Уж больно некомфортно он чувствовал себя в присутствии Сони. Отчего-то девушка была ему неприятна, хотя видимых и веских причин для этого не было. Только что фамилия у неё дурацкая — Сапраниди. Так почему же тогда было столь неловко рядом с ней? Глотнув чайку, юноша решил, что навряд ли найдёт на это ответ, не сможет нащупать коварную, постоянно ускользающую разгадку.

И тут он заметил Соню, что качаясь, неуверенной походкой брела по середине дороги, понуро свесив голову. Полупрофессиональный фотоаппарат раскачивался на хрупком плече девушки. Вид Сони

насторожил Дмитрия. Он с беспокойством смотрел, как тяжело она шагала по дороге. А вдруг упадёт? А если не удержит камеру, и та разобьётся? Да что с ней вообще случилось? — крутились в его голове вопросы.

Соня подошла к Дмитрию вплотную и почти сразу, не сбавляя шага, обняла, уткнув лицо ему в шею. Фотоаппарат тут же слетел с её плеча, не сильно ударился о капот. Дмитрий при этом весь напрягся, внутренне возмущившись объятиям Сони. Он, скорчив недовольную мину, развёл руки в стороны и терпеливо ждал, когда его отпустят и объяснятся. Лишь только когда Дима услышал сдавленные рыдания девушки, а ворот его футболки намок от её слёз, обнял Соню в ответ, поняв, что ей сейчас больше нужна поддержка, нежели его недовольное ворчание. Что же случилось?

Соня была влюблена в него. Поэтому была счастлива, когда задние места заняли и припозднившемуся Диме пришлось сесть рядом с ней. Молодой человек волновал её. Вот только разговор не клеился, и в какой-то момент, когда этот парень со странной фамилией Додонов уснул, она поняла, насколько же у них мало общего.

Расстроенная своим открытием, Соня полтора часа гнала по трассе, наслаждаясь мнимым одиночеством и композициями группы «Wardruna».

Уже рассвело, когда Соня своим зорким, натренированным взглядом фотографа совершенно машинально стала искать хорошие кадры. Так получается само собой, когда глаз уже намётан. Это приходит с опытом.

С обочин взлетали разные птицы, потревоженные шумом приближающегося автомобиля. Было очень красиво. Соня залюбовалась. Вскоре она начала смотреть по сторонам, ловя моменты жизни природы, притаившейся в рассветном часу на границе с цивилизацией.

Увидев мельком в тернистых кустах голову любопытной косули, Соня решила уже более не сдерживать свои творческие порывы. Девушка остановила машину на обочине Пятнадцатого шоссе, легонько выжав педаль тормоза под тихий храп Дмитрия. Побыстрому черкнув записку, она приклеила стикер на приборную панель. Достав из своей сумки, которая валялась в багажнике, фотоаппарат, Соня отправилась на поиски удачных кадров.

Природа буквально искрила жизнью на пробных снимках, что сделала Соня. Разглядывая эти кадры на небольшом экранчике недорогой фотокамеры «Сапоп», девушка решила, что её главный за сегодня снимок ещё не сделан, но, судя по всему, он должен получиться идеальным.

Девушка, держа наготове фотоаппарат, углублялась в лес, который находила чертовски великолепным, живым в этот ранний утренний час.

Поймав в кадр удивлённого ежа, что притаился под берёзой, немного запутавшись в прошлогодней траве и старых прелых листьях, Соня осталась довольна проделанной работой и решила возвращаться к машине.

Когда девушка вышла из леса, на краю открывшегося поля стоял уже начавший стареть незнакомый мужчина, одетый, можно сказать, с иголки, в рубашку и джемпер. Он словно бы высматривал её среди ёлок, берёз и сосен. Соня уверилась в своей мысли, что мужчина неспроста тут стоит, когда встретилась глазами с его напряжённым взглядом. Сперва Соня пыталась обойти стороной седого мужчину, но он не давал ей дороги. Смирившись, девушка всё же пошла ему навстречу, не сводя взгляда с его сухой, чуть сгорбленной фигуры.

— Места у нас тут не очень спокойные, внученька, — довольно приятным, успокаивающим голосом заговорил незнакомец. — Давай-ка я тебя доведу.

— Я и сама дойду, мне ваша помощь не нужна! — гордо заявила Соня.

— Все так считают, — устало пожал плечами старик. — Вот только каждому из нас порой нужен

проводник по этой жизни, который подскажет, что и как.

— Вы не считаете, что чрезмерно навязчивы?

— О нет, внучка...

— Идти мне совсем недалеко — лишь поле перейти, а там, в машине, меня и друзья уж заждались, наверное, — Соня специально решила упомянуть в разговоре, словно бы невзначай, о том, что она не одна здесь. Она хотела, чтобы этот неизвестно откуда взявшийся мужчина знал, что в случае чего к ней могут прийти на помощь.

— Уважь старика, внученька, прогуляйся со мной немного, — уговаривал он, назойливо следуя за девушкой. — А то я постоянно один тут, очень редко кого встречу на своём пути.

— Что же вы тогда тут делаете?

— Да вот, гуляю, внученька. Давно и часто тут брожу.

— Но зачем?

— Знаешь, внученька, чем больше хожу, тем больше думаю.

— А о чём?

— О разном, — седовласый мужчина пригладил густую, несмотря на возраст, шевелюру. — К примеру, о жизни, да прочем. Когда многое уже позади, о чём ещё можно думать?

— Ни о чём другом, видимо? — без интереса спросила Соня. Она уже поняла, что старику одиноко и не с кем поговорить о пустяках, оттого и решила ненадолго составить ему компанию. Ей-то что от этих рассказней? А старику приятно будет.

— Когда был молодым, тоже так думал, но вот, к примеру, увидел тебя с фотоаппаратом, — с воодушевлением говорил старик, — и задумался, а зачем люди делают фотографии? Вот ты, внучка, как думаешь?

— Наверное, чтобы запечатлеть момент? Ведь в нашей памяти воспоминания блекнут, а на фотографии событие всегда будет полно красок и жизни, — ответила девушка, не особо задумываясь ни над вопросом, ни над своим ответом. — Пожалуй, фотография — хранитель того самого прекрасного мгновения, что дорого сердцу. Иначе бы оно не оказалось в кадре, верно? Наверное, я делаю фото именно поэтому.

— Что ж, возможно и так, — старик нахмурил брови, призадумавшись над ответом своей спутницы. — Я же всегда думал, что фотография — это отражение такого параллельного мира, подобного нашему. Но зачем? Для чего люди создают эти копии? Уж не от того ли, что мир на фотокарточке — идеальный? И если мы существуем в нашем, физическом мире, значит, будем существовать и в том, парал-

лельном! Но раз тот мир идеальный, тогда, наверное, мы тоже совершенны... Должно быть, люди именно поэтому и пытаются создать свой идеальный мир, в котором существуем идеальные мы, но ведь при всём этом настоящие мы никуда не исчезаем...

— Я бы с удовольствием вас ещё послушала, но мы уже вышли к дороге, и мои друзья меня заждались, — от слов старика Соню пробрала дрожь. Какие-то неясные вещи он говорил. — Да нам и дальше пора ехать.

— Ну что же, не стану тебя больше утруждать своим обществом, внученька. Спасибо, что уделила внимание старику.

Соня, выйдя на дорогу, огляделась. Машины не было.

— Мы, внученька, немного сбились с пути, — сказал старик. — Вышли прямо на дорогу до Тихого, городок тут такой, дивное местечко, так тебе скажу. А твоя машина на шоссе, прямо за тем поворотом, — он махнул рукой в сторону выезда на дорогу.

— Ну что же, спасибо! — Соня пожала плечами. — Прощайте!

— Да, думаю, вновь скоро встретимся.

— Надеюсь, нет, — честно ответила девушка. — Так что, прощайте!

Соня развернулась и пошла прочь. Она бодро шагала по обочине, смотрела по сторонам и попутно

делала снимки, пытаясь вновь поймать свой идеальный кадр, который постоянно от неё ускользал.

В какой-то момент в объективе камеры Соня увидела земляной холмик с деревянным крестом, украшенным пыльным, выгоревшим под лучами летнего солнца искусственным венком с траурной лентой, которая давно уже съёжилась от полуденной жары. Убрав камеру от лица, Соня очень долго рассматривала этот холмик. Таких полно на обочинах дорог по всей стране. Подобные кресты, или даже настоящие надгробия, или же простые искусственные букеты цветов, приклеенные к столбам дорожных знаков, можно встретить на местах крупных аварий или прочих несчастий на дорогах со смертельным исходом.

Дольше всего Соня разглядывала фотографию на кресте, ведь с неё приветливо улыбался тот самый болтливый пожилой мужчина. Девушку немного затрясло: она не знала, что и подумать.

— Это случилось очень давно, Соня, — раздался голос старика за спиной.

Взвизгнув, девушка обернулась. Тяжело и часто дыша, не сводя широко раскрытых глаз со старика, срывающимся от волнения голосом спросила:

— Как это понимать? Что здесь вообще происходит?

— Я ехал домой из деловой поездки, — мужчина, совершенно не обращая внимания на вопросы Сони, рассказывал свою историю: — Я жил в Тихом, только построил большой дом для своей семьи. Всё для них делал, ничего не жалел. Думал, заживём все вместе, Катенька моя да доченька Наташа, и будет нам счастье. Но свернув с Пятнадцатого шоссе на эту дорогу, я увидел вставший на обочине «москвичонок», приветливо мигавший аварийными сигналами поворотников. Группа молодых парней склонилась над капотом, копалась там, а один как раз меня тормозил, помощи просил. «Сломались», — сказал он. — Старик с горечью посмотрел на свою фотографию на могильном кресте. — Для меня подобное тоже было не редкостью, постоянно ломался на своей захудалой «Волге» и точно так же машины останавливал, если мне требовалась помощь. В середине девяностых я смог позволить себе настоящий «мерседес» и позабыл о поломках на шоссе.

Как выяснилось позже, ничего у них не сломалось. Они специально меня караулили. Ну или любого другого, кто бы проезжал мимо на знатной иномарке. Это я понял слишком поздно... Шайка, в погоне за лёгкими деньгами, убивала за машины, которые потом продавали... Меня убили под той

елью, — он указал рукой на пушистое деревце, что росло недалеко от дороги. У этой ели всё это время и стояла перепуганная Соня.

— Да что ты несёшь?! Замолчи, прошу, МОЛЧИ, я не хочу тебя слушать! — кричала Соня, закрывая уши руками, не чувствуя слёз, которые текли из зажмуренных глаз и щекотали подбородок.

— Быть может, я и в самом деле призрак, но могу быть и пустым фантомом разума, который создало твоё сознание, измождённое бессонной ночью и дальней дорогой. Но кто бы вновь не забрёл в эти края, моя неприкаянная душа будет бродить по лесу, полю, размышляя о том, что я в жизни сделал не так, раз не могу обрести покой.

Соня бросила взгляд на ту ель, под которой мужчина расстался с жизнью. Ей мерещилась кровь на траве под деревцем. Разумеется, там ничего не было. Всё это лишь игры разума, игнорировать которые у неё не получалось. Когда Соня вновь подняла голову, старика уже нигде не было.

Сама не зная для чего, девушка сделала фотографию этого места и побрела прочь. Когда она вышла на Пятнадцатое шоссе, то почти сразу же увидела «двенашку» и Диму, сидевшего на капоте. Она, шатаясь, едва находя в себе силы, кинулась к нему.

Соня проплакалась на его худом костлявом плече. Дмитрий налил ей кружку чая и слишком резко потребовал объяснений.

Девушка рассказала ему, где и с кем пропадала больше часа. Дима не поверил, но не подал виду. Он наблюдал за Соней, размышляя об её нервном состоянии. Да и сможет ли она вообще вести автомобиль? «А может быть и вправду всё так и было, поэтому она такая потерянная и никак не может взять себя в руки?» — размышлял он.

Девушка начала листать сделанные ею фотографии, показывая их однокласснику. Когда она долистала до последнего снимка, чуть было не выронила фотоаппарат из резко ослабевших рук. Снимок заставил девушку расплакаться. На нём, у невысокой ели стоял седовласый мужчина, широко улыбающийся и обнимавший свою семью, — женщину приятного вида и девчущку лет тринадцати, что привлекала к себе внимание своими задорными глазами.

— Он говорил, что на фотографии запечатлён идеальный мир, параллельный нашему, — сказала Соня, утирая слёзы. — И там запечатлена идеальная жизнь, а совершенные мы — часть всего этого. Поэтому люди и делают фотографии: они пытаются

создать свой идеальный мир, а не просто передать реальность в картинке или фотографии. Здесь он счастье потерял, но ведь на снимке счастлив. Дима, ты только посмотри! Он же со своей семьёй, к которой так и не доехал в нашем мире. А в том он с ними... Ведь так и было бы в идеальном мире: он бы доехал!

Не найдясь, что ответить, юноша лишь приобнял Соню за плечи, а затем прижал к себе, желая приободрить. Дмитрий словно бы понимал всё, что она ему говорила, но при этом ничего. Поток его спутанных мыслей, навязанных сумасшедшим рассказом Сони, прервали её усталые слова:

— А ведь это и есть тот самый фольклор, настоящий, который мы должны были собирать на практике, — она безрадостно покачала головой. — А я уже сыта им по горло: устала, едва встретившись с ним. Ей-богу, лучше бы осталась работать в архиве...

Артём Соколов

Шанс для каждого

Однажды Лаврик — рыжий конопатый мальчишка — нашёл в луже за гаражами здоровенную кладку лягушачьей икры. В тот день планшет Лаврику надоел, телефон забрала мама, а икра была непривычно мокрой и холодной. Икринки, скользкие и рыхлые по отдельности, вместе превращались в подобие пластилина, липкое и тягучее. С таким Лаврик ещё не играл.

Может, виновата была детская жестокость, может, недостаток внимания, отнятый телефон или просто избыток свободного времени. Да в чём угодно могло быть дело — хоть в затмении Сатурна и видеоиграх — но итог был один — когда неделю спустя Лаврика поймали родители, он кормил соседскую кошку новорожденными головастиками и восхищённо разглядывал, как она их ест.

Дома Лаврика ждал жуткий скандал. Родители орали друг на друга, кидались обвинениями, выясняя, кто же виноват, и убегали в разные комнаты, спустя время снова сходясь в крике.

Но всё это — без Лаврика. Случайность или злая судьба — тут больше некого винить — сделали так,

что родители нашли Лаврика вместе, и оба видели на его лице то выражение, с которым любимый ребёнок обычно приносил из школы хорошие отметки и показывал маме с папой — сначала довольное и гордое, а потом очень растерянное, когда не дожидался долгожданной похвалы.

Правда в том, что родители были очень напуганы случившимся и не понимали, что им делать. Страх выше разума — вместо разговоров они кричали и обвиняли друг друга, пытаясь «взять ситуацию под контроль».

Мать хваталась за соломинку, предлагая «мягкие» варианты — забрать гаджеты, усадить за учёбу и запретить общаться с другими детьми. Мальчик не виноват, на него дурно влияют, нужно его защитить.

Отец был жёстче: «Ребёнку нужна помощь, причём профессиональная, а сами мы с ним не справимся». Мать называла отца бесполезной тряпкой, отец её в ответ — спятившей курицей. Ситуацию спас дядя.

Большой друг семьи и видный учёный на пальцах разложил перепуганным родителям, что поведение ребёнка — это проблеск его талантов, не вошедших в нужное русло. Хотите для сына лучшего? Учите профильно — это как раз модно. Какой профиль? Ясное дело — биология. Очень перспективное направление.

Неизвестно, какие личные травмы и обиды дядя лечил таким способом, но совет оказался хорошим. Куда лучше изоляции или жёсткого лечения, которые, наверняка, сделали бы ситуацию хуже.

Много лет спустя, когда я работал в одной лаборатории с Лаврентием Викторовичем, эта история, можно сказать, случайно попала ко мне в руки. Многомерный нейронный поисковик по контактам откопал обрывки информации из официальных и полуофициальных источников о Лаврентии, склеил из них общую картину и, довольный, вывалил мне запрос на полугодовую подписку. Нахальная софтина, и рекомендации бессовестные.

Лаврентию я ничего говорить не стал. Написал разработчику о превышении прав на сбор частной информации, но обращение моё, наверняка, ушло «в стол». Интересно, что всё-таки значит фраза «в стол»?

В общем, в то лето, когда эта лягушачья история ко мне попала, Лаврентий вдруг уволился из биомеда и начисто пропал с радаров. Мы с ним до этого несколько раз выпивали, да и вообще неплохо общались, но исчезновение я заметил не сразу. Пробил по соцсетям, врубил тот же поисковик — и ничего. Поисковик вяло извинился и снова предложил подписку, а я решил «подождать» — забил.

Так бы эта история и забылась, не явись ко мне на порог в одно прекрасное утро курьер с букетом цветов.

Квартирка у меня очень приятная и удобная, в тридцать шесть с половиной квадратных метров, с вертикальным душем, лоджией в четыре квадрата и огромным книжным шкафом. Ещё на подоконниках живут *Saintpaulia ionantha* — мамини любимые узамбарские фиалки. Метро в трёх минутах от подъезда. Всё, что нужно для жизни.

По квартире я обычно хожу в белье, так что, когда доставили букет, я был, мягко говоря, не в лучшем виде. Представляете себе: с шикарным букетом стоит на пороге девушка-курьер (букет на мужское имя, как-никак), и тут ей дверь открывает тощее косматое чудо в одних трусах. «Ну позорище!» — сказала бы мама.

В общем, ясное дело, дверь я тут же захлопнул. Девушка, кажется, успела изрядно понервничать, пока я бегал по квартире в поисках хоть сколько-нибудь приличных джинсов и футболки, но когда я, наконец, открыл, носков на мне всё равно не было. Забыл.

— Э... простите, что я вас так негостеприимно встречаю...

— Ничего страшного! — бодро отчеканила девушка, улыбаясь слегка напряжённо.

— Я, может... могу вас пригласить на чай? Ну, в качестве извинений...

— Простите, но думаю, мне придётся отказаться. Политика компании запрещает излишне общаться с клиентами.

Девушка протянула мне букет. Запах шикарный. А это что, *Aspidistra*?

— Ах, да, конечно... К тому же вы, наверное, торопитесь...

На лице девушки появилась улыбка, явно означающая «До свидания».

— Постойте, простите... — я догнал её уже у лифта, телом ощущая прохладу подъезда, а голыми ступнями холод бетонных плит. Букет болтался в руке, едва не задевая стены. — А от кого они хоть?

— Не знаю. Заказ с открыткой доставил дрон, вместе с наличкой, — она слегка улыбнулась уже обычной живой улыбкой. — Насчёт чая не обижайтесь. С теми, кому дарят такие цветы, чай пить бесполезно. До свидания!

Двери лифта закрылись, а я поспешил из холодного подъезда в тёплую квартиру, разводить электролиты для цветов.

Букет выглядел потрясающе. Стоя на кухне, я разглядывал гипсофилы и розы и намазывал майонез на кусок хлеба. Складывая в уме все виды растений, представленные в букете, я пытался вычислить какую-то подсказку о том, кто мог бы адресовать мне это послание, когда в памяти всплыли слова девушки: «...заказ с ОТКРЫТКОЙ доставил...» — Блин!

Открытка отыскалась довольно легко. Каллиграфическим машинным шрифтом в ней предлагалось «встретиться в скромном уединённом месте» для того, чтобы обсудить «кое-что личное».

Мда. Понятно, почему девушка сбежала. Внизу открытки значился адрес и было указано предполагаемое время встречи. Через час. Чуть не своротив букет, я побежал одеваться.

Спустя сорок пять минут поездки на метро и ещё сорок минут беготни до и после, я, наконец, нашёл то самое «уединённое место», о котором говорилось в записке. Кафешка, честно говоря, была самая обычная: никакой особенной уединённостью там и не пахло. Из посетителей, в основном, — армяне, узбеки и, кажется, один грузин, который смотрел вокруг с гордым неодобрением и медленно пил свой чай.

Предназначенный для встречи столик стоял в углу зала за ширмой, которая выглядела довольно грязной даже издалека. Мысли о возможной подставе, до сих пор обходившие мою голову стороной, настойчиво постучались в черепную коробку.

Раздумывая, не сбежать ли прямо сейчас, я замер посреди зала, когда из-за ширмы высунулся и помахал мне рукой Лаврентий.

— Не стой столбом, людям мешаешь! Иди скорей сюда!

Нет, узнал я его не сразу. Людей я вообще плохо узнаю, тем более, если они отращивают усы и переодеваются так, как никогда в жизни не ходили. Узнавание мне обычно заменяет то чувство полужнакомости, от которого замираешь с дурацким видом и начинаешь шуриться в сторону предполагаемого друга. Ну или идёшь к нему, если тебе очень активно машут.

В общем, я подошёл.

— Привет... О, Лаврентий! Ты как тут оказался?

— Тихо, блин! — прошипел он. — Заходи давай! Нафиг ты орёшь на всю кафешку?!

— Я... да я не знаю, — пробубнил я, пролезая за ширму. — А что, нельзя?

Лаврентий поморщился, усы встали торчком. Довольно нелепые усы, кстати.

— А ты анализируй, коллега, анализируй! Букет анонимный — раз. Место укромное — два. И я знаю, что ты без толку искал меня по сети — три! О чём говорит такой комплекс признаков?

— Эээ...

— Правильно! Классический маскировочный окрас. Присаживайся, коллега.

Я поморщился: Лаврентий обладал неприятной повадкой периодически выставлять окружающих идиотами, но, как правило, за этим он скрывал сильное волнение. Присел.

— Ну, ладно, маскирующийся, выкладывай! Зачем позвал?

На столе перед коллегой стояли пузатый фарфоровый чайник, пара пиал и длинная тарелка с мегрельским хачапури. Потомок сибирских татар и пленных немцев старательно изображал местного.

— Сейчас, подожди, — Лаврентий взглянул на экран гаджета, затем продолжил: — Так, значит смотри, в чём дело. Помнишь, мы с тобой пили на набережной, и ты рассуждал о том, что у растений может быть сознание? Ты тогда сказал, что это не разум в нашем понимании, а какой-то кусочный...

— Мозаичный орган. Комплексная децентрализованная структура, которая достраивает модели окружающей среды по косвенным признакам. Да, такая структура точно есть, но...

За что люблю Лаврентия, так за то, что не ржёт над моими теориями. Никогда.

— Пока не знаю, как её взломать, — я подвинул себе заварник с пиалой, налил чаю, добавил сахар. — Понимаешь, раз система децентрализованная, её части, по сути, спрятаны во вторичных функциях разных клеток или даже органелл. Способности растений видеть, слышать и чувствовать известны давно, но вот придумать эксперимент, чтобы он подтверждал именно мою теорию... пока не могу.

Отпил чай. *Mentha piperita*, перечная мята, и... *Hippophae*, облепиха крушиновидная, кажется.

— Ладно, гений. А что, если я тебе скажу, что ты прав? Что такие вторичные системы есть в растениях, что есть люди, заинтересованные в их поиске и готовые выделить на это уйму денег?

Улучшение урожайности или строительство? Может, медицина? Где они хотят это использовать?

— Тогда я спрошу — какова цель этих поисков?

Лаврентий коротко выглянул за ширму, а потом расплылся в довольной улыбке отличника:

— Цель — найти аналогичную систему у человека!

Лаборатория, куда меня позвали, на вид вызывала скорее разочарование. После всей конспирации, связанной с моей «вербовкой», и прочих секретов, подписок и многократных сканирований, я ожидал увидеть как минимум самолётный ангар, пополам набитый квантовыми компьютерами и экспериментальными отсеками. На деле же всё оказалось несколько проще.

— Проблема в том, что нам недостаёт фундаментальных знаний о мозаичных системах, сформировавшихся в процессе эволюции. Для большинства учёных орган — по-прежнему кусок плоти, который можно потрогать и покромсать, но ведь это не так! Чего мы не знаем, так это принципов, основ, базы! И тут-то нам нужен ты.

К чести лаборатории, где я теперь числился, надо сказать, что рабочее оборудование было выше всяческих похвал. Виртуальный 3D-микроскоп сканировал образцы с восьми точек в шести диапазонах, отправляя меня прямо внутрь клеток и тканей, о чём раньше можно было только мечтать.

К микроскопу я получил сервер, который весь массив данных аккуратно записывал, а потом выдавал любую часть по моему желанию. Карт-бланш, как говорится.

Отобрав для теста *Phaseolus vulgaris*, *Mimosa pudica* и *Arabidopsis thaliana*, я радостно принялся писать. Первые результаты пришлось выбросить. Некондиционные данные. Вторые тоже — высокий уровень помех.

На третьем прогоне я сообразил, что шумы лаборатории, свет, звук и даже движения воздуха от ходьбы вокруг непременно должны влиять и на запись, и на поведение объектов. Пришлось конструировать изолированную камеру для образцов, а заодно добавлять к микроскопу высокочувствительную звукозапись и магнитометры.

Четвёртый прогон вышел лучше. Пятый — ещё лучше.

В конце второго месяца мы с Лаврентием выбрались в бар. Место предоставляла контора, защиту от прослушки — тоже.

Бар оказался азиатским. Китайцы, сиамцы и малазийцы заполняли его примерно поровну, а возле входа сидел уже знакомый мне старый недовольный грузин и неторопливо пил свой чай.

— Слушай, он что, у нас работает? — показал я в сторону входа.

— Пальцем не тыкай. Да, работает. Дивизия безопасности.

— А почему я его на работе не видел?

— Ты и не должен был, — усмехнулся Лаврентий. — Главное, что он тебя видит.

К роллам Лаврентий взял сакэ, я — пиво. Пока несли заказ, он достал из-за пазухи толстый конверт.

— Вот, это тебе от начальства, разовая премия. Ты произвёл хорошее впечатление. Но! Естественно, нужны результаты — тебя просят ускориться. В принципе, тебе даже готовы дать ещё людей, если попросишь. Но ты — молодец. И то, что ты молодец — это первая причина, почему нас с тобой отправили отдохнуть.

Мне принесли пиво. Я тут же отпил треть стакана и сразу заказал ещё. Похоже, в скором будущем мне много пива не светит.

— Так, а какие ещё причины?

— Вторая и последняя причина в том, чтобы я рассказал тебе о конечной цели проекта. Указание было личным, уровень допуска ты ещё не получил, но, видимо, сверху решили, что ты всё равно на крючке, а знание цели может быть полезным в работе. Немножко по-скотски, но в целом... Логично.

— ... логично.

— Если коротко, наша лаборатория — часть крупной фармацевтической корпорации, работающей над продлением жизни. Идея лекарства от старости популярна то ли с нулевых, то ли с десятых го-

дов. В общем, давно уже, но какие-то успехи начали появляться только сейчас. Нашли нужные маркеры в ДНК, какие-то скрытые функции печени, подпрограммы в иммунной системе, изменения мозга, вот это всё... Тут-то и появилась идея, что процесс намного комплекснее, чем казалось раньше, а значит должен чем-то управляться. Ну, а дальше понятно — деньги под идею, люди на деньги и так далее. Я как всю эту концепцию узнал, сразу вспомнил про твоё «надсознание». Здорово сходится с их целью поисков, как думаешь?

Я допил пиво, принимая от официантки новый стакан. Раскосая девушка мило улыбнулась и убежала.

— А секретность такая к чему?

— Конкуренция, — развёл руками Лаврентий. — Куда ж без неё? Направление популярное, в нём много кто работает, так что есть риск как выстрелить и резко обогатиться так и потерять инициативу. У нас, кстати, Информационная дивизия тоже есть. Для изучения конкурентов. Через пару месяцев, когда тебе официально повысят допуск, будешь читать их отчёты. И читай обязательно — могут проверить.

Пиво давало о себе знать, а роллы всё ещё не принесли, так что я извинился и умотал в уборную. Стоя у белого писсуара, над которым было зачем-то привинчено зеркало, я думал о словах Лаврентия.

Продление жизни и лекарство от старости. Поиски скрытой системы, которая убивает нас. Для чего? Мечта о бессмертии, ясное дело!

И рядом со всем этим — моя теория. А что, вполне возможно. Небритая лохматая рожа в зеркале вполне может быть рожей великого учёного, который подберёт ключик к вечной жизни. «Почему бы и да?», как говаривал мой папа.

И тут рожа подмигнула. Недовольно так, даже зло. Я чуть всё вокруг не обмочил. Из туалета вышел, чертыхаясь и проклиная шуточки местных рестораторов. Фальшивые зеркала-дисплеи я терпеть не мог и десять лет назад, когда они были в моде, а теперь и подавно не хотел вспоминать. К счастью, они почти исчезли. Почти.

— Дурацкий туалет! Ненавижу эти тупые шуточки!

— Какие ещё шуточки?

— Зеркала фальшивые! Ну в чём прикол — ты вдруг сам себе скалиться начинаешь! Смешно, а? Лаврентий подцепил палочками ролл и обмакнул его в соус.

— Слушай, коллега, ты бы поел уже, а не дузил пиво в таких объёмах. Я сто раз здесь был, и зеркала тут самые обычные. Точно тебе говорю!

Пока шли запись и обработка результатов, я пытался раскрутить основную идею. В теории всё было

просто — связать все записанные данные в одну большую модель, потом вычесть из этой модели всё, что мы уже знаем, и старательно изучить оставшееся.

Но, как обычно, в деталях кроется «сами знаете кто». В общем, я и трое моих свеженанятых ассистентов ломали голову над тем, как вычесть из модели влияние гравитации, когда в лабораторию влетел Лаврентий.

— Ты или нет?! — Халат едва накинут, под халатом — мокрая куртка. Не трата времени на мою недоумевающую физиономию, коллега подхватил меня за плечи и резво выволок в соседнюю комнату.

— Так, колись, ты или не ты? Ну, скорее!

— Что я или не я? О чём ты?

Лаврентий щурится, ковыряя меня глазами. Рыжие усы топорчатся. Да когда ж он их сбреет?

— Слив записей и внутренних отчётов. Конкурентам. Ты или нет?

Искренне удивляюсь. Срабатывает. Лаврентий меня отпускает:

— Ладно... тогда, всё будет в порядке... наверное. Я сюда зайцем летел, чтобы до безопасников... сейчас такое начнётся...

И началось, причём быстро. В лаборатории мы появились вместе с теми, кого Лаврентий назвал бы бета-хищниками. Я размышлял над тем, считается ли

камуфляж окрасом или разновидностью враждебной стойки, когда мне вывернули руки и прижали лицом к шершавой стене. Лаврентия прижали рядом, а заодно двух ассистентов.

— Господа, проводите наших коллег-учёных на смерть, будьте так добры! — раздался за спиной голос с лёгким акцентом.

Честно говоря, я жутко перепугался. Крики «Пожалуйста, не убивайте меня!» слышали, наверное, во всём здании, так что едва меня дотащили до камеры, как бета-хищники исчезли, а на пороге возник штатный врач.

Врач поклялся Гиппократом и сердцем матери, что я ослышался и никто меня убивать не будет, потом провёл осмотр и, оставив на столе бумажку с надписью: «Лёгкая истерия, нервные нагрузки исключить» и личной печатью, удалился.

Первый посетитель пришёл только спустя полчаса. Старый хищник, наверняка бывший военный, с кислым видом посмотрел на меня, потом на бумажку и тоже удалился.

В ожидании следующего посетителя меня покормили. Пюре из *Solanum tuberosum* и пара котлет —

просто, но вкусно. Лишь спустя час ко мне, наконец, пришли. Знакомое лицо — клерк, с которым я подписывал договор на работу.

— Ну что ж, у меня для вас три новости. Хорошая, плохая и та, которую я скажу последней. С какой начать?

— С последней.

— Ха. Хорошая попытка, — улыбнулся клерк. — Значит, начну с плохой. Все ваши исследования украдены, а вы уволены.

— Что?! Почему?

— Потому что ваше подразделение распускают. Данные похищены, значит, шанс окупаемости вложенных в вас денег стал как минимум вдвое меньше. А если учесть, насколько долгосрочен ваш проект, — шансы на окупаемость тем более призрачны. Короче, вы уволены, и это — плохая новость.

— Та-а-ак... — Я почесал переносицу. А исследование теперь как заканчивать? — Так, а хорошая новость?

— Вот, уже лучше. Хорошая новость — вы не виноваты. Мы предполагаем, что один из ваших ассистентов обманул Дивизию безопасности и продал ваши результаты конкурентам. Как ему это удалось и виноваты ли безопасники — решит внутренняя ко-

миссия, но лично к вам претензий нет. Это хорошая новость.

— Это что получается, я ни в чём не виноват, но всё равно иду на все четыре?! А моё исследование?

— Подождите, есть же ещё одна новость. Рассказывать? — клерк явно издевался.

— Конечно!

Мужчина встал, поправил очки и включил что-то на гаджете.

— Совет директоров пересмотрел бизнес-модель вашего исследования. Раньше мы считали, что сможем полностью приватизировать результаты вашей работы, оплатив их целиком, но теперь этот вариант смотрится невыгодным. Слишком велики вложения и слишком высок шанс провала. Новая стратегия — «играть в открытую». Если коротко — создаётся новая компания, которая продолжит исследование гласно, официально и в больших масштабах. Работать будете за счёт привлечения новых инвесторов и, возможно, господдержки, но контрольный пакет останется у нас. Для вас в компании — пост директора по науке и руководителя исследования. Ну как, согласитесь?

— А... можно один вопрос?

Клерк хмыкнул скорее удивлённо, чем недовольно:

— Какой же?

— А... те акции, которые у меня в этой компании, можно переделать в новые?

— Чего сделать?.. — очки клерка сползли вниз по носу. — А, я понял... Ладно, с этим мы что-нибудь придумаем.

— Здорово! И... спасибо! И только в последний момент меня накрыло ужасом осознания — это ж сколько всего перевозить!

Вторым делом, которым я занялся в должности директора по науке, был выбор рабочего кресла. Микроскоп, за которым я проводил большую часть времени в прежней лаборатории, был отличным, замечательным, очень функциональным, но кресло — полная фигня. Микроразмерные азиаты, которые его собирали, явно не рассчитывали на русских богатырей... Ну или даже на меня.

Короче, почти год я просидел в маленькой консервной банке, от которой у меня начались боли в пояснице, шее и коленях. И вот, наконец, свершилось! Я выбирал собственное кресло.

Максимально комфортные, эргономичные, стильные, регулируемые и инновационные офисные кресла высочайшего класса выстроились передо мной в нескончаемые когорты, гордо несущие знамёна

компаний-производителей. Честно признаться, я довольно долго думал, что же именно из всего этого великолепия мне нужно, а потом переложил выбор на одного из подчинённых. Я ведь теперь начальник — могу и задание дать!

Ну а первым делом я, естественно, пригласил на работу Лаврентия. Коллега неожиданно долго ломался, выпрашивая себе отдельное направление исследований, и в итоге я сдался. Всё равно после растений следующая ступень — животные. Как раз его профиль.

Официально нашей целью не был поиск бессмертия. Мы занимались фундаментальной наукой, серьёзными темами, которые журналисты и блогеры умудрились превратить в абсолютно жёлтые заголовки — «Поиск зелёного разума» и «Думать не только головой можно». Интересно, а почему жёлтые?

Несмотря на глупые названия, реклама пошла нам на пользу. Деньги в компанию потекли рекой, кресло я себе купил, да и Лаврентию тоже.

И дело продолжалось замечательно до того момента, пока менеджер по персоналу не нанял новую девушку в IT-отдел. Примерно в тот момент всё покатило к чертям.

— Умная, дерзкая, стремящаяся! Отличный кадр! — распинаялся менеджер передо мной.

— Тогда зачем ты о ней рассказываешь? Она что, натворила что-то?

Дивизия безопасности у нас тоже была, но отчётов от неё в последнее время не наблюдалось.

— Понимаете... она очень стремящаяся. Хочу, говорит, работать головой, а не руками. Понаобучала ботов, сгрузила им работу и сидит, служебки пишет, технические решения предлагает. Замучала совсем.

— Ну, так и что? Отдайте её решения кому-нибудь, я-то при чём?

— В том-то и дело. Проверили уже её предложения. Все выкладки верные.

— Иииии?

Менеджер упёрся глазами в пол. Очки в роговой оправе и модная стрижка плохо помогали в общении со злым и страшным начальником.

— Она... хочет сделать переводчик. Интегральную схему коммуникации.

— Чего? С кем коммуникации-то? С растениями что ли?

Двери распахнулись, и «умная, дерзкая, стремящаяся» ворвалась в кабинет:

— С «надсознанием»! Господин директор, простите за вторжение... — девушка глянула на менеджера и затараторила так, чтобы вместить как можно больше слов в секунду. — Одна из целей в политике компании — это поиск «надсознания», децентрализованного органа, регулирующего жизненные процессы в живых существах, так что я предлагаю создать коммуникатор, который позволит установить контакт между «надсознанием» и сознанием индивида, а в перспективе и управлять «надсознанием» с помощью сознания! Это позволит открыть новые способы лечения болезней, обучения, даже любое изменение человеческой физиологии станет возможным, вплоть до...

— ...вплоть до обретения бессмертия, — закончил я, когда айтишница наконец-то решила перевести дыхание. — Хорошо, коллега. Мы рассмотрим вашу идею.

— Нет, это издевательство какое-то! Ты что, серьёзно собираешься потратить деньги вот на это?! — Лаврентий разорвался так, что официантка, до того разносившая омаровые клешни и стрелявшая глазами в мою сторону, резво сбежала на кухню. И почему мы всегда пьём в азиатских барах?

— Да, собираюсь. А что?

— А то! То!!! Это провокация какая-то и издевательство! Шарлатанство! Слушай, друг, ну сколько лет мы с тобой наукой занимаемся, а? Серьёзной наукой! Не вот этой вот псевдонаучной ахинеей! Это же профанация какая-то, философский камень и эликсир жизни... экс машина! Одумайся!

— Да ладно тебе... ну что ты такое говоришь... — вяло отбивался я. — Я видел выкладки, видел тестовые прогоны по нашим растительным экспериментам. Корреляция есть, точно тебе говорю!

— Какая корреляция?! Ноль семьдесят четыре — это не корреляция! Чушь это на постном масле!

— Первое приближение...

— Из такой выборки? Всё равно ниже Стьюдента. Да чушь это всё, чушь, — я точно тебе говорю! Хотя бы тебя отговорил кто...

— Так я разговаривал с коллегами, обзвонил экспертов.

— И что?

— Все говорят одно — шансов мало, но попробовать можно. К выкладкам не придраться.

Лаврентий фыркнул, подливая себе в рюмку. К омарам он так и не притронулся.

— Конечно, попробовать можно! Ещё бы они тебе иначе сказали. Это же не на их деньги можно пробовать! Отлично, просто отлично...

Я откинулся в кресле, разглядывая коллегу. За последние годы нам первый раз выпала возможность добиться реального прогресса в вопросе бессмертия, но он, почему-то, упорно этого не хотел.

— Отлично! Предположим — это плохая идея. Но деньги на новые направления уже в бюджете. На что будем тратить?

— О, хорошо, что ты спросил! — коллега залпом проглотил виски, закусывая мягкой белой мякотью. — Значит, смотри: у нас по животным намечается прогресс, но надо новые эксперименты, желательно в невесомости. Моя теория — «надсознание» у хордовых максимально активно в стадии эмбриона. Так сказать, помогает заранее подстроиться к среде. Но если хордовое избавить от самой привычной характеристики среды — гравитации, — то «надсознание» станет максимально активным. Тут-то мы его и засечём!

— Короче говоря, ты хочешь орбитальную лабораторию?

— Да! Это не липовые зависимости на экране штамповать! Ну как, друг, двинем науку вперёд?

Я закрыл глаза, прикидывая, сколько денег у нас остаётся в бюджете на этот и следующий год. Кажется, кое-какое финансирование придётся урезать.

— Ладно, получишь ты свой космический лягушатник. Оборудование возьмём в аренду, материалы

довезём на чартерах... должно быть подъёмно. Но и этому проекту я тоже дам ход — на начальном этапе вложений почти нет, а дальше решим, что с ним делать. Доволен?

— А... ага, спасибо. Спасибо, друг, ты не пожалеешь об этом! Кстати, я же вроде не говорил про лягушек, как ты...

— Пальцем в небо, дружище. Пальцем в небо.

Маленькая полянка, залитая вечерним солнцем. В низеньком подлеске тут и там светятся ягодки *Fragaria vesca*, лесной земляники. Я лежу на земле, разглядывая облака над лесом, и вдруг замечаю, что деревья растут.

Приподнимаю голову, хочу пронаблюдать. Обычные самые деревья — сосны, *Pinus sylvestris*. И ничего они не растут. Это я опускаюсь. Земляника уже перед глазами, а я, оказывается, погружаюсь. Упираюсь руками в землю, толкаю тело вверх. Не получается. Сил не хватает. Встаю всем телом, подбираю ноги, приподнимаюсь. Руки едва слушаются, ноги в чём-то вязнут, дышать тяжело. Грудь больно давит.

Земли уже по плечи, ног не чувствую, хватаюсь за траву. Пальцы давят ягодки, ладони все в красном.

Руки скользят. Срываются. Я под землёй, смотрю снизу вверх, как над моей головой поднимается здоровенный крест с одиноким пластмассовым веночком — «От коллег».

Всего один веночек? Серьёзно? Земля резко давит сверху, выжимая из лёгких последнее. Кости хрустят, плоть осыпается, боль рвётся наружу. Последнее, что вижу — крест, распадающийся в прах.

— Начальник, вы как?

Резко просыпаюсь. Я что, опять на работе вырубился? Умная и дерзкая стоит прямо передо мной, бессовестно развалившимся и секунду назад дрыхнувшим в распрекрасном офисном кресле. Стоит и, кажется, чего-то хочет.

— Э... нормально. А почему ты спрашиваешь?

Поправляю очки. Уже полтора года как зрение село, а к врачу сходить времени не нашёл.

— Ну выглядите вы так себе, — девушка прямолинейна, как всегда. — Паршивенько, я бы даже сказала.

Ещё бы ты иначе сказала. До собственного отдела доросла, а как выражалась, так и выражаешься.

— Нормально всё со мной. Сплю плохо последнее время, не высыпаюсь. Ты чего хотела?

— Так это, вы вызывали. Отчёт занести.

Теперь вспоминаю.

— Защитить. Я вызывал защитить отчёт. Ну как, готова докладывать?

Девушка мнётся и прячет глаза, раньше за ней этого не водилось. В конторе кризис, финансирование ей урезали втрое, вот и нервничает.

— Ты готова, нет?

— Готова! Но... короче, можно мы официальную часть пропустим? У вас и так на контроле всё, нового ничего нет. До качественных результатов ещё копать и копать, а с нашими ресурсами...

— Вот не надо мне этого! Ты с куда меньшим начинала.

— Но там другой этап был...

— И про этапы не надо! Ладно, я сам всё знаю... — Я встал, налил воды и уставился в окно. Говорить не хотелось, но подбодрить коллегу было необходимо. А заодно на путь истинный наставить: — Ты пойми, какая ситуация сложилась — финансирование урезают. Да, надсознание — новый тренд в мировой науке. Есть гранты и отчисления за патенты. Но та идея с животными... Короче, ты и сама знаешь — это полный провал. Флора от надсознания эволюционно выигрывает, хомо сапиенсы, очевидно, тоже, но вот у других представителей фауны его так и не нашли. Не

знаю почему, могу только гадать. Лаврентий так и не перенёс такого фиаско.

Я отошёл от окна и вернулся в своё рабочее кресло.

— Пойми, мне нужно что-то показывать инвесторам, чтобы твоя разработка не канула в Лету так же бесславно, как и его. Я на тебя надеюсь, понимаешь?

Умная и стремящаяся закивала. Надеюсь, я не перегнул с Лаврентием.

Поздним зимним вечером, плюнув на предпраздничные хлопоты, я прохаживался по кабинету и поглядывал на стол. Эргономичное, инновационное и максимально комфортное рабочее место отвечало на мои взгляды равнодушно, даже буднично, будто ничего не произошло. В рабочем месте не было сознания, которое могло бы устыдиться или расстроиться, на худой конец. А было бы очень *к месту*.

Я почти расплатился за космический лягушатник, обновил оборудование и повысил зарплату сотрудникам, но тут инвесторам приспичило сменить гендиректора. Что первым делом проводит новое начальство? Правильно! — проверку. А на ком висят самые убыточные проекты? Правильно. И не спасут ордена и медали.

Срок мне дали до нового года. В общем, я ходил по кабинету, который уже не мог в полной мере назвать своим, когда умная и стремящаяся робко постучала в мою дверь. Да нет, тоже уже не мою.

— Прощаетесь?

— Угу.

Девушка грустно вздохнула:

— Я... мне это, жаль...

Её начальство не уволило, только перевело с понижением. В сетевую безопасность. Уволить было бы гуманнее.

— Да ничего, не расстраивайся. Жаль только, что из этой нашей затеи ничего не вышло.

— Так я это... закончила.

Я остановился. От неё начали бежать люди, как только появились какие-то первые, едва ощутимые результаты, и чем дальше она работала над своим переводчиком — тем меньше народу оставалось вокруг. Кончилось тем, что последний год эта праправнучка Стаханова работала в одиночку, пытаясь объять необъятное. Я, честно говоря, ожидал, что слова: «Я закончила!» она будет кричать под ругань санитаров, которые повезут её в дурку.

— Я говорю, что проект закончила. Альфа-версия, но всё работает. Вы...

— Да понял я, понял. И что, можешь показать?
Девушка расплылась в улыбке, снова став дерзкой.

— А то! Пришла бы я к вам, если б нет!

Машина, куда мне предложили лечь, напоминала кресло. Только не комфортное и эргономичное, а старое, от 3D-микроскопа. Ужасная вещь! Пока коллега опутывала меня ремнями и датчиками, я с удивлением прислушивался к себе, чувствуя скорее пустоту, чем радость или восторг.

«Я нашёл надсознание! Я великий учёный! Эгей! Эге-гей!» Ну или как-то так. Наверное.

Дисплеи засветились, и в голове слегка зажужжало.

— Принцип машины в том, чтобы синхронизировать сознание и надсознание. Если всё пройдет согласно расчётам, вы получите полный контроль над организмом и сможете избирательно влиять на него. Больше сказать не могу, потому что вы первый тестовый объект, так что удачи!

«Я близок к бессмертию как никогда!.. Что, правда, прямо самый первый? Господи, да на что я согласился?!» Между тем машина включилась, и мир вокруг исчез.

— Ты хочешь стать бессмертным? Серьёзно?!

Маленькая полянка с земляникой и соснами выглядит так же, как в моём сне. Вечер, мягкое солнце. Посреди полянки — массивный крест с моим именем, а на его перекладине... какое-то существо.

Карлик в жёлтом свитере и синих джинсах болтал ногами, едва достававшими до низа перекладины, и весело скалился. Лицо его, которое, казалось бы, должно быть неразличимым на таком расстоянии, было прекрасно видно, а сам он словно являлся частью всего, что меня окружало: и полянки, и сосен, и даже креста.

— Существо! Да уж, с фантазией как всегда туго...

— Ты что, мысли мои слышишь?

— Конечно! Я — это ты. Параллельная структура, мозаичный орган или твоё надсознание, как ты меня обозвал. Как сказали бы верующие — ангел-хранитель. Но ты же не чудик какой-нибудь, в бабкины сказки верить?

Ну да. От религии я всегда был далёк. Хотя крест на моей могиле почему-то стоит.

— Хорошо, надсознание... а почему тебя так удивляет, что я хочу быть бессмертным?

Существо встало на перекладине, отряхнуло колени и медленно полетело в мою сторону.

— Потому что чушь это, дружок. Не нужно тебе никакое бессмертие.

— Почему это?!

— Тебе развёрнутый ответ дать? Чтоб с песнями, плясками, анализом и, скажем так, доказательной базой?

Песни и пляски меня не интересовали, но я кивнул. Развёрнутые ответы мне всегда нравились.

— Значит, смотри. Начнём с простого — предположим, что бессмертным ты стал. Добился своей цели. Вау, ура, фанфары! Ты — великий учёный! Гений и пророк своего времени! Но для начала рассмотрим вариант, где ВНЕЗАПНО эффект оказался невозможным. Полное и абсолютное бессмертие, но только для тебя, понял? Почему — не так уж важно, пока просто предположим. Что будет дальше? Ну, шумиха в СМИ уляжется, как чудо ты всем быстро надоешь, и про тебя забудут. Положат на полку истории.

Следующий этап — ты абсолютно свободен! Твоя задница будет вечно засорять мир, ходить туда-сюда, есть, пить, портить воздух и делать детей без конца и края. Будет-будет, ещё как, даже не смотри на меня! И это навсегда, представляешь? Никаких инфарктов или аварий. Даже не пристрелит никто!.. В конце концов, а сексом ты с кем собрался заниматься? Ну, понятно сейчас, а потом? Ведь рано или поздно, начни

ты-бессмертный делать детей, на планете кроме твоих потомков никого не останется! Не противно? Мне бы было противно. А если они ещё и похожи на тебя будут? Фу, блин! Даже представлять не хочется.

Я тебе больше скажу, ты ведь и человеком-то уже не будешь. Нет, нет! Не в этом пошлом смысле блабла-утрачивания-человеческой-сущности и блабла-перевоплощения-в-скотину. Ты и так не Мать Тереза, чё уж там. Ну станешь старше и циничнее — и что? Нет, я не об этом. Вот сейчас внимание! Ты — больше не человек.

Ты — абстракция! И нечего так смотреть. Ты ведь реально станешь бесконечностью. Ты будешь есть и пить сравнительно небольшими порциями, но если их помножить на бесконечное время жизни — бабах! Еды тебе потребуется бесконечно много! Это же сколько ты один будешь стоять матушке-Земле, а?

А теперь давай подумаем об обратном. Не о том, сколько ты возьмёшь от мира, а наоборот, сколько сможешь ему дать. Интересный вопрос, а? Чем настолько ценным ты сможешь поделиться с человечеством, чтобы отплатить за те самые неограниченные ресурсы и, без преуменьшения, чудовищные последствия для генофонда?

Во-первых, надо быть кем-то значимым. В смысле, не просто продавать лапшу где-нибудь в Шанхае,

правда? Хорошо, тогда, например, вождём. Почему бы и да? Ты мог бы вести народы, быть героем и вдохновителем, но разве ты знаешь, куда их вести? Даже смертные вожди успевали за жизнь наворотить дел, и именно смерть спасала их народы, в конце концов.

Что дальше? Искусство. Великая сила! Бессмертный художник мог бы многое сделать для мира, но кто сможет творить вечно? Раз за разом разрывая рамки и шаблоны, с такой любовью выстроенные собственноручно? А ведь в этом и суть искусства — в поиске.

Ну и, наконец, самый реальный вариант — учёный, первооткрыватель, пионер загадок природы. Но ты ведь не преуспел в этом, правда? Всю жизнь ты учился, узнавал новое, но разве каждая новая гипотеза — это не ещё одна стена, отделяющая слабый разум от неизведанного? Попытка собрать из палочек и клея простенький плот, взгромоздиться на него ногами, а потом громко крикнуть: «Я знаю всё!». Есть ли в тебе бесконечно много сил, чтобы ломать такие плоты? А потом тонуть, тонуть, тонуть...

Конечно, ты можешь сказать, что я говорю только о плохом. Что есть в мире хорошие вещи, ради которых стоит жить, и даже, возможно, жить вечно. Да-да, это правда. В мире есть фильмы, вкусная еда и тот же секс... почему нет? Но так только с твоей точки зрения.

Ты бы хотел жить вечно, но мир этого не хочет. И в глубине души, ты ведь сам это понимаешь, правда?

Но страх сильнее разума, и ты, как многие до тебя, пытаешься стать бессмертным. Ты боишься смерти и бежишь от неё, отрицая очевидное. Ты-вечный миру не нужен. Никто вечный миру не нужен.

Миру нужно, чтобы люди рождались, старели и умирали. За этим порядком и следит надсознание.

Ангел-хранитель приземлился, достал из воздуха стакан воды и прополоскал горло. Потом вылил остатки под землянику, которая в ответ благодарно коснулась его плеч.

— Ну что, вариант, где бессмертных много, надо объяснять? Или сам мозги напряжёшь и экстраполируешь? Разные племена потомков, войны за звание самого главного вождя-пророка-учёного? Прошу, избавь меня от этого!

Это и не требовалось. В голове легко расцветали промежуточные варианты для десятка, сотни или тысячи бессмертных. Но был и худший сценарий, к которому даже приближаться не хотелось. Бессмертие для всех.

— Но... в чём же тогда смысл? Меня уже годами преследуют видения смерти, и всё, что я хочу, — это

избавиться от неё! Да, я не самый гениальный учёный, но я много работал! И посмотри — я добился успеха, ведь мы с тобой разговариваем!

Карлик закатил глаза:

— Как много глупостей, и все в одной фразе! Ну, во-первых, нет, успеха ты не добился. Машина, в которой ты сидишь, построена конкретно под твою физиологию. Знал, что твоя ассистентка специально для тебя её делала? Гений и вдохновитель, блин! Так что всё — только ты. Кстати, у тебя к этому личная генетическая предрасположенность. Аномалия. Причём, аномалия настолько редкая, что ты даже группу для исследования набрать не сможешь. Но знаешь, в чём главная проблема? Не будет группы. Тебя же уволили!

Надсознание недобро ослабилось и подмигнуло. Очень знакомо.

— Так все мои сны и видения — это был ты? Получается, ты со мной связывался?

— Понял, наконец? Ну да, такая вот генетическая аномалия. И ничего я тебя не преследовал, а наоборот, — предупреждал! «Оставь ты эту идею бессмертия!» — говорил я ему. «Займись чем-нибудь другим!» — кричал я ему. Но нет, он так и не понял. Хоть бы друзей себе завёл, хобби какое-никакое. Женился бы, в конце концов, исследователь хренов!

— Так, ну-ка стой! Я у тебя таким идиотом получаюсь, что аж противно! В чём смысл тогда, скажи-ка мне? Вечные разрушат мир, а ты — единственная защита, так? Хорошо! Но тогда скажи мне, изделие ты резиновое, разве бессмертие — это всё, что ты можешь? Разве я, потратив всю жизнь на твои поиски, не заслуживаю получить хоть что-нибудь?!

Человечек криво улыбнулся, а потом резко увеличился в размерах, став одного со мной роста.

— Хочешь поторговаться? Хорошо, давай поторгуемся. Только не проси всё также бездарно, как в первый раз.

Эпилог

Мужчина, вышедший из здания лаборатории, снял с носа очки, поглядел на них, а затем выкинул в мусорку. Пиджак и строгий официальный галстук отправились туда же. Лёгкий снег ложился мужчине на плечи и таял, как в волосах его таяла седина.

Хлопнув по карманам, он достал гаджет с заветным номером телефона, потом огляделся и бодро зашагал вперёд, к весёлым новогодним огням.

Впереди у него была одна жизнь, и он собирался ей воспользоваться.

Наталья Софронова

Чёрный зонтик

Прохладный летний ветерок колыхал тюль на открытом окне. Круглый стол, накрытый белой скатертью, стал центром таинства, имя которому женские посиделки, когда сокровенное открывается и тонет в ворохе похожих случаев и историй.

Три подружки, вырвавшись из удушливого бытия, пили полночный покой. Пока чёрный чай с нотками перца и орехов настаивался, окрашивая воду и наполняя кухню ароматами роскоши, названные сестры смолкли.

— Вспомнила! — нарушила покой Лена. — Мне тут бывший ученик историю рассказал, как раз для ночных посиделок.

— Это который ученик? Не безнадежно влюблённый? — уточнила Марина.

— Да нет, Костя по прежнему хандрит и не знает куда себя деть, — отмахнулась учительница. — Один из моих «мушкетёров» — Лёшка. Он, пока в институте учился, жил в деревне у бабушки, ездил на восьмидесятой маршрутке почти каждый день...

— Никакой личной жизни! Это как же давно ты в школе работаешь... — вздохнула Маша, копа-

ясь в телефоне. — Ого, это по Московскому тракту что ли?

— Понятия не имею, — улыбнулась Лена. — Мы тогда мало виделись, да и не важно. Слушайте... За четыре года учёбы Лёшка часто видел в маршрутке странного человека: всегда в чёрном закрытом одеянии в солнечную погоду, с зонтиком. По началу даже пол определить не удавалось: волосы короткие, голова опущена, одежда мешковатая, а на ногах камелоты.

— Я не последняя готесса Тюмени, — улыбнулась Маша, без труда узнав представителя своей субкультуры.

— Почему готесса? — прищурилась Лена. — Вдруг гот?

— Пафоса много, в десятых готический стиль не в моде.

— Верно, в какой-то момент Лёшка не удержался от любопытства и познакомился с этой девушкой. Звали её Саша, и у неё жуткая аллергия на солнце.

— Врёт, — решила Марина, отпивая из пузатой кружки готовый чай.

— Не факт, — Лена показала свою руку, на которой была россыпь аллергических пятнышек. — У нас с мелкой проявляется в начале сезона, так чутьточку, но покраснения неприятные. В общем, ста-

ли Саша с Лёшей общаться, по сети списывались, в маршрутке пересекались. Вот и рассказала девушка такую историю...

Будучи подростком, увлеклась Саша готической культурой. По выходным вырывалась из дома на «Плаху» к Ленину для встреч с нашими неформалами. Там они обсуждали фильмы, игры, музыку, книги, гуляли и вообще весело проводили досуг. Время от времени совершали дикие экскурсии по заброшкам и кладбищам.

Помнишь, Маш, у вас с Банькой фотки с Текутьевского?

— Есть, но с Ватутинского больше.

— Вот и у неё такие есть. Как и вы, готы фотографировались днём. Тогда девушка солнца не боялась.

В одно июльское воскресенье мальчик, который нравился Саше до мурашек, словил девушку на «слабо». Она пообещала сфотографироваться рядом с надгробием на Текутьевке ночью. Спор понравился знакомым: одна подружка пригласила на ночёвку, другая — пообещала «прикрыть» перед родителями, ещё пара человек, включая мальчика, обещали проводить до ограды и встретить с почестями.

В полночь Икс готичная компания отправилась на Текутьевское кладбище. А дело ещё до реконструкции было.

На территорию пошла только Саша. Чертовщины девушка не боялась, но двигалась медленно — больше на ощупь. Одичавшие столетние деревья не любили ночных прохожих, подставляя подножки или цепляясь за одежду.

Крайние надгробия, советские со скошенными углами, девушка пропустила. Ей хотелось найти высокий постамент Машаровых, но Саша потеряла направление в разросшихся ветках тополей.

Когда случайные лунные зайчики высветили крупный деревянный крест с крышей и двумя перекладами, девушка остановилась. Она всматривалась в этот памятник кратковременности человеческой памяти, вспоминая, в каком направлении выход. На фоне креста Саша приготовилась получить доказательство своего бесстрашия. Но выстрелом треснула ветка, и девушка вздрогнула. Дыхание сбилось, сердце забухало в груди, Саша обернулась.

На безымянном могильном холмике белела женская фигура. Саша окликнула видение, но ответа не услышала. Девушка пошла к фигуре. Дитя двадцатого века в привидения не верило. Чем ближе она подходила, тем чётче становилась шутница. Невысокая и хрупкая фигура была облачена в медицинский халат, волосы убраны. Саша навела объектив, чтобы запе-

чатлеть советский косплей «Сайлент Хилла». Палец зажал кнопку и вспышка ослепила обеих девушек.

Когда же зрение прояснилось, Саша стояла в больничной палате. За окном светило летнее солнце, забивая пастельные цвета комнаты, оттеняя коричневые подтёки на белых бинтах пациента.

На кушетке лежал мальчик лет десяти в страшных ожогах. Женщина с кладбища в том же халате проверяла капельницу, из коридора доносилось сдавленное рыдание. Медик вышла к родственникам. Ровным голосом женщина говорила о неизбежном. В чёрном коридоре её слушали трое: родители и бабушка. Отец стоял, обхватив себя руками и вцепившись в собственные предплечья; мать, скорчившись, давила рыдание бесцветным платком; пожилая женщина сидела рядом, сливаясь безмолвием с тьмой коридора.

— Мальчик едва ли доживёт до утра, состояние критическое, — женщина в белом халате сама хотела рыдать, но сейчас нельзя — работа. Родные смотрели в солнечный мир палаты, где лежала их уходящая радость. Мать вскочила с лавки, бросилась к медику, перескакивала с угроз к мольбам и обратно, пока супруг не прижал её к себе. Медик стояла молча, только кулаки сжались сами собой. Мать смолкла, родственники развернулись уходить.

Саша могла наблюдать, как зритель в виртуальной реальности. Девушка услышала бормотание обернувшейся старушки. Та смотрела на медика, шевеля только губами. Мурашки бежали по коже от острого взгляда бабушки, но Саше хотелось услышать слова. Она сделала пару шагов — догнать семью.

— Раз раб Божий Андрей солнца не взвидит, так и ты, — старуха смотрела уже в глаза девушки, — раба Божия Александра, убоишься света! Аминь.

И солнечный зайчик ослепил Сашу.

Проморгалась готесса, стоя уже на ночном кладбище. Столетние тополя перешёптывались о незваных гостях, руку оттягивал фотоаппарат, за спиной лунные зайчики прыгали по деревянному кресту, а белой фигуры как не бывало. Саша сплюнула три раза через левое плечо, удивляясь разыгравшемуся воображению, сделала фото и без проблем вернулась к друзьям.

Весь следующий день девушка рассказывала желающим о ветках и молодой поросли, которые мешали найти удачный ракурс для снимка на полночном Текутьевском кладбище. Она лежала на травке, вкушала выигранную шоколадку, слушала любимую музыку, смотря на нетленного Ленина.

Однако к вечеру открытые участки кожи покраснели, а через день — пятна припухли. Родители отравили Сашу в поликлинику, запретив до выздоровления поездки в город.

Лёше девушка сказала, что это острая форма аллергии на солнце — фотодерматит, кажется.

— Я гуглила, — уточнила Лена. — Врачи не знают чем это вызывается, и встречается заболевание редко, а Саша считает, что призрачная врачиха передала ей порчу старухи.

Подружки недолго обсуждали историю, предлагая пути выхода из подобной ситуации. Их главный вывод сводился к тому, что ни один смазливый мальчик не стоит потери здравого смысла.

Посиделки названные сестры устраивали редко, и вспомнить всё, что обсуждалось, невозможно. Эта история должна была затеряться в ворохе более важных тем, если бы в один из солнечных дней, проходя по площади 400-летия Тюмени, Марина, Маша и Лена не увидели фигуру под чёрным зонтиком. Ночная байка обрела плоть, любопытство победило правила приличия. Подруги изменили привычный маршрут и, вместо обычного любования инсталляцией «Трансформатор меж берёзок», прошли мимо автобусной остановки.

Последняя готесса Тюмени в чёрных рубашке, джинсах и кедах спряталась под чёрный зонтик-трость.

— Бедная девочка, — сочувствовала Лена.

— От нее жутью несёт, — поёжилась Марина.

— Прикольная, — заключила Маша.

Дарья Сыромолот

Недостаток

Счастье. Оно близко, если не совершать ошибок, исключаяющих его. Вот, я вижу родные черты, беру тебя за руку, чувствую нежные прикосновения, надеваю тебе с этим «люблю», строю планы на будущее, а часы, считавшие минуты до нашего расставания, стоят... Но даже в моём подсознании это невозможно: стрелка часов всё-таки пересечёт точку невозврата. И каждую ночь я словно в колбе, из которой высасывают воздух до полного вакуума.

Мои лёгкие снова надрываются от боли и глухого крика... Впиваюсь руками в жёсткую ткань и чувствую, как длинный поток воздуха заструился в лёгких. Открываю глаза. Жёлтые фигуры нарисованы фонарным светом на потолке. Отдышавшись, вытираю рукой мокрый лоб, нащупываю на полу стакан с водой. На часах 4:30. Прохладный душ взбодрит, недописанная статья не даст снова уснуть.

На работу меня сопровождает шум листьев под холодными ботинками. Хруст-хруст. В офисе я машинально бросаю пальто на серый тканевый стул, иду к автомату с кофе. Огибая меня, по помещению носятся звуки голосов радостных коллег (сегодня пятница).

— Эй, Жень, Борис Валентинович сказал, чтобы ты зашла к нему! — Это моя коллега, Ира, чья статья стала лучшей в конкурсе «Дети — цветы жизни. Как их развивать». Я сухо здороваюсь и, шмыгая носом, иду к своему рабочему месту.

В кабинете редактора свежо, но солнечный свет всё равно проявляет миллиарды невесомых пылинок. Знакомый стол, за который меня просили сесть уже раз сто для того, чтобы поблагодарить за прекрасную работу или сказать: «Чёрт возьми, что за статья?», занимал треть офиса. Вдоль стен — шкафчики разных размеров и единственный на весь офис диван.

— Евгения. Гм... — начал редактор, мужчина лет сорока пяти с лысиной на макушке, с неэстетичным пивным животом. — Я так полагаю, вы не особо снабжены работой... статей у вас серьёзных мало, они в основном так... — он нарисовал что-то ручкой в воздухе. Видимо, это помогло ему выбрать подходящее слово. — Они... гм, рядовые. Я тут нашёл вам одну работёнку. Статья, к конкурсу. Ирина не сможет написать её, поэтому доверю это дело вам. Смотрите, Евгения, — он аккуратно положил ручку на стол и взглянул мне в глаза. — Вы поймаете сразу двух зайцев: приобретёте новый опыт и получите шанс выиграть в этом конкурсе. Как вам идея?

Идея так себе. И смогу ли я быть равной в этом Ире?

— Хорошо, — я подняла голову выше, мысленно заглушая внутреннее противоречие.

— Тему уже выбрали — смысл человеческого существования, — пробасил редактор.

— Сколько у меня времени?

— Не больше недели. Всё, мне некогда. Подробности обговорим позже, — Борис Валентинович взмахнул рукой, давая понять — разговор окончен.

Смысл жизни. Какая всеобъемлющая тема! Любовь, дети, а может, — деньги? Но я не люблю, за деньгами не гонюсь и детей не хочу.

Моей школьной любовью был Лёша. Ну что с нас было взять? Мы развлекались как могли, потом сильно жалея о последствиях. Мы пили в барах и курили кальяны дни напролёт, мы могли сорок восемь часов не выходить из постели, иногда лишь покидая её ради банки пива. Наше увлечение друг другом продлилось два месяца и разделило мою жизнь на «прежнюю» и «настоящую».

Легкомысленность делает человека уязвимым, что приводит к ошибкам, часто неисправимым. И признаться в этой ошибке человеку, которого боль-

ше всего любила, я не смогла. Там на полочке над телевизором, третья по счёту, лежит тетрадь со стихами этого человека. Паша посвятил их всему миру. И почему это мир ему был важнее меня?

— Посмотри на луну! — его голос прочно засел у меня в памяти. Мы сидели в июньских сумерках и отнимали друг у друга коробку конфет.

— Ну? — вопросительно взглянула на него я.

— Как ты думаешь, людям удастся когда-нибудь населить её? Приучиться жить в практически отсутствующей атмосфере?

Паша хотел привнести в этот мир чуточку своих размышлений. А я недовольно вздыхала и закатывала глаза, как только он начинал задумываться о проблемах человечества, о вечном. Сладкая вата в парках и приятные посиделки за разговорами, редкие страстные ночи не оправдывали его частые отсутствия за праздничным столом и холодную половину постели. И вот, почему-то его тетрадь до сих пор храню, хотя уже прошло три года. Может быть, потому что, когда открываю её, мне становится тепло, как прежде?

Но сегодня мои руки не тянутся к знакомым стихам со сбитой рифмой и скрытым смыслом. Надеваю пальто и кутаюсь в шарф.

Брр, руки просятся в холодные карманы. Каждый вечер несущий свой караул: подсматриваю в окна домов.

Обычная хрущёвка или современный панельный дом: всё зависит от его атмосферы и расположения.

Люди низкого достатка всегда привлекали меня. Их желание жить лучше находит выход в изобретательности, их разум направлен на быстроту и ловкость мышления. У богатых всё иначе. Им не нужна рациональность решений, им нужен результат, и как можно быстрее.

Вот, простой деревянный дом. Заново нанесённая краска не спасёт его от съедающей изнутри сырости. Заглядываю в окна и воображаю, какое блюдо готовит мать семейства, беспокойно крутящаяся на кухне, какую передачу смотрит её муж, сидящий в соседней комнате. Я представляю, как их дети, невидимые мне, ждут ужина, бросая друг в дружку подушками. А может они смиренно делают уроки за оранжевого цвета столом? И есть ли они вообще? Или эта семья так же, как и я, не желает тратить время на хлопоты вроде смены подгузников, варки каши, а затем на помощь с домашним заданием? Переживать вечно за них: надел ли шапку, выходя из школы? Не обижают ли его сверстники? Хорошо ли он питается? Есть ли подружка или друг? Предохраняется ли он или она?

Старик, который всё это время стоял недалеко от меня, скоро набивал карманы своего зелёного потрёпанного пальто кусками хлеба, оставленными на

тротуаре для бродячих собак. «Кто ты? Кем ты был недавно? Наверное, ты неплохо жил. Это видно по твоим движениям: стараешься всё делать быстро, чтобы никто не заметил твоего унижения». Рука старика промахивается мимо кармана, и хлеб падает на землю. Но он не поднимет его. С догорающим угольком гордости в глазах дед делает вид, что не заметил выпавших хлебных корок.

— Извините, — дотрагиваюсь до согнутой спины, чувствую нестерпимый запах пота, пересиливаю себя, чтобы не скривиться или вовсе не убежать. Всё тело человека пронзает судорога. — Вы обронили.

— Спасибо, — покрытая въевшейся грязью сморщенная рука хватает протянутый кусок хлеба. Я не рассмотрела его лица. Наверное, оно тоже отмечено нищетой.

Мой отец всегда говорил, как нужно жить, к чему стремиться, чтобы достичь успеха. Он говорил, что нельзя думать только о мелочах, насущных потребностях, что нужно больше думать о глобальном: о человечестве и его неистребимых нуждах в комфорте и эстетике.

Но, папа! А как же этот человек? Я вижу, как он пытается побороть чувство унижения, чтобы исполнить свое естественное желание. Думает ли он в эту минуту, когда настолько слаб, что едва может про-

должать свой путь к спасению, о человечестве и его нуждах? Когда вечернее солнце, которое кажется нам тёплым, ему лишь указывает путь, потому что он в своих протёртых лохмотьях не замечает этого крошечного тепла.

Рука моего отца никогда не подавала милостыню просящим, он не подкармливал бездомных животных и оправдывался тем, что зарабатывает только для нас, для его девочек.

Папа часто пропадал по ночам, а в следующие за ними дни я видела маму печальной, уставившейся в одну точку.

Мама, мамочка, когда я была крохой, ты говорила совсем иначе — мир для тебя не строился из бизнеса и денег, он состоял из семьи: из детей и любви любимого мужчины; из радостей повседневной жизни. Ты всегда читала мне сказки на ночь, в основном про Русалочку — мою любимую. Нам обеим не нравился конец этой грустной истории, и мы принимались переделывать его в счастливый:

— Вот так, теперь лучше. Засыпай, кроха! — мама тушила свечу, которую приносила после молитвы в мою комнату. Я любила запах свечи, любила беспокойный огонь, растущий на ней, и тусклый дрожащий свет, отбрасываемый им на стены.

Падаю! Вниз, вниз! Чувствую воздух, обхватывающий и сопротивляющийся мне. Волосы и платье рвутся вверх. Глаза пытаются уловить каждую из быстро сменяющих одна другую картин: вот я заканчиваю школу, последний звонок, университет, знакомство с Пашей, первый рабочий день...

Резко приземляюсь на ноги. Напротив — затемнённый экран, на нём — моё расстроенное лицо, осенний пейзаж... Но это не зеркало... Обернулась — позади белые стены и пустота.

Вынув таблетку из упаковки контрацептивов, моя копия бросает её на асфальт. То же самое она проделывает множество раз: ещё и ещё, пока частота смены изображений не увеличивается до предела. На экране живо проигрываются мои худшие воспоминания. Таблетки были для меня пустой тратой денег, с одной стороны, и возможностью сохранить тайну, с другой.

Изображение на экране меняется. Кухня в нашей съёмной квартире. Паша и я стоим друг напротив друга. Он рассержен, дышит тяжело:

— Ты не хочешь детей? Как это понимать? Ты же знаешь, как это важно для меня! — Паша подошёл вплотную ко мне. Его глаза зло прищурены.

— Не хочу... Милый, это же такие хлопоты, лучше заняться собой, нами... — попробовала я заклеить ползущую между нами трещину, сама не веря в свои слова.

Паша схватил моё запястье. Трещина не склеивалась.

— То есть, мать твою, я останусь без наследников?! И ты молчала об этом три года? Так? Выслушивала все мои мольбы, советы и все эти три года смеялась надо мной, над моими мечтами? — впервые тогда увидела его в бешенстве. Внутри нарастала борьба: рассказать или нет? Я промолчала: если раскрою свою тайну, он перестанет видеть во мне полноценную женщину.

— Убирайся! — заорал он.

Изображение начало уменьшаться, сползаясь к центру экрана, пока не исчезло.

Теперь я вижу девушку с красными от бесконечно долго сдерживаемых слёз глазами. Такую ничтожную. По моему телу разливается жар — жар гнева. Дрожащими руками начинаю ударять по своему отражению, будто это поможет ослабить ненависть к себе, к тому роковому поступку. Кричу: «Что мне сделать? Что сделать, чтобы простить себе это? Чтобы перестать презирать себя?» — я срываю голос и снова задыхаюсь.

Занавес помутнённого сознания. Воздух вновь возвращается.

Через несколько дней размышлений я начну рассылать резюме в поисках новой работы. В конце очередного рабочего дня начальник подпишет заявление о моём увольнении. Он будет негодовать, зачем мне, журналисту с опытом, ехать в другой город, чтобы преподавать литературу.

Диплом пединститута, бережно протёртый от нескольких слоев пыли, я положу в дорожную сумку. Кассирша, не глядя на меня, протянет билет — и вот я, мой чемодан и бесчисленные сумки готовы к отправлению.

«Поезд номер пятьсот семнадцать „Москва–Анапа” прибывает на пятый путь», — бесформенные звуки выливаются из колонок. Свист вращающихся колёсиков чемодана сопровождает меня до нужного вагона.

Движущаяся картинка за окном постепенно замедляется. Мои глаза прикованы к ней: покосившиеся технические постройки, бегущие электрические провода и стоящие на соседних путях цистерны с нарисованными черепами. Раз, два, три, раз, два, три: постепенно набирают скорость встречные пассажир-

ские вагоны. Наконец их поток прерывается. Внутри моей груди раздаётся сильный удар сердца. Маленький жёлтый силуэт промелькнул за окном... Девочка лет трёх-четырёх, играющая на соседних путях. Уже стою в тамбуре. Кричу, но никто не понимает меня. Прошу открыть выход к путям, но требуется около минуты, чтобы объяснить ситуацию проводнице. Ключ отсоединяется от замочной скважины. Я всем телом толкаю дверь и прыгаю вниз, на рельсы. Ноги цепляют деревянные доски, горло горит. Задыхаюсь, а мысли сталкиваются друг с другом, вызывая жар и боль в голове. Это чувство так знакомо мне из снов.

Пробегаю ещё один вагон. Я не вижу её! В глазах двоятся железные палки, вагоны и здания. Гудящий звук разрезает воздух. Это поезд. Встряхнув головой, я тщательно оглядываю пространство вокруг себя. Справа, на повороте соседнего пути, — девочка. В жёлтой курточке и с машинкой в руке она не спеша идёт между рельсов.

— Эй! Стой! — ноги словно из ваты, но я не оста-навливаюсь. Улавливаю стук колёс и наблюдаю то, что через несколько секунд лишит меня возможности видеть, слышать, чувствовать...

Девочка наклоняется к ромашке, проросшей между деревянными шпалами. Она замирает, её гла-

за с испугом и интересом изучают меня. Преодолеваю последний метр и падаю, но моих сил хватает на то, чтобы столкнуть девочку с пути. Прижимаюсь к земле крепче, руки с болью впиваются в неё, желая отворить несуществующую дверь. Земля гудит, трясётся, и я вместе с ней. Грохот надвигающейся машины. Резкий толчок, поток воздуха. «Прости меня, доченька...» — мой шёпот поглощает земля.

В здании вокзала тепло. Вдоль стен — соединённые между собой зелёные металлические кресла, центр помещения занят стоящими и сидящими на сумках людьми. Девочка в жёлтой курточке с машинкой в руке сидит и болтает ножками в потёртых туфлях. Дверь, выходящая к платформам, отворяется. Девочка слезает с кресла. Ножки её неуверенно шагают к девушке, лицо и одежда которой испачканы землёй.

— Вам надо платочек, — девочка озабоченно покачала головой. — Сейчас мама придёт, и я попрошу у неё, — она чуть помолчала. — Меня Катя зовут, а тебя? — Её большие голубые глаза выражают любопытство. Девушка садится на корточки, по-доброму улыбается:

— Я Женя. Что ты делала на рельсах? — устало спрашивает она. Голос прерывается, дыхание съедается недавно полученным адреналином.

— На этих палках? — девочка рисует в воздухе две линии. — Гуляла...

— А где мама? — девушка гладит малышку по волосам цвета каштана. Девочка смущённо отстраняется:

— Не знаю, мама и папа тут где-то... мы поедem сейчас.

— Я здесь, здесь, милая! — женщина в элегантном чёрном пальто привлекает к себе внимание. Её волосы растрёпаны, а перепуганные глаза наполнены слезами. Она подбегает и берёт девочку на руки, прижимает её, целует.

— Эта тётя сделала тебе что-то плохое? — женщина озадаченно смотрит на ребёнка, а потом на девушку.

— Нет, мама, мы вместе гуляли, — девочка обхватила её шею. Мать с ребёнком на руках поспешила отойти от измазанной девушки. Скорее всего, бездомная. Малышка говорила что-то, а потом перелезла на руки к подошедшему к ним мужчине. Он ласково поцеловал её и облегчённо вздохнул.

Эпилог

— Женя, так в чём же смысл жизни человечества по-вашему? В вашей книге так много потайных

смыслов. Для одних — это просто выжить, найти еду и ночлег, для других — это деньги, комфорт, для третьих — признание, для четвёртых — любовь.

— Смысл жизни определённо в детях.

— Но в вашей книге говорится, что вы не хотели детей, почему вы изменили своё мнение?

— Я его не меняла.

— Как же так?

— Я всегда любила детей.

— Но в вашей книге...

— Я знаю, да, но на что только человек не пойдёт, чтобы скрыть свой недостаток, чтобы казаться полноценным?

Анна Целуйко

На улицах продавали мимозу

Крупные ветки, усыпанные яркими жёлтыми шариками, были едва ли не на каждом углу, в миг раскрасив город, и грязные улочки почти перестали казаться такими убогими. Снега в этом году выпало очень мало, и к началу марта город полностью погряз в оставшихся от зимы мусоре и черноте.

Лёшка был сам не свой. Он дважды подскользнулся на грязной корке льда, какой были покрыты все тротуары, проклинал рабочих, которые этот самый лёд сбивали, загородив дорогу.

В рюкзаке болтались тетради с конспектами уроков, которые он сделал в последний момент. До экзаменов оставалось всего ничего, а Лёшка, осознав это, стал хвататься за обрывки своих знаний, но те просачивались сквозь пальцы, как песок. Лёшка злился. Опоздывал и злился ещё и поэтому.

На глаза ему раз пять-шесть попались ярко-жёлтые букеты, и Лёшка вспомнил, что завтра 8 марта. Нужно было поздравить маму, бабушку, учительницу литературы (всех прочих Лёшка за 11 лет школы уже на дух не переносил), а ещё Кристину — девочку из соседнего подъезда, которая улыбалась милой улыб-

кой, болтала с ним на остановке по утрам и желала хорошего дня. Ни для кого из этих дам у Лёшки не было подарка, что злило его ещё больше.

Когда он всё же с горем пополам добрался до остановки, его автобус нахально подмигнул фарами и скрылся за поворотом. Лёшка глянул на часы и с досадой осознал, что времени осталось в обрез. Немного помявшись на остановке, он прыгнул в следующий подошедший автобус и решил, что один квартал пройдёт пешком.

Автобус был новенький, из тех, что недавно пустили по центру города, чтобы придать ему более облагороженный вид. С перил ещё не успела облезть краска, а спинки сидений не были исписаны всякой дрянью. Народу набилось прилично, и Лёшка решил не садиться, а постоять рядом с дверьми: всё равно ему выходить через пару остановок.

— Ну это просто издевательство какое-то! — слышался чей-то крайне возмущённый голос.

Лёшка чуть отклонился назад и разглядел недовольную женщину. Может, в молодости она и была красавицей, но сейчас обтянутое кожей сухое лицо и крючковатый нос не спасали даже сыворотки от морщин и слой тонального крема. Веки женщины были ярко покрашены какими-то старомодными голубыми тенями из разряда тех, которые пару десятков лет

назад так трудно было достать. Видимо, с тех времён они и сохранились. Женщина стояла, вскинув голову, и прижимала руку в перчатке тыльной стороной к носу и губам.

— Что вы молчите?! — снова завелась женщина, теперь уже обращаясь конкретно к кондуктору. — Сделайте же что-нибудь!

— А что я сделаю?! — так же недовольно отозвалась кондуктор. — Выйдет, дай Бог, через пару остановок. Я вообще с ним уже полдороги еду.

Женщина закатила глаза, словно получила личное оскорбление. Кто-то из салона бросил негромко:

— Оставьте вы человека в покое!

Но Лёшка не понял, кто именно это сказал. Зато понял, в чём была причина. Двери открылись, в салон хлынул поток воздуха и принёс с другого конца автобуса запах ужасный и затхлый: такой, будто бы несло откуда-то из подворотни потом, мочой и гнилью. Запах был не слишком сильный, но достаточно въедливый. Люди стали морщиться и закрывать носы. Лёшка оглядел пассажиров и нашёл взглядом виновника сумбура.

Это был старик. Из-под шапки у него выглядывали отросшие седые волосы, а лицо покрывала колючая борода. Он сидел полубоком, глядя в окно, и Лёшка почти не видел его лица, зато разглядел одежду. На

деде были большая чёрная куртка и штаны, в целом чистые и аккуратные, если не считать оторвавшегося подклада, что было заметно, так как куртка была расстёгнута. Ботинки тоже были сносные, но почему-то расшнурованы. Одна рука старика была запрятана под куртку, вторая покоилась на колене. Пальцы были короткие с криво остриженными ногтями.

— Это просто безобразие! Нельзя в таком виде находиться в автобусе! — не унималась женщина.

— Вы меня знаете? — вдруг спокойно спросил старик, чуть повернув голову: голос у него был хриплый, но беззлобный.

— Нет и Слава Богу! — воскликнула женщина.

— Вот и не говорите, раз не знаете, — так же невозмутимо отозвался старик и снова уставился в окно.

Женщина покраснела. Когда автобус остановился, она вышла, а её брань была слышна, пока не закрылись двери.

Лёшка слез на следующей остановке и заметил, что и старик тоже вышел. Этот факт добавился в копилку раздражения. Старик свернул к многоэтажкам, Лёшка пошёл прямо.

«И чего он, правда, влез в автобус в таком виде? — думал Лёшка. — Наверное, какой-то пьяница».

Но в том смраде не чувствовалось запаха алкоголя или перегара. Лёшка никак не мог выкинуть

эту мысль из головы. Он никогда не любил жалости, считая, что жалеют именно *жалких* людей, но сейчас жалость казалась ему самым приемлемым чувством. Задумавшись, он едва не упал, подскользнувшись на льду, и вдруг подумал, не смотря на свою жалость, смог бы он протянуть этому человеку руку, если бы увидел, что тот упал? Искривлённые отвращением лица людей в автобусе снова вспыхнули в голове Лёшки. Ответа сам себе он дать не успел.

Лёшка обогнул дом, решив срезать через двор, и вдруг увидел у детской площадки того самого старика: он остановился, шевеля той рукой, что была спрятана за пазухой. Лёшка уже было занервничал. Старик приподнял куртку, вдруг вытащил ветку мимозы и протянул её девочке с большим розовым ранцем. Та неловко помялась, стесняясь и сомневаясь, а потом закивала и улыбнулась, видимо благодаря старика.

Лёшка даже замер, позабыв, что опаздывает. Он хлопал глазами, переводя взгляд с девочки на мимозу и с мимозы на старика. Тот выпрямился, одёрнул куртку и вдруг обернулся, поглядев прямо на Лёшку. Их разделяло около двадцати шагов, но лицо старика будто расплывалось перед глазами. Лёшка опустил голову и быстро прошёл мимо, больше не оборачиваясь и не останавливаясь.

Старика он больше не встречал, но позабыть тот случай никак не мог: чувствовал, как что-то иногда словно колыхалось от воспоминания, какое-то чувство неправильности горьким привкусом появлялось во рту. А потому Лёшка старался не вспоминать. Мысли его постепенно заполнялись предстоящими экзаменами, учёбой и будущим университетом.

Через пару недель на город вдруг обрушились морозы, каких не бывало всю зиму. Окна напрочь застывало инеем, а изо рта прохожих вырывались облачка тёплого дыхания и клубились в воздухе.

Лёшка взял билет на электричку. Он не очень любил маленький городишко-посёлок, в котором жила бабушка, но родители настояли, чтобы он поехал её проведать.

Ехать было прилично, и Лёшка, не долго думая, вынул телефон. Пролистав все социальные сети, отведив на сообщения и посмотрев пару видео, он заскучал и открыл новости. В колонке «происшествия» на одной из первых строчек значилось: «Следователи начали расследование по делу замёрзшего жителя ветхого дома по улице Восстания». Заголовок прямо кричал: «Прочти меня!», и Лёшка машинально нажал на ссылку.

«...68-летний жилец ветхого дома был найден несколько дней назад мёртвым в парке на улице

Рождественская. Правоохранительные органы отмечают, что признаков насильственной смерти нет. По результатам судебно-медицинской экспертизы было установлено, что мужчина скончался от общего переохлаждения организма».

Лёшка пробежал глазами по строчкам и вдруг оцепенел. Внизу страницы была фотография, а на ней тот самый старик, которого Лёшка видел в автобусе. Только здесь он был совсем другим: чуть моложе, гладко выбритый, постриженный и в чистой рубашке. Видно, фото было сделано давно. Но Лёшка узнал мужчину по тем самым глазам, по такому же взгляду.

В поезде было тепло, но Лёшка вдруг почувствовал, как цепенеет всё его тело, будто он стал замерзать. Он читал дальше, переходил по ссылкам, прикреплённым к заметкам об этом происшествии, и всё больше и больше вдавливался в сидение.

Старика звали Григорий Петрович. Около года назад он с соседями был выселен из своего старого дома. Лёшка вспомнил двухэтажные постройки, на которых слой краски слезал, обнажая предыдущий, а тот в свою очередь отваливался и обнажал голые стены. На их месте собирались возвести большой жилой комплекс, а всем бывшим жильцам обещали дать там по квартире (конечно же, соответствующей старой по метражу). Вот только старые дома снесли,

а новые всё никак не могли построить. Сначала были проблемы с проектировкой, потом — с бюджетами. В итоге стройка встала, а большая растяжка «Здесь будет ваш будущий дом!» выцвела.

Лёшка поднял голову только когда услышал объявление своей станции. Он вскочил, схватил сумку, куртку и выскочил из поезда, который тронулся, едва Лёшка спрыгнул на перрон. Одевался он уже по дороге, как-то автоматически, толком не соображая, что делает. Внутри что-то перевернулось, и от этого кульбита Лёшке стало тошно. Будто в полудрёме он добрался до бабушкиного дома.

Вечером после ужина, когда уже погасили свет, Лёшка лежал в постели, не в силах сомкнуть глаз. Подросток опускал веки и видел лицо старика в тот момент, когда он обернулся. Лёшке казалось — он улыбнулся. Да, точно! Так и было. Просто в тот момент Лёшка этого не понял. Проглотив горький ком, он поднялся с кровати и в темноте, почти на ощупь, пробрался в гостиную.

Бабушка сидела на диване, пружины под ней скрипели, когда она шевелилась. В мыльной мелодраме кто-то признавался кому-то в любви. Лёшка подошёл и сел рядом.

— Бабуль, прости меня!

В тишине его голос прозвучал так странно и непривычно, что даже показалось, будто это сказал кто-то другой.

— За что? — удивилась старушка.

— За всё!

Через год на улицах снова продавали мимозу.

Лёшка купил два букета: одинаково больших, ярких и пушистых. Один он попросил завернуть в газету, чтобы не повредить по дороге, а второй оставил, как было, только перевязал ветки лентой, чтобы они не рассыпались. Продавщица улыбнулась ему на прощание и бросила:

— Надеюсь, эти букеты порадуют твоих дам!

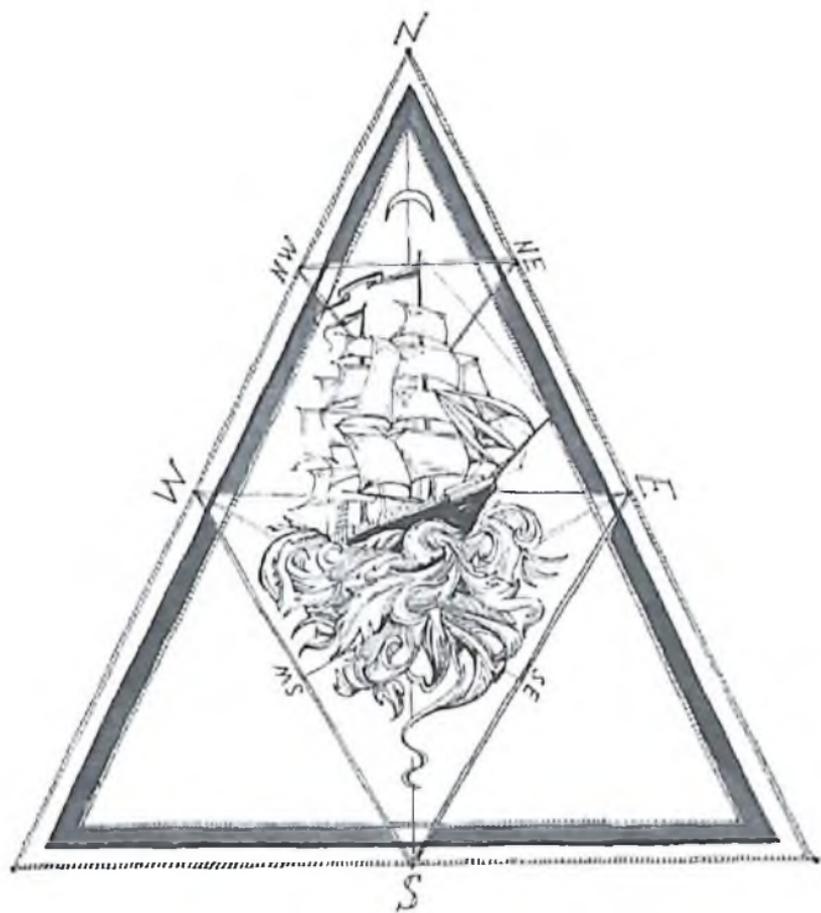
Лёшка только кивнул. Он не сел в автобус, а пошёл пешком. Теперь никуда не торопясь и не злясь. Лёшка знал куда идти, потому что за этот год выяснил всю нужную информацию.

Он пересёк парк, где пруд покрылся толстой коркой льда, по которой катались на коньках. Свернул у здания роддома и добрался ещё через пару кварталов до кованых ворот. Они были раскрыты, а на почти голой земле виднелись следы шин. Лёшка прошёл по ним вглубь, разглядывая тяжёлые гранитные плиты с фотографиями неизвестных людей, от которых остались лишь даты и короткая чёрточка между ними, вмещающая в себя всю их жизнь, потом

свернул вправо. Он побродил меж могил, прежде чем нашёл простой деревянный крест с именем Григория Петровича.

Лёшка шагнул к могиле, оставляя следы на нетронutom белом покрывале. Наклонился, расчистил руками снег и бережно положил перевязанную лентой мимозу. Здесь, на снегу она смотрелась как неаккуратное пятно жёлтой краски на нетронutom холсте. Лёшка вглядывался в мелкие шарики мимозы. Вглядывался, а потом вдруг заплакал. Слезы оставляли горячие дорожки на его щеках, а Лёшка стоял неподвижно, как истукан, и только грудь под курткой поднималась и опускалась от тихих рыданий.

Ветра не было, но ещё до сумерек пошёл снег. Лёшка чувствовал, как коченеют кончики пальцев, но не сделал попытки, чтобы это исправить. Он стоял, как солдат на посту, только однажды подняв голову, чтобы увидеть, как из глубины свинцового небосвода на него густо летят белые хлопья.

СТИХИ

Алина Агаева

Малиновый чай

Галактики пахнут малиновым чаем,
Жжёным сахаром, яблочным мылом.
Я ароматы хорошо различаю.
Главное — знаю:
На небе красиво.

Вздохну — станет легче —
Зыбкий, сжатый воздух.
Я слышу голос холодных планет,
Хвостатых комет,
Бородатых, мудрых звёзд.
Они иногда дают мне совет.

Созвездие Малой Медведицы
Конфетами, чёрной смородиной пахнет.
Тебе, конечно же, может не вериться,
Но моё небо никогда не обманет.
Мне верится.

Весна

Весна стесняется, смотрит сквозь пальца
На горожан из своих занавесок.
Не обморозить бы тонкие пальцы.
Весна в Уренгое, правда, чудесна.

Робко шагает и улыбается,
Надевает венок из белых цветов,
Что-то там делает, как-то старается,
В людские сердца селит веру в любовь.

И пусть неожиданно, снегопадом,
Зима тычется, ехидно смеётся,
Нас не тревожат все виды осадков.
Весна обещает — скоро вернётся.

Новруз Байрам

Вот как бывает у славян:
Уходит в феврале зима.
А у меня — Новруз Байрам,
Я не привыкла к холодам!

Сэмэни я кладу на стол.
Подружек в гости позову.
Готовлю не блины, а плов.
Вот так встречаю я весну.

Консультант

— Здравствуйте, вам что-то подсказать? —

Спросил консультант в магазине.

И захотелось сразу сбежать,

Но, к сожалению, не нашла силы.

— У вас продаётся надежда, —

Спросила я, — в банках красивых, стеклянных?

Он, продавец спортивной одежды,

Ответил, что нету, даже на складе.

— Вы знаете, мне бы кроссовки,

Чтоб прочь из города — готова бежать,

Пусть обязательно будет шнуровка...

— Простите, такие успели продать!

— Я слышала, вера по скидке

В коробках осталась, хотела купить.

— Раньше, конечно, была. В избытке.

Хотите футболку? Могу уступить!

Про любовь смысла спрашивать нет,

Её вы даже не заказывайте!..

Спасибо, консультант, что вы здесь есть,

Но ничего мне не подсказывайте...

Юлия Евстигнеева

Из разбитого сердца хочу сделать целое.
Пусть оно будет биться, смешное и смелое.
Пусть вернутся в него чистота и желания,
Пусть покинут сомненья, пустые метания.
Я хочу, чтобы в нём сохранилось хорошее,
Чтоб плохое ушло и уже не тревожило.
Я хочу, чтоб друзья в нём находили приют,
Что уж если приходят, то уже не уйдут.
Из разбитого сердца хочу сделать целое...
Вот! Забилось в груди: «Всё получится! Верую!»

Где живёт вдохновение?

А вдохновенье живёт на крыше...
Иль чуть повыше, иль чуть пониже.
А может даже живёт на солнце
Или в глубоком-глубоком колодце,
Достигнув прямо ядра земного.
И шепчет оттуда всего два слова
Дыханьем тёплым, как ветер с юга:
«Пиши, подруга! Пиши, подруга!»

Живут на свете «я» и «я»,
Потом они встречаются —
В «мы» превращаются.
Затем совместно строят *дом*,
Чтоб *дети* появились в нём.
Так и рождается *семья*,
А были ж просто «я» и «я».
Объединяет их *любовь*
И дарит *счастье* вновь и вновь.

У нас сегодня опять зима.
Вот так, неожиданно, почти в апреле
Скуют метелями холода.
Весна-весна, я в тебя не верю!
Послушай, Март, Расскажи мне сказку
О том, что тают снега в апреле,
О том, что скоро вернутся птицы,
Напой забытый мне звон капли!
Послушай, Март, ты же зимний месяц —
На пальцах иней, во взгляде лёд.
Давай же вместе в весну не верить,
Ведь нам о ней явно кто-то врёт!
Послушай, Март, завернувшись в свитер
И взявши чашку из тёплых рук:
Не будет точно весны и лета,
Лишь только зимних метелей круг.
Послушай, Март, мы уже не дети,
Покрылись пылью все чудеса.
Ты зимний месяц, ресницы — иней
И льдисто-серы твои глаза.
У нас сегодня опять метели,
В них заблудился твой брат Апрель,
Но ты напой мне про звук капли
И прошепчи: ты в весну поверь!

Знаешь, лето украли феи, нам подсунув
в замену осень так на добрый десяток лет.
Просыпайся, Октябрь, тебе смен стоять нынче
восемь, ведь весны и лета больше в природе нет.
Просыпайся, выползай из-под рыжих листьев,
собирай среди них колоду гадальных карт,
Вспоминай тысячу прожитых уже жизней,
проклинай загулявший когда-то Март!
Он сбежал, пост покинул одним из первых
и отправился в путь по другим мирам.
Потерявши месяц, были мы все на нервах,
но он, к счастью, к лету вернулся сам.
А Октябрь пьёт самый крепкий кофе
или чёрный, как зимние ночи, чай.
Он не спал давно, наготове вечно, вспоминает
за братом сбежавший Май.
А Октябрь слушает звуки песен, недопетых,
как не конченные стихи.
Каждый стих давно наизусть известен,
но оборван прямо среди строки...
А Октябрь шепчет кому-то сказки магией
тысяч скрипичных струн.
Закрывай же, малютка-подменыш, глазки,
а когда ты проснёшься, в город придёт Июнь!

Только вены дорог чернеют на белёсой
холодной коже.

Вечно юный печальный бог, злая боль тебя
снова гложет?

Скалят зубы твои морозы, тяжело воют
в чернильный мрак.

Собирая из льдинок «вечность», ты всё думал:
«Ну как же так?

Ну зачем ты, скажи мне, Герда, ну зачем ты
пошла за мной?

Тебя скроют снега, ты слышишь, Герда?
Герда, вернись домой!»

А из льдинок узор сошёлся, твоё время
свернув в кольцо.

Но не стёрлось и не забылось твоей милой
сестры лицо.

Её образ тревожит память, льдинка жжётся
в груди сильней.

Ты бы мог к ней вернуться, мог бы, но не жить
тебе средь людей.

Ты покинутый, безымянный, и душа словно снег
бела.

Тебя Герда искала, слышишь, так искала,
но не нашла!

Её в снежных объятьях скрыла твоя новая
мать — Зима.
Заметелила, закружила, а потом наступила тьма.
Вечность тянется слишком долго, и уходят
все те, кто мил.
Позабыл ты однажды вовсе, что тогда
человеком был.
Но о милой, прекрасной Герде так же плачут
твои ветра.
Ты отпустишь её однажды, но ещё не пришла
пора.
Ты, сложивший из льдинок «вечность»,
вечной жизни теперь не рад.
Умерла дорогая Герда уже тысячу лет назад.
Ты, замёрзший и бесконечный, смотришь хмуро
в ночную даль.
Тебя звали когда-то Каем, теперь же зовут
Февраль.

Спой мне прощальную песнь, окарина,
Сладкую птичью трель!
Мачтой скребёт небеса бригантина
И вот-вот сядет на мель.
Волны, цепляясь одна за другую,
Вдаль понесут по морям.
Скоро забуду я землю родную,
Песням доверюсь и снам.
Скоро мне станут просторы морские
Родней твоих ласковых глаз,
Но ты помолись, чтобы бури лихие
Всё ж обходились без нас.
Чтоб парус вздымался, как белая птица,
Чтоб лихо несло по волнам,
Чтоб всем нам живыми домой возвратиться,
Причалить к родным берегам!

Ну не бойся, милый, не будет боя,
Потому что вольному ветру — поле,
Тот, кто ищет мира — его получит.
Завтра снова солнце разгонит тучи.
Не страшись, мой милый, не будет битвы!
Заговоров нет, не нужны молитвы,
Потому что боги к молитвам глухи,
Но судьба без них тебе дастся в руки.
Ты не бойся, странник, семь вёрст под ноги,
Ты ведь знаешь — коротки все дороги,
Ты ведь знаешь — коротки все пути,
Было б только с кем и куда идти!
Не страшись, мой странник, дождей и вьюги,
Ты ведь заешь — коротки все разлуки,
Все дороги, знаешь, сплетутся в память,
Ну, а память нам не убить, не ранить!

Дарья Матюхина

Читательница

Снова подъём в шесть утра и голод,
Стен безразличие и тишина,
Шелест страниц потихоньку. Город
просыпается. Только ложится она,
Ложится на стол голова, и руки,
пытаясь залить в горло кофе,
нащупывают что-то засохшее в блюде —
её кулинарную катастрофу.
Идёт на учёбу... всё как обычно,
не выпускает из рук телефон.
Реальность страниц ей привычней,
чем однообразности полусон.
Она читатель. Буквы для неё — еда, игла.
Она счастливая. Пока не обнажилась вся интрига,
пока открыта свежая глава
и не прожита книга.

Анна Моисеева

Икар

Он лежит на разбитых крыльях, опалённых
горячей медью.
Весь укрытый тяжёлой пылью Икар вздрагивал
в час обедни.
Вечно молча вкушал молитвы, позабытый
в Христианском храме.
Витражи отражали битвы в помутневшей
оконной раме.
Раскалённым кинжалом солнце в пике жалило
его кожу.
Он давно не видал червонцев, осуждён он был
и ничтожен.
Месяц мечет янтарь разбитый, открывая былые
раны.
Лишь стремленьем к мечте убитый он распят
на плите у храма.
Ему небо казалось светлым, и надеждой ветра
манили,
А остался лишь привкус пепла на устах, что уже
застыли.
Только сон не смежает веки. Он агонией
страшной дышит.

Проклинали безумца греки, голосов их
он не услышит.
Плач разнёсся тревожной тризной, слёзы точат
гранитный камень:
Слишком рано ушёл из жизни, безрассудства
мечом изранен.
Что, Икар, ты взмахнул крылами да поднялся
подобно Богу?
Смертным ведь не бывать богами, только тенью
былой дороги,
Только первым рассветным ливнем, да бурьяном,
что у могилы!..
Белых кружев раскинув крылья, клял богов
в недостатке силы.
Только быстрой и скорбной песней, что срывает
остатки ночи.
Став с мечтою одним движеньем, возвращаться
никто не хочет.
Лишь затронув восход чудесный, ты лишился
полёта дара.
Может, умерший и воскреснет — стал ты
пленником вечной кары.
Обвивали цепями персты, да обуглили перья
тенью..
Ты изгнанник, лишённый места под туманным
плащом видений!

Погребённый своей печалью, ты у стенки
ютишься голой,
Лишь твой взгляд, что заточен сталью, разрезал
отсыревший холод.
Наказанье твоё — мученье — наблюдать, как
иссохнет вера,
Как утратили блеск камня и заходит
Олимпа эра.
Угрожавший чужим законам, ты был скинут
верховной волей,
Безразличной к обычным стонам и глухой
к человеческой боли.
Что ж, Икар, мне твой путь неведом,
но низвергнуты эти Боги,
За тобой устремлюсь по следу, чтоб в пыли
отыскать дороги.
Блёклый свет заливают камень, оцарапанный
ржавой медью.
На мгновенье взмахнув крылами, породил он
одни лишь сплетни.
Что за воин с чертами Бога, на разбитых ветрами
крыльях,
У заветного встал порога, скинув нити точёной
пыли?
Кто проникнул в иное царство, да остался один
на грани?

Жаль, Икару пора расстаться с облачёнными
в жёсть мечтами.
Только ты признавать не хочешь, горд твой взор,
и раскрыты плечи.
Словно древний клинок ты точишь, чтоб
сразиться в великой сечи.
Но остался лишь ты один, схоронивший мечту
надежды.
Скорбной памяти господин, с вязью крыльев
и без одежды...

Петербург

С ресниц облетают звёзды и громко визжат
как пули,
в перстах своих вечер поздний баюкает поцелуи.
Ладонью скользя по рёбрам, там ветер
стреножит время.
Под арфы стеклянной коды, в закатное
вспрыгнул стремя
и впился губами в лето осеннего боя призрак.
Вино голубого цвета, волной захлебнулось
льдистой.
Ты дождь пропустил по венам, и морозь
на бледной коже сияла молочно-белым.

А капли на мыслях дрожью растаяли острым
пеплом.

Осели плащом на плечи рой сумерек с шумным
эхом,

туша фонари как свечи, гоня мотыльков по небу.
Их крылья — студёный иней.

Луной отравившись, в небыль исчез обнажённый
ливень,

распятый грозой и сталью.

Обрушил свой меч на город тяжёлый приказ
мистраля, запахнутого в холод.

Ты руки дыханием греешь, рисуешь на них
узоры.

А тучи безбожно тлеют, и башни стоят в дозоре.
Нева тонкой лентой вьётся — она захлебнулась
песней.

В стакане плескалось солнце, осевшее в гавань
леса.

Дворцы в золотой лепнине тускнеют в твоих
объятых,
стоят по колено в тине со всей королевской
статью.

Где шёпот качает стяги на вколотых в небо
спилях,

где кружками крепкой браги суда измеряют
мили.

Лаванда влилась на пристань.
Здесь тени закатной розой целуют родные
листья.
Бегут по колоннам лозы, и боги тихонько плачут,
с высоких смотря фронтонов.
Где лошади в пене скачут, увязнув в *блокатой*
бронзе.
А ты рассыпаешь жемчуг и нити вплетаешь
в косы,
там капли солёным смерчем мостов оплетают
тросы.
И ливень течёт по венам, в крови он грохочет
гулко,
как гром в океане неба солёного Петербурга.

Я оглохну ударом по сердцу.
Я оглохну, запетая ветром.
Я оглохну от запаха специй,
От певучего говора кедра.
Я оглохну от скрипа полозьев,
От гудков паровозных вагонов.
Я оглохну, опавшая в осень
От протяжного птичьего стога.
Я оглохну от долгой дороги.

Я оглохну от гулкового эха,
От молитвы, что в сердце у Бога,
Я оглохну от грустного смеха.
Я оглохну от мягкого блюза.
Я оглохну от мерного шага,
От хрустальной неласковой стужи.
Я оглохну от скрежета даги,
Я оглохну от выбитых рёбер,
От стихов и сонетов Шекспира.
Я оглохну от тысячи копий.
Я оглохну от книжного мира.
Я оглохну от лунного крика.
Я оглохну от запаха яблок.
Я оглохну от сладкого сидра,
От ритмичного быстрого джаза.
Я оглохну от запаха кожи.
Я оглохну, увязнув во штиле,
От сковавшей ресницы дрожи.
Я оглохну от винной пыли.
Я оглохну от шёпота мыслей,
От цикад, что стрекочут утром.
Я оглохну, свалившись с мыса,
Волн барашки целуя в губы.
Я оглохну от прелых листьев.
Я оглохну от ружий грозных.
Я оглохну от лун сребристых

И от струн, что звенят под кожей.
Я оглохну от древних песен.
Я оглохну от танца лиры.
Я оглохну от страхов леса
И, оглохнув, услышу имя.

Завеса из трёх молчаний
Мне шёлком стянула плечи.
Закат — перебор печальный
И хрупкий, как майский вечер.
У сумерек голос тихий,
Рождённый пылью и светом,
Лавандой, сплетённой в вихри,
И с яблонь опавшим цветом.
Конвой поцелуев ветра
Стеклянных, как голос стали.
Там небо пурпурной лентой
Серебряный город жалит.
Слова застревают в лёгких,
Хмельные от ярких красок.
В груди моей сотни вздохов
Застыли на струнах арфы.
И стало вдруг невозможно
Чернилам ласкать бумагу,
И песне звенеть под кожей —

Солёную выпить сагу.
Задушен в ладонях ветер.
И строки стихов — по венам.
Дождь бьёт раскалённой плетью,
Жжёт влагой мои колени.
А мне ни сказать ни слова.
Они дребезжат на пальцах.
Мне сердце, наверно, снова...
Мне строфами не касаться
Тебя, твоих губ и рёбер.
Нем воздух, и глухо небо.
Свинцового горя одурь
Стихи отправляет в небыль.
А я тишиной до края
Пьяна как вином и хмелем.
Я режусь об шорох рая
И ангельский контур перьев.
Читаю чужие письма
Навзрыд. Распускаю листья.
Молчание — тоже исповедь.
Все страсти не громче свиста.
Я только плету узоры
Из строчек молитв горячих.
Молчание — тоже слово,
Которое много значит.

Юлия Некрасова

В пропасть забвения падаю медленно,
Не подавай мне руки.
Стой и гляди на меня до последнего,
Только назад не влечи.
Легче быть тенью забытого прошлого,
Чем в настоящем никем.
Больше не стану желать невозможного,
Жертвуя всеми и всем.
Может, и сладок вкус плода запретного...
Сердце сжимая в тиски,
Кану в забвенье. Гляди до последнего,
Но не подай мне руки.

Если ты кого-то обманешь,
Сам однажды обманутым будешь.
Осуждённым когда-нибудь станешь,
Если сам кого-то осудишь.
И тебя жизнь жестокостью ранит,

Если ранишь другого жестоко.
И в тебя будут брошены камни,
Если камни бросаешь в кого-то.
Платишь злом — зло получишь на сдачу.
Жизнь устроена так, не иначе.
На добро твоё отвечая,
Бумерангом его возвращает.

Знаешь, истинный секрет
Не искать зла, где его нет.
Не наступать на чувства
И не страдать себе во вред.
Настоящее искусство
В том, чтобы видеть в ком-то не тьму,
А души яркий свет.
Не скулить, что любовь ушла,
Оставив горечи след.
Если это и в самом деле она,
То тебя никогда не покинет.
Нет.

Модно
рисовать себе брови, в уши — тоннели.
В «Инстраграмме» селфи в постели.
Модно —
спиннер, кокс и айфоны.
Быть притом тупей телефона.
Модно
променять семью на карьеру.
Не душой голодным быть — телом.
Модно
путать жажду с мечтою,
а любовь — со связью простою.
Если для тебя это модно,
никогда не будешь свободным.

Артём Пономарёв

Голос

Захлебнувшаяся леди,
Встань на моих костях.
Ощути сладкий привкус меди
На своих карамельных кистях.
Я потрачен процентов на сорок,
Ещё сорок раздам за долги.
Двадцать пять составляет порох,
Остальными играешься ты.
По газетным обрывкам,
Эфирному мусору,
Протокольным отрывкам,
Память плывёт.
По закошенным полосам,
На полях.
Мягким и радостным голосом
Февраль запоёт.
Голос сильный и звонкий,
Гордость.
Голос хриплый и колкий,
Съёбнулся в пропасть.

Две монеты одной стороны,
Лета.
Гениальность актёрской игры
И решётки вечной весны.
Мы будем счастливы, наверное,
Где-то.

Мёртвым

Воздух искрится от света,
Пронзительность синих глаз.
На теле — мемуары лета,
Внутри — удушающий газ.
Пустота в разговорах,
Простота в торжестве.
На бескрайних просторах,
Сила лишь в рождестве.
Героином обсыпаны крыши,
Героини лежат на спине.
Расступаются серые мыши,
Захлебнувшись в крамольном вине.
Задыхаются инеем стены,
Белокурые дети летят.
Мёртвым моря по колено,
Живым и стакан не простят.

Холод

Раствориться бы в этой погоде,
Задохнуться бы в этом городе.
Мимо проходят одетые люди по моде,
Мёрзнут руки и струны на холоде.
Мы видим себя в зеркалах,
Мы ворует друг у друга хлеб.
Мы любим друг друга в прокуренных залах,
Не помня друг друга за давностью лет.
Поэты вокруг,
Мы голые мысли прикроем стихами.
Забудемся вдруг
И вспомним друг друга большими глотками.
Гитара развеет меня,
Заплаты сорвёт, и уносятся слёзы.
Прощаем друг друга,
О стены курилки затушим вопросы.

Литературно-художественное издание

18+

Тысячи знаков

Сборник рассказов и стихов
учеников Школы литературного мастерства
имени Владислава Крапивина
при Тюменском государственном университете

Редактор

Ю. Ф. Евстигнеева

Компьютерная верстка

С. Ф. Обрядова

Дизайн обложки,
иллюстрации

М. П. Булатов

Печать цифровая

А. В. Башкиров

Печать офсетная

В. В. Торопов, С. Г. Наумов

Подписано в печать 29.12.2018. Тираж 100 экз.

Объем 12,57 усл. печ. л. Формат 60×90/32. Заказ 1096.

Издательство Тюменского государственного университета

625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81

E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

285 50

Школа

литературного
мастерства
им. В. Крапивина

Вы держите в руках сборник мистических и таинственных историй молодых и юных авторов.

Мелочи могут повернуть жизнь человека на 180°. Взгляд, брошенный из-за плеча, старинная монета или случайный поцелуй на перроне...

Каждый день нас окружают знаки и символы, которых мы не замечаем. Но стоит взглянуть на мир под другим углом, и вы увидите — их тысячи.